

Л. Д. Симашенков

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ИНВОЛЮЦИЯ ИДЕАЛОВ

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Самара
«Издательство АСГАРД»
2017

УДК 17
ББК 87.7
С37

Симашенков П. Д.

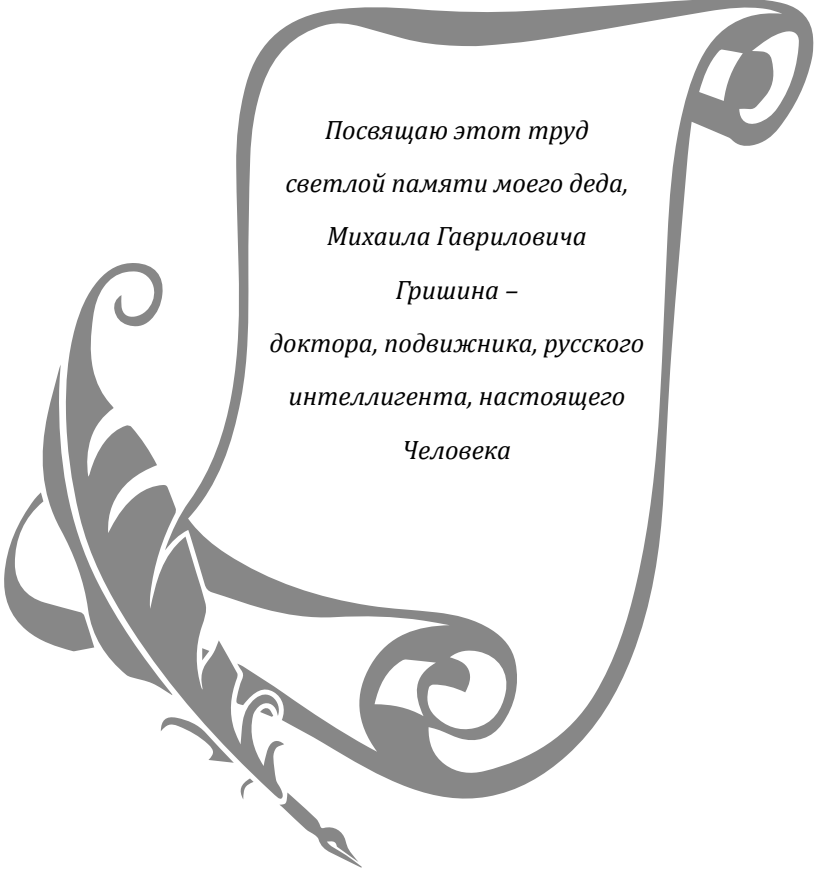
С37 Исторический прогресс и инволюция идеалов : этико-философское исследование. Самара : ООО «Издательство АСГАРД», 2017. 176 с.
ISBN 978-5-9905791-2-5

Эта книга призвана в большей степени воодушевлять, нежели наставлять, пояснять и советовать. Автором обозначены ключевые моменты теории инволюции идеалов: первая часть посвящена мировоззренческим вопросам, разрешаемым не диалектически, но благодаря т. н. суперации; во второй части – статьи преимущественно о России, и в них суперационная парадигма применяется к некоторым частным проблемам.

УДК 17
ББК 87.7

ISBN 978-5-9905791-2-5

© Симашенков П. Д., 2017

*Посвящаю этот труд
светлой памяти моего деда,*

Михаила Гавриловича

Гришина –

*доктора, подвижника, русского
интеллекта, настоящего*

Человека

К читателю

Я стою на одном: что частные вопросы не имеют права загромождать до такой степени человеческие умы, чтобы исключить вопросы общие.

М. Салтыков-Щедрин

Всё знать нельзя. Вот отчего так ценятся панацеи, формулы успеха и прочие универсальные «мультиварки просвещения»: они, по сути, тоже задают единый принцип, из которого при желании можно вывести более конкретные умозаключения. Да, такие формулы не универсальны (хотя и претендуют порой на универсальность), но они – своего рода хребты разнообразных мировоззренческих скелетов.

Эта книга, смею надеяться, призвана в большей степени воодушевлять, нежели наставлять, пояснять и советовать. Я постарался тезисно обозначить ключевые моменты теории инволюции идеалов, которые планирую более детально развить в последующих публикациях. Первая часть посвящена общим, концептуальным вопросам, разрешаемым не диалектически, но благодаря т. н. суперации. Во второй части – статьи преимущественно о России, и в них суперационная парадигма применяется к некоторым частным проблемам.

Русская философия – скорее (во многом парадоксальный) образ мыслей, нежели их система. Мне, например, несравненно милее непрактичные идеалисты-максималисты, мечтатели, верующие не в рулетку и циркуль, но во вдохновение и собственный мистический опыт. И философствующие сердцем и душой, а не молотом и зубилом. Потому Кропоткин и Хомяков для меня лично глубже Прудона с Гегелем, а Пришвин и Анчаров ближе, чем Камю и Ницше.

Предвижу как диагноз моих критиков («структурный сколиоз идей, подвывих выводов»), так и псевдоюридические придирки на уровне детских софизмов («первое слово дороже второго»). Разумеется, уважаемый читатель вправе оценить мои мысли сообразно своему разумению. Но, как писал М. Анчаров, «не ищите логику протокола, а только логику песни» – грустной, но в целом не лишённой оптимизма.

С наилучшими пожеланиями,
Автор

Часть I

НЕПРАКТИЧНАЯ

ТЕОРИЯ

ИСТОРИСОФСКИЕ ЭТЮДЫ

БЕСКОНЕЧНОСТЬ СОВЕРШЕНСТВА В ПРОКРУСТОВОМ ЛОЖЕ РАЗУМА В ЦОКЪЛСЛОВОВ ВОЖЕ ВЪЗЛМВ РЕСКОНЕЧНОСТР СОВЕЪПЕНСТВУ

Религия – это безумная попытка найти в космосе ответ своим
человеческим чувствам.

Жажда вечности есть молитва умирающей материи.

М. Пришвин

Искусство интересуется теми исключениями,
в которых оно предчувствует норму более высокую,
чем обыденность.

М. Анчаров

Таким уж создан человек: он теряется в бесконечности. Отсутствие точки опоры дезориентирует его, создает нравственный вакуум – трагическую пустоту бытия. Человеку жизненно необходимо ощущение, что он живет не зря, тот самый пресловутый «смысл жизни». Конечно, практически каждый индивид воспринимает смысл жизни по-своему, а многие вообще об этом не задумываются – так спокойнее. Тем не менее, вопрос «для чего (или зачем) я живу?» является одним из сложнейших и потому самых болезненных для любого. Болезненным – ибо затрагивает самооценку, чувство собственного достоинства.

Едва ребенок начинает осознавать себя, он осознает себя человеком. Самосознание неотделимо от человеческого достоинства. Животные (за редким исключением) лишены и того и другого, и им проще смириться со своей участью. Достоинство и способность к творчеству – вот что делает человека человеком, отграничивая его от животного. Однако достоинство, как и любая оценка (в данном случае – субъективная), нуждается в критериях. Для одних это ценность, для других – прайс-лист. И здесь неизбежно встает вопрос о некоей системе координат, в которой существуют и индивид, и общества, и целые цивилизации.

Ценность жизни претворяется в каждом из нас на субъективном уровне – в чувстве собственного достоинства, а оно производно от трагического сознания людьми конечности своего существования. Примечательно: суть трагедии еще древние греки определяли как противостояние року, высшим силам – тому, что *над* людьми и *сверх* их усилий. Люди очищаются в избытке страдания (катарсис), когда узнают о себе больше и постигают ограниченность своего знания. Фрустрированный невозможностью противостоять Судьбе (или воле богов), человек испытывает ощущение фатальной несвободы. Вот отчего, как нам представляется, свобода многими провозглашена едва ли не высшим благом, и «борьба за освобождение человека» ведется столько же, сколько существует род людской.

Свобода осознается в зависимости от той (фигурально выражаясь) системы координат, бытующей (установленной) в рамках (снова координаты!) данного общества. Освобождение, как правило, ассоциируется с понятием трансцендентного, т. е. запредельного – еще одно доказательство того, что некий «предел» существует. Нирвана и лицезрение фаворского света с этой точки зрения (опять координаты!) суть варианты реализации одного и того же стремления – избавиться от причинно-следственной предопределенности материального мира, расширить горизонт сознания. Вместе с тем, само понятие горизонта вновь определяет предел стремления, и так до бесконечности. Неспроста размышление о бесконечно больших и бесконечно малых величинах – едва ли не самый короткий и верный путь к умственному помешательству. Следовательно, самоопределение пределов есть настоящий рок человечества: сколь бы широки ни были и сколь далеко не простирались, они не меняют своего конечного характера.

На протяжении всей истории люди стремились вырваться за пределы дуальности (даже когда чувствовали, но не осознавали ее). Во многом именно это, а вовсе не примитивно-школярское «желание объяснить непонятные явления природы», объясняет существование религии. Не появление ее, а существование – столько же тысяч лет, сколько существует созданный, а не эволюционировавший от примата человек. И как бы ни назывались религии, суть во многом одна – Путь выхода за пределы причинно-следственной предопределенности. Падение вниз к животному

состоянию бессознательности, взлет вверх – нирвана, Царствие Небесное.

Возможно, мировоззренческая предопределенность и формирует земное существование человека в форме личности, намечая границы и грани его существования. Прощаясь с этим светом, люди сбрасывают с себя не только брэнную телесную оболочку, но и личину – Личность. Какой бы светлой та ни была, она во многом мешает приобщиться к Универсуму, раствориться в Вечности. Можно ли назвать личностью субстанцию, которая повсюду? Да и можно ли назвать ее вообще субстанцией?

Опыт предков, Провидение, Божественный разум вовсе не укладывается в примитивную дилемму личного и безличного. В духе Троицы и триалектики, должно существовать нечто *над-личное*, что пребывает с нами и проявляется в нас, но по существу – вокруг нас, везде. И если человек отождествляет сверхъестественный опыт исключительно с собой («мне было откровение»), то всё вокруг покажется ему враждебным, оспаривающим «авторское право» на вдохновение. Вот почему мистический опыт требует тотального принятия. В противном случае он изнутри взрывает личность, полагающую, будто внутренняя концентрация вдохновения в нем выше, чем в других. Откровение и вдохновение нельзя выторговать или заслужить, но к нему можно быть морально готовым.

Что же вдохновляет людей, не позволяя смириться с «родовым проклятием» ограниченности? Мы полагаем, суть прогресса – в творчестве; в том, что роднит человека с Творцом, Высшим разумом, коллективным сознанием, опытом предков (уважаемый читатель может выбрать вариант исходя из тех координат, каковы придерживается). Не претендуя на статус автора теологического трактата, будем в дальнейшем оперировать словом «Совершенство» (коему нет предела). Увы, фатальная ограниченность присуща и творчеству, ибо прелесть его – в субъективизме: каждый человек идеализирует то, что ему симпатично.

Понимаем, и у нашего подхода масса недостатков, где главный – примат художественной правды над формальной «чисто-конкретикой». Но, как заметил Ю. Олеша, что мы знаем о неметафорической вечности? Вопросы терминологии опять же сводятся к построению сети словесных координат (древнеримский бог Тер-

минус отвечал за размежевание), в которых способна запутаться даже самая верная мысль, после чего любое обсуждение ее (и мысли и сети координат) мгновенно превращается в псевдоюридический софизм. С другой стороны, дискуссия невозможна без согласия в основных посылах. Таким образом, необходимость определенности (и определений) вынуждает нас с читателем к консенсусу касаясь ключевых понятий. В конце концов, что есть любая методология, как не очередная система координат?

Итак, стремление к Совершенству заложено, по нашему мнению, в программу человеческого бытия. Двойственность (безграничность Совершенства и ограниченность его восприятия) рождает систему полюсов, противоположности. Любопытно: органы чувств физиологи именуют анализаторами, но как быть с синтетическим восприятием, какими «органами» оно обеспечивается? Назвать ли его озарением или про-зрением? Какой из анализаторов фиксирует импульс вдохновения, когда гармоничные связи между явлениями воспринимаются спонтанно и непосредственно – значит, они не опосредованы анализаторами? Выходит, синтез несравненно сложнее анализа, т. к. последний предполагает элементарное расчленение, в то время как для синтеза требуется иррациональный катализатор творческого восприятия. Мыслить критически и мыслить созидательно – принципиально разные таланты.

Созидатель – практик поневоле, критик – нереализованный идеалист. Критика основывается на идеале, но отталкивается от уже существующего факта (сравнивая его с идеалом – не в пользу факта, конечно). Критика задает вектор ответственности, ибо ретроспективна, в то время как созидание перспективно и в этом отношении – безответственно. Историческая ретроспекция всегда предполагает критику, выявляет огрехи и просчеты, коих в будущем надлежит избегать. Что же до прогресса, то исход его неведом (по крайней мере, в сравнительно обозримой перспективе). Значит, с исторической точки зрения явными могут быть лишь симптомы деградации, и если история повторяется, нужно подумать об ошибке, которая заиклила события.

Творчество критическое и созидательное не только подтверждают тезис о дуализме человеческой природы, оба вида творчества предвосхищают достижение гармонии, динамического рав-

новесия между стремлением и результатом, где критика служит гарантией относительной чистоты идеала, к которому мы стремимся.

Конструкция и деструкция, анализ и синтез, дедукция и индукция – так диалог переходит в диалектику. Сейчас научным методом почитается лишь тот, что приводит аргументы исходя из принципа детерминизма, причинно-следственных связей. Единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания стали прописными истинами: увы, в растиражированности – причина их же опошления и извращенного понимания.

Попытаемся творчески освежить впечатления. Например, единство и борьбу противоположностей можно трактовать и так: всеединство есть вечный нетварный образ всего сотворенного. Единство пребывает на уровне Идеи (Божьего промысла, как считают верующие), противоположность – в двухполюсном сознании людей. Более того, именно вера (в идеал, в Бога – терминология здесь не важна), как некритическое отношение, избавляет человека как от проклятия двойственности, так и от необходимости анализа, разъятия целого на плюсы и минусы. Только истинно религиозные постулаты доктрины являются лучшей защитой от впадения в доктринерство, и как следствие – снова в дуализм и дихотомию, где, с одной стороны, вера наполняет жизнь смыслом, с другой – может стать инструментом манипулирования, программирования сознания (когда низводится до верований, систем ритуалов и технологии стяжания благодати). Всегда удобнее исполнять заветы и соблюдать запреты, установленные другими, в этом – вся нехитрая философия потребительства, мещанства и холопства.

Закон «перехода количества в качество» разумнее трактовать как переход в *анти*-качество, т. е. количество анти-тенденции формирует полную замену старой тенденции *не* на новую, а на *более старую*, противоположную. Так избыток сухого вещества в растворе переводит раствор в анти-качество (эффект перекристаллизации), и сие не означает получение качественно нового раствора. Следовательно, «новое качество» неизбежно детерминируется анти-тенденцией. Отсюда и цикличность исторических событий, и неизбежность революций (понимаемых нами как реакция – и в химическом и в социально-политическом контекстах),

и в сумме – относительность прогресса. Но раз прогресса “per se” не существует, нет и перспективы.

По счастью, история доказывает обратное: общество действительно не блуждает по кругу, но развивается по спирали. Эта гипотеза предполагает наличие некоего «центра» и концентрической траектории витков. Получается, в основу социального прогресса заложен единый принцип – неподвижный, как центр окружности или спирали. Значит, общечеловеческие ценности (на уровне нравственного чувства) непреложны, а вот закручивать или раскручивать витки исторической спирали – дело свободной воли людей. Таким образом, избежать замкнутого «кругового» цикла помогает не отрицание отрицания, ибо оно – логический вывод из перехода именно в *анти*-качество и оттого непродуктивно. Что же рождает новое качество и раскручивает спираль развития? По нашему мнению – исключительно **творчество**.

Тотальная детерминированность есть специфическая черта животного существования. И если жизнь животных предопределена законами борьбы за выживание, то человек качественно отличается от них тем, что может произвольно творить свои системы ценностей или комбинировать существующие. Это отчасти объясняет относительность критерия нормы, используемого психиатрами в освидетельствованиях на предмет установления выявления психических расстройств – наличие/отсутствие критического отношения к действительности как необходимой (но, как мы условились, отнюдь не достаточной) предпосылки творчества.

Самый очевидный симптом критики – чувство юмора. Действительно, смеяться (равно как и чувствовать прекрасное) дано лишь людям. Это едва ли не ярчайшее подтверждение приведенной нами гипотезы, ибо суть юмора – в остроумном смещении (или смещении) систем нравственных координат. Заметьте: даже весьма тонкие остроты не обходятся без известной доли цинизма (ведь «романтичный юмор» – нонсенс), где принижающий элемент выражается именно в вольной трактовке привычной системы ценностей. В то же время нет занятия более неблагодарного, чем выявление и анализ закономерностей и «технологии юмора» – по причине отсутствия в нем заданного и отлаженного механизма. Юмор как привилегия человечества есть способ мужественно заглянуть в глаза тому, что принято считать непреходящим и не-

поколебимым. Юмор – это вызов и солидности и вечности. Хотя бы из-за того, что большинство острот жестко привязаны ко временному контексту. Тем не менее, сей «скоропортящийся» продукт заставлял по-иному взглянуть на окружающий их мир многие поколения людей. Остроумие всегда почиталось лучшим средством от канонизации чего-либо. Следовательно, чувство юмора (как проявление критического компонента творчества) можно назвать важнейшим условием формирования иммунитета к пошлости и деградации. Истинно же возвышенное не может выглядеть ни комично, ни драматично: возвышенность в прямом смысле слова предполагает некую дистанцированность от мелких драм, способность их превзойти. Получается, юмор ценен вычленением из контекста деталей, их гиперболизацией; одним словом, взглядом на жизнь снизу вверх, в «лягушачьей перспективе». Наоборот, эпос предполагает воспарение над мелочами (но отнюдь не верхоглядство) и масштабные обобщения. Как видим, в обоих случаях первопричина – в выборе системы координат, а сверхзадача – в освобождении от тирании конкретно-детерминированного контекста (поэтому возможны и комичные эпосы и горький, трагичный юмор).

Итак, высмеивать что угодно, равно как и произвольно одухотворять что угодно – такова, по нашему убеждению, творческая привилегия человека в этом мире. Точка опоры, способная вернуть мир, находится в самом человеке – это его творческий потенциал. С одной стороны, люди, наверное, одиноки в своей творческой способности. С другой, их творчества хватило на то, чтобы одухотворить окружающий мир: так древние верили, что всё их окружающее столь же сознательно и имеет подобную человеку душу.

В царстве животных тоже обнаруживаются зачатки иерархии и организации, но не развиваются, поскольку их усилия инстинктивны и направлены исключительно на приспособление к окружающей среде. У скотов отсутствуют также моральные стандарты, а ведь мораль – важнейшая предпосылка пресуществления стада в общество. Между тем примитивное разделение труда и обмен ресурсами в животном мире присутствуют, но не позволяют братьям нашим меньшим совершенствоваться настолько интенсивно, как то происходит у людей. Если и возможно рассуждать

о каком-то прогрессе человечества (во что, безусловно, отчаянно хочется верить), основным (хотя и не явным) двигателем его необходимо признать творчество. Под ним мы понимаем сознательный (не обязательно осознанный – осознать могут другие, даже далекие потомки) труд, основанный на принципе избыточности усилий по отношению к объективно сложившейся обстановке.

Оговоримся: именно творчество, а не модный ныне «креатив». Последний имеет рациональную цель – самосохранение отличительного элемента за счет поддержания интереса к креативщику. Отличие может быть сколь угодно формальным и несуразным (чаще всего так и бывает). Главное для креативщика – пометить территорию авторским правом, дабы извлекать из оно́го по́мёта материальную выгоду.

В творчестве личность не самоутверждается, но служит другой, высшей идее. Творить – своего рода акт самоотречения, а не самореализации. Почти согласимся с М. Мамардашвили в том, что самоопределение есть важнейший залог творчества. Это само-просыпание, нахождение себя *не вне, а внутри* передачи впечатлений жизни, из которых извлекается смысл происходящего. В большей степени даже самопреодоление, нежели самоопределение. Следовательно, для того, чтобы выкристаллизовать систему координат, человеку сначала предстоит основательно раствориться в окружающем мире. Акт творения всегда свершается заново, из первозданного хаоса выстраивается гармония.

Выходит, суть творчества заключена в этом растворении и воскрешении, т. е. в самом творчестве – у него нет цели как таковой. Искусство – единственный вариант пообщаться с Вечностью. Одухотворить и увековечить – вот стремления и потребности творца. Значит, конкуренция в искусстве (и в творчестве вообще) быть не может. Среда может сформировать достаточно высокий «общий культурный уровень», на фоне которого каждая творческая личность, тем не менее, всегда будет стараться превзойти себя, но не получить преимущество в конкурентной борьбе.

Второй вариант – приспособиться к «вызовам», уподобляясь бездарным креативщикам. Они, как и любой человек, также наделены даром творить, но обделены совестью и потому оценивают дар как средство выживания в рыночно-торгашеской среде. Опошление искусства состоит в его искусственности. Искусство не мо-

жет быть посредником, ибо оно есть смысл. Поэтому креативщики – рабы временного контекста (моды и тренда), в то время как акты творчества принадлежат Вечности. Следовательно, акт творчества выражается в стремлении превзойти обыденность (объективную реальность), основанном на непосредственном ощущении иррациональных взаимосвязей окружающих явлений.

Вероятно, и переход от политеизма к монотеизму связан со стремлением человека повысить самооценку, ощущая себя творцом – так ближе к Богу. Еще древние анимисты обнаружили в сотворенном ими нехватку чего-то присутствующего, тем не менее, в них самих. Сознавая подобным образом несовершенство созданного человеком, они вполне могли предполагать: иерархия высших сфер строится по тому же принципу возрастания универсальности, всеохватности творческой силы. Монотеизм же предполагает структурное упрощение, но системное усложнение (во взаимодействии) – когда выше человека только Бог, без инстанций. При этом даже в рамках монотеистических вероисповеданий со временем появляются сонмы угодников, каждому из которых массовое народное сознание приписывает определенную «специализацию». Так бывшие идолы реставрируются в святых покровителей разнообразно-узких сфер деятельности человечества. Выходит, человек творит систему вероисповедания сообразно своему (принципиально ограниченному) пониманию мироустройства: вольтерьянское «даже если Бога нет, его следовало придумать». Сказанное не исключает возможности более глубокого и полного познания мира, и в результате мы приходим к тому, что, с позиции творчества и творца, монотеизм и пантеизм не так уж и противоречат друг другу, ведь сотворенное есть часть и продолжение творца, но никогда не заключает в себе его самого. Показательно: эта истина была известна не только христианским мистикам и исламским суфиям, ее проповедовали и даосы и чань-буддисты. Более того, по Ленину-Фейербаху-Лейбницу, индивидуальность содержит в себе как бы в зародыше бесконечное. Итак, творчество есть синтез, обобщение, а потому не всегда абстрагирование, но всегда – идеализация. Не будь творческой (духовной) силы, и давно истлело бы все тварное и тленное.

Итогом (но не продуктом) творчества становится новая ценность – доселе беспрецедентная, не существовавшая в природе.

Это не обязательно произведение искусства; например, государственные институты – тоже в своем вкусе продукт творчества тех, кому недоступно искусство. Социальное развитие во многом опошляет творческую идею, заложенную в его основу, отсюда все ошибки и извращения того, что принимают за прогресс.

Прошлое со временем идеализируется, и людям хочется вернуть «золотые годы». Проблема в том, что «золотой век» уже есть эстетизация прошлого – значит, люди пережили, культурно превзошли его грубые реалии. Здесь главное не останавливаться на восхищении прошлым, не обольщаться простотой ретроградной ностальгии, а попытаться развить лучшие моменты того, о чем вспоминается с теплотой. Но когда былое возвращается в обрядовом формализме, это уже фарс и опошление исторической памяти. Следовательно, консерватизм и ретроградство – разные понятия. Истинный консерватизм проповедует неотрывность от первозаданного идеала, ретрограды же предпочитают доставать скелеты из шкафов и перетряхивать трухлявых идолов прошлого. Корень зла здесь не столько в объективных обстоятельствах (идеи мало от них зависят), сколько в усилиях конкретных субъектов, реализующих идеи по своему произволу. Как правило, субъекты эти восполняют собственную творческую несостоятельность избытком возможностей ее реализации (концентрацией власти в своих руках). И если художники, поэты и мыслители – носители идей, то официальные идеологи-пропагандисты – их разносчики.

Подытожим результаты проделанного нами анализа «спирального прогресса» политеизм-монотеизм-пантеизм: иерархия (система координат) встроена в людское сознание как некий вектор расширения творческих возможностей. Естественно, в обществе всегда найдется возмущенное меньшинство, настроенное против иерархии вообще, особенно когда представители властной верхушки начинают относиться к нижестоящим с презрением, ибо мнят себя любимых в шаговой доступности от Бога. Время сглаживает конфликт: как правило, посмертно массы объявляют и мучеников за веру и борцов с режимом героями, орудиями Судьбы – посредниками между Божьим промыслом и людьми. Так институт святых, преподобных и благоверных формирует духовную иерархию, а та, в свою очередь, наслаивается на социальную – с отцами нации и борцами за свободу. От совпадения данных систем координат

нат во многом зависит социальная стабильность: общество, в котором у власти есть сугубо «эксклюзивные» святые и, наоборот, почитаемые народом свои герои-простолюдины, вряд ли будет гармоничным.

По сути, каждый творец – маргинал, фрустрированный тем, что материализовать идею невозможно уже по самому определению. Но в невозможности и состоит предпосылка ее дальнейшего (и перманентного) совершенствования. Масса своей критикой и инертностью уравнивает эгоцентризм творческого индивида, так рождается социальная гармония в освоении кем-то заповеданных нравственных идеалов. Масса задает вектор исторической ответственности не только творческому индивиду, но и каждому члену общества. Если бы так не было, миром правили маргиналы.

Социальное всегда более формально и массово, чем индивидуальное, отсюда неизбежное размывание и опошление высоких мыслей и стремлений. В ответе ли Христос за разврат «христианина» Чезаре Борджиа, а коммунист Ленин – за лживость и предательство Родины «членом компартии» Горбачевым? Стало быть, избыточность творчества предоставляет человечеству хоть какой-то шанс на развитие, этим оно компенсирует опошление идеи вследствие ее тиражирования. Потенциал социального развития есть творческий потенциал идеи, заложенной в его основу.

ОПОШЛЕНИЕ ИДЕАЛОВ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН СОЦИАЛЬНОЙ ИНВОЛЮЦИИ

СОПНЧУРНОН ННВОУЮПНН КАК ЕСТЕСТВЕННРИН ЗАКОН ОПОПВЕННЕ НДЕЧУОВ

Идеализм – способность почувствовать поэтическую любовь к чему-то возвышенному и готовиться к нему – единственная охрана от всего того, что подтачивает жизненные силы человека.

П. Кропоткин

«О мире всего мира!» – возглашают в церкви, а в душе уродливо отвечает: «О мире без аннексий и контрибуций».

М. Пришвин

Удивительно: у народов с достаточно развитой мифологией непременно встречается сказание, как когда-то боги жили среди людей. Финал этих историй, где бы те ни рассказывались, одинаков: людская несознательность прогневала богов, и они навсегда дистанцировались от человечества, породив двойственность божественного и «человеческого, слишком человеческого» (по выражению Ницше). Но вместе с ней – и ту самую тягу людей к прекрасному, к Совершенству. Выходит, завязка вечной драмы так или иначе связана с тем, что люди опошлили заветы богов, творения оказались заметно примитивнее творцов.

В этой связи нелишне разобрать библейскую «схему» создания человека «по образу и подобию» Божьему. Образ – идеал, подобие (как и всякое подражание) уже предполагает опошление. Как мы выяснили, прелесть и ценность творчества заключается в непосредственности восприятия. Подобие, опосредованность чем-либо (нормами права, СМИ, масс-культурой, церковными догмами) неизбежно отделяет и отдаляет идеал от человека, утилизи-

руя, опошляя и человека и идеал. Опосредованность – верный шаг к посредственности. Подобие, уподобление и подражание, с нашей точки зрения, суть три стадии, каждая из которых отдаляет желаемого «уподобиться», одновременно облегчая его задачу в формальной плоскости. Формализм превращает веру в набор верований, Святое Писание – в цитатник, а таинства – в обряды. Во все века были подвижники, чьи деяния сводились на нет позднейшими активистами-инструкторами, разъяснявшими массам «технологии добра». Между тем, нельзя винить в этом задумавшихся об «образе Божиим» и имеющих мужество попытаться приблизиться к нему; на таких людях всегда держалось то, что именуется человечностью. И если культура в каждом обществе есть своя квинт-эссенция человечности, то т. н. цивилизация – не более чем сумма бытующих там приличий.

Почему любое приобщение к вере (во всех религиях) связано с таинством, будь то крещение или языческая инициация? Не потому ли, что главное качество идеала – неисчерпанность (или неисчерпаемость) внутреннего смысла? К тайне можно лишь с благоговением приблизиться, а у загадки всегда есть отгадка (как правило, цинично-пошловатая). В подобном контексте грех даже говорить о рациональном анализе любых идеалов: свободы, справедливости, красоты, совершенства.

«Да» больше, чем «нет» – утверждение по смыслу и содержанию всегда шире отрицания. Иррациональность идеальных понятий подтверждается уже тем, что их антонимы всегда понимаются ограниченно, игнорируя правила формальной логики. Например, если кража – очевидная несправедливость, что положено считать справедливым: процесс уголовного преследования вора, факт его официального осуждения или (что сложнее) создание условий, при которых совершение хищения стало бы невозможным? Последнее, как мы понимаем, ближе к идеалу. Гораздо проще назначить подсудимому срок согласно прејскуранту в уголовном законодательстве. То же – с духовностью и бездуховностью. Вряд ли найдется человек, прямо заявляющий о себе: «Я – духовный!» (если только это не Дэвид Духовный, он «духовный» по паспорту). Такую «декларацию духовности» сочтут глупой и нескромной, но вот бездуховного человека распознать сравнительно просто. Человечность – весьма растяжимое понятие: травматологи, к примеру,

вынуждены причинять боль, чтобы вылечить пациента. Бесчеловечность экспериментов нацистских «врачей» – бесспорна.

Столь же иррационально чувство юмора. Кто рискнет объяснить старый «клоунский закон», согласно которого шутка, повторенная в четвертый раз, никогда не кажется смешной? Истинный юмор (а не зубоскальство – т. н. стёб или троллинг) считывается с подтекста и контекста. Подтекст как душа в теле: мы не видим, но чувствуем его существование и присутствие. В том, что создает настроение, информации – минимум. Для создания настроения нужен особый талант минимализма.

Великий дар не быть буквальным, по сути, составляет искусство жить в другом времени и в ином, иррациональном, измерении. Смысл не буквален: лобовая трактовка мысли унижает человека, низводя его до положения профана, «непосвященного». Это легко проиллюстрировать феноменом «пояснительных надписей» на детских рисунках. Едва овладев навыками письма, ребенок склонен подписывать всё изображенное – для того чтобы его творчество дошло до «примитивных» взрослых. Несуразные рисунки представляют папу и маму, дом, солнце и т. д. Подчеркнем: дети, еще не разъясвшие свой мир сложными абстракциями, мыслят синтетично, а взрослые более склонны анализировать. Исходя из сказанного, вполне понятно, отчего дети считают взрослых занудами, неспособными к непосредственному (без пояснений) восприятию. Самый красивый пример подобного отношения содержится в «Маленьком принце» Экзюпери. Увы, лишь боги могут позволить себе не повзрслеть, оставаясь вечными детьми.

Рискуя утомить читателя, упомянем еще об одной занятой детали: даже официальное (казалось бы, мертвяще логичное) дело-производство косвенно признает существование в человеке души, иначе как трактовать юридическую формулировку «обнаружено тело гражданина Х»? Стало быть, тело – еще не весь гражданин Х., есть нечто за пределами кондового материализма. И коль скоро мы признаем за общечеловеческими ценностями иррациональное начало, необходимо признать и над-рациональный характер человечности, фундамент которой упомянутые ценности составляют. Вывод: гуманизм иррационален, прогресс человечества – тоже.

Восхищаться можно лишь тем, что есть, верить же – всегда в недоступное и непостижимое, потому и простое «ах!» – изумление кра-

сотой окружающего несовершенного мира – уже первый шаг к совершенству. Есть те, кто идет к нему всю жизнь; гораздо больше тех, кто умеет «вовремя остановиться», исповедуя принцип посильности решаемых задач. Стремление к идеалу предполагает самоотречение, а не финальный личный успех. Существуют ли успешные мученики и эффективные святые? Сей очевидный нонсенс полностью игнорируется современной ультрациничной (значит, обреченной на обезчеловечивание) цивилизацией менеджеров. Пафосом материализма будет только цинизм, как говорил М. Горький.

Приобретая навыки аналитического мышления, разрушающего целостность художественных образов, многие дети в пубертатном возрасте утрачивают способность рисовать. Выходит, построение «системы» убивает творчество. Выхолащивание идеала до стандарта неизбежно ведет к похожести его эпигонов, к унылому однообразию, тогда как истинный идеал ненаучен и бессистемен; он – цельность, и причина его существования в нем самом. Идеал не конкретен и не абстрактен, ибо и то и другое приведет к его опошлению. Конкретизирование влечет за собой вульгаризацию, абстрагирование – догматизацию и выхолащивание. Некий «идеальный срединный путь» в эстетизации, образном восприятии.

По словам поэта и гражданина Д. Быкова, все мы были бы люди, дай нам почву под ноги. С нашей точки зрения, объединяет не столько почва (быт – идеальный субстрат для раздоров), сколько *общее небо* (религия, идеалы, мечта). И раз люди наделены даром чувствовать красоту, то эстетизация всегда пребывает в поиске человечности: от внешнего антропоморфизма до внутреннего психологизма, когда «понять и простить» можно многое.

В каждом из нас живет иррациональное эстетическое чувство, рождаемое и питаемое творческой способностью. Человеку дано быть как частью среды, так и по своему желанию воспарить над окружающей средой, ощутив ее красоту. И уровень стремления к идеалу во многом зависит от просвещенности (или просветленности) людей, способных развивать в себе эстетические чувства. Если источник вдохновения и в самом человеке, то всегда за пределами его понимания, иначе вдохновение подключали бы как интернет. Однако не каждый «в коннекте» с Совершенством: искусство создания образа – в таланте видеть целое *до* его воплощения. Надо ли объяснять, что сей дар доступен немногим? Точнее, мно-

гие ощущают высокие эмоциональные порывы, некоторые даже испытывают непреодолимые позывы к творчеству. Значительно меньшее число людей отваживается воплотить образ, еще меньше доводит дело до конца... и с горечью понимают, что вдохновение заменилось работой. Увы, результатом ее всегда являются т. н. «продукты жизнедеятельности»: даже если это шедевры, они несравненно ниже и проще образа, возникшего в сознании. Эстетизация – метод, призванный на какое-то время примирить человека с его ограниченностью и приблизиться к Совершенству. Творчество идеалы не столько выражает, сколько воскрешает, в этом его преобразующе-вдохновляющее влияние на человечество. И вместе с тем – великое искушение, ибо вместо воскрешения идеала можно ограничиться фиглярством – возрождением его подобия.

Соглашаясь с тем, что краеугольным камнем творческого принципа является избыточность усилий, легко понять, «до чего дошел прогресс». Задача науки – оптимизировать (сокращать) усилия. Задача искусства – усилия растрчивать. Поэтому наука всегда заканчивается технологией, а искусство способно воссоздать идеал. Сказанное не означает, будто в науке нет творчества: оно существует, но в значительно более тесных рамках. Ограничение тоже источник развития, поэтому «поэты в науке» – истинная и ценнейшая редкость. Наука создает терминологию и методологию, сужая поле исследования, искусство стремится к противоположному. В конце концов, существуют люди, бесталанные в науке и искусстве, но не обделенные, тем не менее, творческой способностью. Такие индивиды склонны ограничивать других, они становятся чиновниками и занимают законотворчеством, вытворяя нормативные запреты вместо сотворения мировоззренческих координат. Вот откуда вечное противоречие, «художник и критик», «художник и цензор» – по сути, отражение комплекса неполноценности законников. Расчлнять проще, чем соединять, анализировать – чем синтезировать: ломать – не строить, оттого оптимизаторы усилий пребывают в вечной конфронтации с теми, кто, по их мнению, усилия транжирит. Но и тех и других равно объединяет человеческое призвание – творить.

Творчество и пошлость непримиримы: первое предполагает стремление к недостижимому идеалу, второе – желание потреблять доступное. И поскольку обыватели всегда составляли подав-

ляющее большинство, возникает вечный вопрос о роли личности в истории и вообще об уместности разговоров о прогрессе. Безусловно, посвятить жизнь служению идеалам отважится не каждый, но подвиги таких людей одухотворяют жизнь остальных, и так идеал, становясь все более доступным для понимания, покрывается культурным слоем уподобления, подражания. Обновляющий потенциал творчества (вначале всегда воспринимаемый как социальная девиация) и структурообразующий потенциал культуры постепенно выстраивают социальную гармонию. Культура как система нравственных норм и хранилище человеческого опыта всегда консервативна, творчество – прогрессивно. Действующие социальные нормы компенсируют творческий максимализм, но одновременно впитывают в себя предпосылки дальнейшего совершенствования. Культура и есть, по сути, проявление в людях человеческого как их глубинной сущности. Избыточность творчества создает тот плацдарм развития, который через некоторое время будет освоен учеными, а потом обжит (и неизбежно загажен) обывателями.

Уточним: под опошлением мы понимаем состояние, когда нечто становится избитым «общим местом», переходя из ценности в разряд доступной услуги, расхожего товара. К примеру, если не потратить сил на получение знания, оно не имеет ценности, но может иметь цену и стоимость. Но образование не услуга, а заслуга человека, ибо предполагает с его стороны ту самую избыточность усилий – творческое отношение и самосовершенствование. Преисполненные же уверенности, будто закачали в себя достаточный объем информации, «потребители образовательных услуг» становятся носителями вируса пошлости, т. к. пошлость неотделима от апломба и пустых амбиций. Творчество проявляется лишь в тех, в ком проявлено самосознание и, соответственно, присутствует сознательность. Вот почему нынешняя молодежная биомасса ура-патриотов развиваться не способна по определению. Они, обреченные на пожизненный хунвэйбининг – заложники внедренного в них селфи-сознания, клипового мышления и флэшмобного образа жизни.

Мысль изреченная есть ложь, – сказано задолго до нас. Воплощение идеала в конкретном человеке (носителе) уже содержит в зародыше опошление, т. к. массы неизбежно станут ему подражать. Да и люди, какими бы выдающимися ни были, не могут быть

абсолютно идеальными. В субъективизме объективного «человеческого фактора» есть элемент случайности, придающий мировой истории увлекательность и многообразие форм.

Человечество всегда развивается с нуля, с появлением на свет каждого ребенка. Если не воспитать его человеком, он станет хуже скота, ибо животные невинны и вне пределов добра и зла. Значит, воплощенные идеалы сами по себе способны только инволюционировать, а поддерживать идеалы в их первоизданной чистоте составляет труднейшую миссию людей. Эволюция может сделать генерации или этносы менее агрессивными, но образование и культура по наследству не передаются. У скотов нет национальности, но есть этносы, осознанно практикующие скотский *modus vivendi* под предлогом сохранения традиций.

Что есть «чистый идеал», в ком он претворяется, кто его опошляет? В конце концов, если буддисты говорили о неизбежности эры упадка учения, бывают ли у идеалов сроки годности? Свою попытку решить обозначенные проблемы начнем с поучительного примера: над коммунизмом стали подшучивать, именно когда тот стал научным и преподавался в качестве обязательной дисциплины. В гимназиях царской России предметом подобных шуток был Закон Божий, основы догматического богословия. Значит, самый явный симптом опошления идеала – его догматизация.

Примечательно: и европейский Ренессанс, и Серебряный век в России во многом обусловлены поиском нового культурно-нравственного идеала в противовес отживающим догмам. Гуманистическая направленность истинного искусства всегда объясняется тем, что его потенциал направлен на облагораживание людей и совершенствование существующего нравственного эталона. Таким образом, сразу качественно изменить людей (и тем более человеческую нравственность) невозможно, как невозможно срочно вырастить нового человека. Как правило, всякая новая эпоха развития человечества начиналась с формирования религии. Коммунизм здесь не был исключением, ведь в торжество справедливости и тотально-сознательное общество можно лишь верить. И люди, созидавшие историю, как и все творцы, любили в своих творениях ту грядущую гармонию, в которую пресуществляются их идеалы. Сказанное равным образом относится и к написанию картины, и к созданию симфонии, и к построению лучшего общества.

Всякой хорошей идее грозят две беды: вульгаризация и канонизация. Выход – в развитии искусства, способного временно препятствовать опошлению высоких идей. Искусство способно отображать и одухотворять нравственные пределы, установленные в данном конкретном обществе. Итак, вместо вульгаризации – эстетизация, вместо канонизации – поэтизация. Получается, знаменитый афоризм Достоевского «красота спасет мир» – отнюдь не общее место и не расхожая фраза. К слову, феномен расцвета искусства в переходные эпохи есть наглядная иллюстрация закона сохранения человечества в обстоятельствах, когда гуманизм не только оспаривается, но и (что страшнее) высмеивается.

Вместе с тем эстетизация идеи может привести к канонизации ее носителей, а разочарование в последних – к вульгаризации идеалов. Кризис идей кроется в противоречии между видимым и сущим. Когда-то боги жили среди людей... – это вечная тоска человечества по утраченному (опошленному) идеалу и по нравственной чистоте его носителей, по цельности их натуры. Ведь истинный закон есть не только правило, но и заповедь, осознаваемая на уровне нравственного чувства, а чувство сие чрезвычайно легко обмануть. Следование заповедям (перспективное регулирование) низводится до соблюдения приличий (ретроспективно-негативное регулирование).

Поступившись в чем-то одном в пользу формально-логических аргументов, люди полагают возможным оступиться и в остальном, разрушив тем самым целостный образ их веры, превратив ее в обрядовое шоу. И если вера всегда сознательна (нельзя верить инстинктивно), то бессознательности проще укрыться за верованиями и даже суевериями. Как видим, инволюция идеалов – это не усложнение, а дифференциация, дробление, расщепление изначального единства. Как писал Анчаров, «ты вовсе не сложный, ты просто запутанный». Так по мере уменьшения сознательности людей мельчают и идеалы. Именно поэтому на конечной стадии их легко дискредитировать, ибо от собственно идеала в людских сердцах остались разочарование да раздражение утомительной привычкой. Выходит, история человечества есть не столько преобразования формаций и циркуляция элит, сколько цикл утилизации неуничтожимых идеалов.

Любовь невозможна без идеализации, идеализация – без сужения критики, т. е. без «слепой» веры. Коль скоро научный анализ

идеалов невозможен ввиду их иррациональности, человеку легко впасть в безумие фанатизма, когда преданность идеалу окрашивается патологически субъективным его восприятием, вследствие чего утрачивается чувство реальности. Как свидетельствует история, фанатично преданные идее Личности (протопоп Аввакум, Савонарола, Робеспьер) вызывают в массах благоговение – своеобразную смесь уважения, восхищения и ужаса – и воспринимаются сначала носителями идеала, а потом – как символы крушения надежд. Следовательно, персонификация идеала опасна последующим его опошлением (особенно быстрым, если олицетворение идеала нелюбимо). Масса (толпа) может впитать идею, но неспособна поспевать за ее развитием. Так идеал мумифицируется в догму, на долгие годы отпугивающую мыслящих людей своей мрачной личиной. Естественно, появляются шарлатаны, предлагающие оживить мумию, но их обещания не сулят прогресса. Для развития необходимы истинные носители идеи – интеллигенция. Социальная инволюция особенно заметна, когда идеалы превращаются в идолы, а интеллигенция – в богему, прикормленную властью касту медийных персон-celebrities, эдаких гуру-симуляторов.

Там, где наука – это оптимизированное искусство, мораль – утилизированная вера, а право – изрядно опошленная мораль, почему бы истории не быть пародией самой себя, открывающейся в первом акте трагедией, а во втором – непременно фарсом? Возможно, такой механизм вращает колесо истории? Каждая последующая эпоха пародирует предыдущую, образуя некое поступательное опошление первообраза, производные от которого всегда проще и циничнее. Вечное «разоблачение» идеала, срывание покровов, пока тот самый первообраз не предстанет в первоначальной простоте и невинной наготе, не отягощенный ментальной скорлупой. Критика расщепляет единство идеала, его синкретизм. В итоге отдельно взятые компоненты его выглядят нелепо и беспомощно. К примеру, касаясь ценностей государственного строя, это и роскошь олигархов, и лживость церкви, и торговля индульгенциями как фрагментарно-одиозные факты. Вот отчего критиковать «отдельные проявления» до неприличия легко. Результатом же борьбы с «отдельными проявлениями» является, в конечном счете, откат к безопасной точке – регресс, реакция или революция. Таков естественный закон, созвучный закону Рибо в психиатрии.

Сущность пародии – в заострении и высмеивании характерных черт, т. е. каких-то очевидных (поверхностных) индивидуализирующих признаков, вырванных из контекста. Как правило, это идеологические надстройки, не соответствующие бытовым реалиям. Смысл и соль пародии заключены в разрушении гармонии оригинала. Сверхзадача – построение новой гармонии, но такое не всем под силу. Чаще пародирование вырождается в простое зубоскальство, прикол, реже – выражено в осмысленной абсурдизации.

Стало быть, пародирование (как и любая критика), в конечном счете, рационально – и ведет оно в никуда, по кругу. Иррационализм – более оригинальная точка зрения, позволяющая не идти на поводу у т. н. «естественных законов». Идти на поводу означает отказать от преобразовательной силы творчества. Творец же может сам устанавливать причины и моделировать их последствия. Следовательно, даже спародировать по-настоящему способен только Артист, великолепно знающий и чувствующий своеобразие пародируемого оригинала «изнутри», и лишь человеческое творчество способно преобразовать пародию в новую гармонию и обновленную систему ценностей – ту самую нравственную заповедь, данную человечеству изначально. Без нравственной основы в мире царит не справедливость, а биологический обмен веществ и ценностей.

Соответственно, нравственные предписания тоже проходят инволюцию: идеал (образ) – эталон (мерило) – стандарт (правило) – догма (правовая норма) – привычка (обычай). Образ низводится до формального подобия. Получается, что массивированное неукротимое правотворчество (тотальное превращение моральных норм в государственно-санкционированные правовые) есть самый прямой и короткий путь к опошлению идеала.

Помимо частой повторяемости, существенным фактором опошления идеала мы считаем его массовое распространение. Как учил Бодхидхарма, в беспредельно открытом нет святости. Тиражирование неизбежно, однако доступность и посылность убивает ценность идеала для каждого конкретного человека. Массовость (в отличие от соборности и солидарности) унижает человека, активируя в нем эволюционно-приспособленческий стадный инстинкт. Когда нравственность становится моральным мейнстримом, начинаются поиски его замены, и первые взгляды ищущих обращаются на экзотику (экстрим) как нечто наиболее удаленное от действую-

сих норм и оттого сравнительно недоступное (в этом признаке – как бы подобное идеалу). Чем здоровее общество в нравственном плане, тем выше идеологический иммунитет к экзотике; ее можно не бояться и не запрещать: люди проявят к ней лишь праздный или научный интерес.

Подчеркнем: идеологический иммунитет есть проявление негативного компонента регулирования, в то время как перспективным является собственно идеология. Идеи не тождественны идеологии. Идеология = идея + нравственный стандарт, сформулированный на ее основе. Идеология есть идея, пресуществленная в образе жизни ее носителей. И поиск новой идеи это всегда поиск и обретение ее носителя.

Приведенный тезис очень удобно иллюстрировать на примере правосознания и правовой идеологии. По сути, право есть формализованная (и значит – опошленная) мораль, и значимость права (в формах правового идеализма, а затем и фетишизма) возрастает пропорционально степени деморализации общества. Право уже в силу того профанирует мораль, что предназначено для масс (признак т. н. «общеобязательности» юридических норм). Вместе с тем вершить правосудие призван образец нравственности, в этом смысле он даже *выше права*, т. к. имеет моральное право судить – и судить о праве в том числе. В этом залог того, что принято называть сакральностью власти. Власть объективируется в деяниях ее носителя. Правовая упорядоченность не может быть создана или навязана искусственно. Нет упорядоченности без порядочности. И без порядочных представителей власти – в первую очередь.

Идеология как всего лишь отражение изначальной идеи, чрезвычайно нуждается в ее негасимом свете. Иными словами, в культуре. Даже в США, навязавших России запрет на государственную идеологию, существует культ американских свобод и миф об американской мечте. Пока живы мифология и идеология, государство тоже имеет какие-то шансы на существование. Мифология, как и эстетизация идеи, исключительно важна в формировании идеологии. Мифологизация есть приоритет ощущений (атмосферы, настроения) над формализмом бухгалтерии фактов.

В данном контексте нелишне упомянуть, что марксистская идея отмирания государства была во многом неправильно истолкована. При исчезновении стратификации (разных видов занятий, разных

миссий в жизни) общество атомизируется и превратится в гомогенную массу человекообразных особей, составные части которой не способны поддерживать друг друга и координировать усилия. Это, по нашему убеждению, было ошибкой брежневской Конституции СССР 1977 г. – просчетом идеалистов, желающих приблизить торжество мира и светлого будущего. Формирование новой исторической общности – советского народа – касалось не стирания этнических различий, а появления новой, истинно советской культуры и советского образа жизни. Ошибочным же стало то, что сей образ жизни позиционировался общепринятым для всего народа, без выделения носителей культуры. Увы, в благословенные годы «застоя» (а на самом деле – стабильного развития) люди еще не созрели для того, чтобы каждый советский человек принял на себя миссию строителя коммунизма. Государство из самых гуманных побуждений упростило, облегчило миссию до трудового «вклада» в развитие СССР. Естественно, принцип посильности сыграл свою деморализующую роль, вот почему менталитет советского человека оказался столь уязвимым для беспардонного перестроечного популизма, ориентированного на мещанские стандарты потребительского изобилия. Разумеется, гомогенизация идеологических стандартов привела к обесцениванию советского образа жизни, который был беспощадно высмеян и опошлен в годы перестройки как «совок». И коль скоро общество не делится на людей, а складывается из них, то для формирования сознательного (а не фантомно-«гражданского») общества требуется не стирать, а подчеркивать различия между людьми, одновременно декларируя комплементарность различных личностей в единой со-общности.

Мы установили, что деградация общества начинается, когда идеал превращают в технологию (например, психология – в психотехнику, воспитание – в дрессуру, образование – в оказание услуг, а любовь – в отыскание эrogenных зон и других человеческих кнопок). Опошление происходит через формализацию, а та осуществляется через абстрагирование, отвлечение, но от чего? От сути, разумеется. Опошление есть размывание цельного образа на компоненты, каждый из которых можно поименовать, проанализировать и классифицировать. Знание опошляет веру и убивает любовь. Изверившийся человек – самое опасное существо на планете, ему уже нечего терять.

НРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС И ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

И ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
НРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Книгу о нем не напишут, потому что он человек
внутренних потребностей, а не внешних побуждений.

Ю. Крелин

Чем мучительнее ощущения царствующей кругом бессмыслицы,
тем ярче и прекраснее видения того безусловного смысла,
который составляет разрешение мировой трагедии.

Е. Трубецкой

Убеждения не передаются по наследству. Значит, нравственной эволюции не существует. Еще великий Салтыков-Щедрин указывал, что мир убеждений и мир деятельного невежества абсолютно противоположны друг другу. Значит, нравственный прогресс есть развитие личного нравственного чувства и распространение его света на других людей (родня – соплеменники – человечество). Так рождается подлинный гуманизм, который по определению не способен быть ни местечковым, ни этническим, ни конфессиональным, но только всеохватным.

Наличие воли к свершениям еще не предполагает обязательного нравственного ее наполнения, а нравственность одного человека никогда не станет нравственным императивом многих (моралью). Тем не менее, основные положения можно и нужно воплощать. Естественно, все не могут стать святыми подвижниками и народными героями. По той же причине народных героев и мучеников всегда чтят: они совесть нации, нравственный камертон общества. Там, где нет носителей нравственной идеи, нет ни социума, ни социальной солидарности.

Стержень социального бытия составляет историческая ответственность, одновременно предполагающая интеракцию (человек

не должен бояться человека) и иерархичность (каждый на своем месте по призванию, а не по призыву). Поясним последний тезис, слишком уж похоже на поговорку о сверчке и шестке. Мы наполняем понятие иерархии принципиально другим смыслом. «Человек на своем месте» обретает возможность «красить место» творческим отношением – совершенствоваться в том направлении, которое сам считает «своим». Поэтому талантливые люди будут заметны во многих сферах, а вот бездарностям пристало кресло бюрократа, ибо там лишь обретут они шанс отметиться, где место красит человека. Одним благодарность потомков и свежие цветы на могиле, другим – подхалимаж подчиненных, загородная вилла и вечное проклятие от соотечественников.

Историческую ответственность, в отличие от социальной, мы понимаем как предвосхищение суда истории, который априори выше мелочной казуистики. Феномен исторической ответственности включает в себя как объективные, так и субъективные критерии при явном преобладании последних. В этом причина сложностей их мониторинга (а тем более – измерения) посредством традиционного социологического инструментария. К исторической ответственности вряд ли получится привлечь, равно как невозможно заявить о ее наличии у себя, а вот безответственность обнаруживается сразу, что еще раз доказывает иррациональный характер обсуждаемых нами проблем.

Как правило, творцы моральных координат остаются в безвестности. Оно и понятно: как нравственные люди, они считают себя просто проводниками высших идей, принадлежащих не им. С этой точки зрения, сколь бы крамольно сие ни звучало, защита авторских прав в качестве момента прогресса чрезвычайно сомнительна. Обязательным симптомом вырождения идеи является мелочная борьба за право на креатив, где даже микро-отличие одной индивидуальки от другой станет неприкосновенным и охраняемым. В итоге явление официальных «носителей идей» со справками и дипломами вызовет как брезгливое отношение к самим носителям, так и пренебрежение идеями, которые те опозлили попыткой их приватизировать. И чтобы бездарность не стала нормой, а пирамида Маслоу – лестницей в Небо, система социальных взаимодействий в большей степени должна быть не прагматичной, но ценностно-ориентированной. В противном случае об-

щество разложится, утратив способность консолидироваться для решения важных задач (пример – актуальные проблемы с антиглобалистами и евроскептиками в Евросоюзе). Принцип «разделяй и властвуй» хорош для колоний, но не для собственного народа. Вместе с тем, даже внутренняя колонизация (закрепощение собственного народа) при желании может быть подана как миссия.

Инволюция, как и всё самопроизвольное, протекает по градиенту: образовавшийся нравственный вакуум неизбежно затягивает в себя социум с избыточной концентрацией моральных стандартов. Жесткие запреты на насилие в отношении своих компенсируются там декларацией, что все чужие – недолюди. Так рождается и расизм, и нацизм, и бытовой комплекс оккупанта (горцы пляшут, помечая территорию заполоненных ими русских городов). Так варвары завоевали деградировавших римлян, а современные дикари поработят то подавляемое большинство, что сейчас вследствие инерции сознания именует и мнит себя русскими. Выходит, закон физики применим и для общественного развития. Но и в природе, кстати, есть ферменты, способные переносить полезные вещества против градиента концентрации – как видно, ценность носителей идеи очевидна даже в естественонаучном контексте. Важно подчеркнуть: физические процессы не предполагают качественного изменения вещества, и ассоциации с законами физики всплывают, когда мы описываем процессы распада и деградации в человеческом обществе. Созидательное начало техника и механика объяснить не в состоянии, поэтому социология еще в XIX в. выросла из тесной оболочки «социальной физики».

Необходимость самоидентификации каждого противоречит насаждению нравственной догмы для всех, что подавляет в человеке личность. Значит, нравственный эталон должен сочетать в себе качества сравнительной доступности и возможности личного развития каждого на благо всех. В этом – еще один фактор достижения социальной гармонии, а вот декларирование самореализации как цели жизни – кратчайший путь к войне всех против всех. Общее благо – это не только материальные ресурсы, за которые можно вести войну. Богатств духовных хватит всем, и нравственное совершенствование примиряет, самореализация же озлобляет. Есть ли вообще общество там, где человек человеку менеджер?

В конце концов, и Сатана склонен смотреть на вещи проще и всегда ориентирован на результат. Выходит, Сатана есть идеальный менеджер и идеал менеджеров.

В данном ракурсе нам представляется нелишним упомянуть о модном сейчас «позитивном мышлении». Идиот существует в координатах «приятно-неприятно», причем зачастую приятное идиоту противно нормальному человеку, т. к. инстинкты и чувства идиота извращены. Ущербная логика позитивного мышления описывается одной фразой «не думать о том, что неприятно». Не замечать неприятного – нет его, и всё! В этом пункте жизненные позиции идиота и «позитивно мыслящего» наглядно тождественны. Концентрация «позитивных людей» на себе любимых, усугубленная тотальным помешательством на креативе и селфи-любовании, не позволяет им ощущать причастность к какому-либо общему достижению. Молодежь «поколения next» потребительски ожидает прибытия «позитива в студию», не зная, как его создать и откуда взять. Получается, позитивное мышление призвано разложить общество, а вовсе не консолидировать его, ибо кого можно сплотить идеей личного материального и медийного успеха? В этом – вся гнилая сущность позитива в противовес (к примеру) советскому социальному оптимизму, какие бы недостатки в том ни водились и что бы плохого ни говорили об СССР.

Вера являет собой универсальную форму социального оптимизма. Надежда и любовь – иррациональное содержание, а мудрость – рациональное содержание веры (как формы). Вера менее всего основана на опыте, а потому каждая новая система моральных стандартов является относительно чуждой для существующего общественного уклада. Тем не менее, обществом принимается именно система нравственных координат, имеющая общие контуры старой, существующей. Стало быть, радикальные новации не могут прижиться сразу, отсюда такое количество непризнанных гениев и жестокость всех идеалистов, жаждущих немедленного прогресса. Реализация идеи всегда компромиссна, и нечто новое должно иметь концептуальную связь со старым (к слову: СССР, в известном смысле, наследовал имперский менталитет царской России). Пренебрежение историей – основная причина неэффективности внедрения новшеств. Но могут ли общечеловеческие ценности (идеалы) вообще быть новыми, коль скоро они вечны?

Общее благо создается исключительно сознательным трудом; в сознательности мы видим основу исторической ответственности. Бессознательность удобна уже тем, что помогает избавляться от нравственных мук, угрызений совести, жить «на позитиве». Чем формально-определеннее система координат (позитивное право), тем большую степень бессознательности людей, существующих в этой системе, она предполагает. Живи по уставу – завоеешь честь и славу, как говорят военные. Но нравственное чувство порождается рефлексией, рефлексия определяется развитостью фантазии, а фантазия – непрменный компонент творческой способности человека.

Работа как повинность способствует формированию бессознательности, подобно наркомании или алкозависимости: нет времени и возможности думать о смысле жизни. Это не труд, поскольку не облагораживает. Вклад в общее дело в идеале должен быть творческим, дабы трудящиеся предвосхищали нечто выше конечного результата или эффекта (хотя работа без цели – тоже не труд, а занятость). Над энтузиастами, работающими «за идею», принято подшучивать, однако именно они продолжают трудиться там, где «недомотивированные» мещане-потребители предадут общее дело.

Нет побед и поражений; все мы ходим по кругу, в центре которого наши воспоминания. И потому неудивительно, что в точке замыкания круга наш друг может стать врагом, а враг – помощником. Если жизнь рассматривать как лабиринт, пройти его (и достойно выйти) помогает вера, принцип «всегда держаться одной стены». Нирвана в таком ракурсе вообще означает отсутствие необходимости входить в лабиринт, когда знаешь, что выход там же, где и вход. Правда, знание должно быть выстраданным – увы, блужданий, заблуждений и тупиков на сем пути не избежать. Не потому ли лабиринт – один из распространенных во всем мире сакральных символов? Вера, пришедшая после осознания ограниченности опыта, ценна вдвойне. Человеку необходимо верить в то, что он не понимает или пока не способен понять. Высокоорганизованные индивиды исповедуют веру как учение о приближении к Совершенству, низкоорганизованные довольствуются верованиями, т. е. ритуальной практикой, обеспечивающей их идентификацию в действующей системе нравственных координат. Религия у людей одна,

только культы разные, а посему правильнее называть священников служителями культа, как именовали их когда-то большевики.

По нашему убеждению, человечество (независимо от этноконфессиональной принадлежности) объединяет мечта о справедливости. Образ Судьбы – вечный закон Справедливости, которая *должна быть*, в то время как всё остальное (красота, благополучие) *может быть*. Именно справедливость мыслится краеугольным камнем, составившим фундамент построения общества из стада. Разумеется, вселенская справедливость – идеал, но вера в нее обеспечивает прогресс в развитии человечества.

Исторически стремление к справедливости связано с борьбой за свободу и независимость. Свобода как идеал – безусловная (а потому непостижимая) категория. Свобода «от» и свобода «для» – относительная, свобода выбора – уже совсем конкретизирована (опошление идеала свободы на уровне воли). Воля и свобода не синонимы: воля всего лишь антипод неволи, принуждения. Воля может породить произвол (осознанное побуждение расширять пространство своих прихотей, приневоливая других). Как заметил Ю. Лотман, внешняя свобода (отсутствие правовых запретов, та самая «воля») должна компенсироваться внутренними ограничениями (которые и составляют скелет культуры), иначе общество превратится в скотов.

Если ты свободен, зачем выбирать? Выбор – уже несвобода, ибо зависит от вариантов. М. Анчаров утверждал, что свобода это не выбор между заданностями, а торжество над выбором. Мы же полагаем, что и такое торжество есть, в конечном счете, ощущение необходимости – стать орудием Судьбы. Истинно свободный человек не колеблется в ситуации, быть ли ему на стороне вселенской Справедливости или предать идеалы, удобно обустроиваясь в клетке произвола и насилия. Советское «мы в ответе за всё, что происходит в наше время» – во многом религиозное мировосприятие (не мировоззрение!), которое по форме вроде и напоминает пресловутый «имперский дух», но по содержанию неизмеримо глубже даже философии космизма. Встать на защиту блага всего человечества, объединить его непреходящими ценностями. Не культурная экспансия и не экспорт революции, а творческая миссия, поскольку образ будущего воспринимается сердцем, а не умом. Идеалы невозможно навязать, в них можно уверовать, и лучше

всего – приобщаясь к носителям и олицетворениям этих идеалов. Значит, подлинная свобода не столько в выборе, сколько в принятии на себя ответственности за происходящее (а воля и неволя суть поводы к избеганию такой ответственности).

Миссия – Судьба – Провидение – привилегия – инструмент достижения успеха: таков, на наш взгляд, жизненный цикл смысла существования в формате человеческого бытия. Как видно, по мере опошления снижается роль иррационального регулятора и возрастает значение человеческого произвола. Миссия человека (пресловутый смысл жизни) есть истинный двигатель прогресса, и суть его не в развитии производства (постиндустриальное, производящее информацию общество выродилось в уродливо-лоскутный постмодерн) и не в классовой борьбе (сейчас социальные классы абстрактны и размыты), и даже не в социальной солидарности (ибо она не причина, а следствие).

Условно ожидания от жизни можно подразделить на механистические (рациональные) и отдаленные (иррациональные). Разумеется, глупо просить у Бога новое платьишко, оттого и поддержание рациональных ожиданий есть движение к материальному успеху и, соответственно, путь в никуда. Технологический прогресс низводится до сервиса, цель которого в оптимизации усилий по приобретению благ. Таким образом, западный техно-подход к историческому прогрессу неизбежно заведет в тупик. Это подтверждают обостряющиеся межконфессиональные конфликты и тщетные усилия стран Запада их разрешить. Увы, и в России мы видим сейчас фатальное сочетание физической и нравственной деградаций: нравственная ведет к войне, физическая – к вымиранию.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КРЕАЦИОНИЗМ

И СОЦИАЛЬНЫЙ КРЕАЦИОНИЗМ
СОЦИАЛЬНАЯ ИНВОЛЮЦИЯ

Так называемая эволюция – это включение личности в склеп.

М. Пришвин

Строят не те, у кого избыток камня, а те, кто эти невыносимые
каменья решаетея скрепить своей вязкой кровью.

И. Эренбург

На наш взгляд, если к социально-историческим процессам и применимы законы, открытые приверженцами эволюционизма (Ч. Дарвин, Г. Спенсер), это законы распада. Действительно, грубая экстраполяция схем эволюции превращает историю человечества в набор свидетельств упадка и разложения: распад общины, имущественное и социальное расслоение, нравственное разложение власти. Где же здесь прогресс, развитие, эволюция? Мы полагаем, социальная эволюция принципиально невозможна, история – не линейный поступательный процесс.

В отличие от природных, общественные процессы развиваться неким «естественным образом» не способны, поскольку определяются волей людей. Оставленное на произвол судьбы, общество инволюционирует, деградирует. Ключевой механизм эволюции составляет адаптация, приспособление к условиям окружающей среды (А. Тойнби называл их «вызовами»). Следовательно, социальная эволюция невозможна уже потому, что приспособленчество претит творческой человеческой природе. Сущность власти и культуры заключена в сдерживании и преодолении (соответственно) энтропийных тенденций, которые (при попустительстве власти и интеллигенции) возникнут естественным путем. Там, где социум опускается до состояния стада, история не нужна, достаточно будет и зоологии.

История заключает в себе достоинство народа, как биография – достоинство каждой личности. Эволюцию какой-либо расы опишут антропологи и этнографы, но одухотворят жизнь нации ее художники, поэты и философы. Невежество национальности не имеет, но художник – лицо нации: именно поэтому некоторые этно-полит-элиты из всех сил тщатся «приватизировать» деятелей культуры и искусства.

Говорить о социальной эволюции значит отрицать созидательную роль культуры и отчасти – государства. По сути, апологеты т. н. «самоорганизующегося гражданского общества» не более чем вульгарные анархисты. В конце концов, сама идея отмирания государства не будет ли лучшим доказательством невозможности общественно-государственной эволюции на дарвиновский манер? Либо инволюция, либо революция – выбор небольшой.

Социал-эволюционизм годен разве что для красочно-ассоциативного описания агонии человеческого общества. Обоснование уязвимости слишком громоздкой и хрупкой авторитарной властной вертикали (декапитация высокоразвитых животных – травма, несовместимая с жизнью), сравнение коррупции с метастазами – всё это весьма наглядно отражает последствия того естественного хода событий, коему сознательное общество в своих же интересах могло бы препятствовать.

Значит, социальная эволюция – это приспособление индивидов к устоявшимся формам взаимодействия с целью обеспечения личной безопасности и удовлетворения личных интересов. Таким образом, общественная эволюция есть квинтэссенция мещанства. Людское приспособленчество – всегда залог выживания отдельных особей и гарантия деградации человечества в целом. История же не удовлетворяется простой человеческой экзистенцией. Мало того, что ты топчешь землю; человеку гораздо важнее узнать, кто он, чем просто влачить существование. Потому герои умирают за идею, а адептов тактики выживания – трусов и предателей – не уважают ни свои, ни враги.

Столпы договорной теории происхождения государства и права (Т. Гоббс, например) справедливо отмечают: состояние естественной свободы приводит людей к войне всех против всех. Абсолютно свободная личность и абсолютно покорный раб подобны, уточняет Гоббс М. Пришвин. Не потому ли, что «абсолютно

свободная» от моральных ограничений личность превращается в раба законов природы? А уж там рабство абсолютное, исключений нет. Ситуация Смуты, когда все и правы и неправы одновременно, постепенно выходит за рамки добра и зла, ибо ни того ни другого более не существует (разрушена система нравственных координат). И люди опускаются до законов природы и пребывают «в натуре», где выживает простейший, сильнейший и крутейший. Такой мир лишен сантиментов и гуманизма: не сумел приспособиться – погибай!

В стихии нет добра и зла. Значит, и стихийная рыночная экономика вне пределов морали и человечности. Реформаторы-рыночники, с нашей точки зрения – эдакие «экологи экономики», либерально предоставляющие людям свободу поедать друг друга в борьбе за шкурный интерес. Вся капиталистическая история Запада являет собой процесс стряхивания с тела торгашеской экономики (эквивалент обмена веществ) отягчающих ее нравственно-идеологических конструкций. Исповедующим же коммунизм нет нужды объяснять, что он есть альфа и омега развития человечества. Да и «вызов» на самом деле всего лишь один: как *остаться* человеком в животных условиях борьбы за существование. Когда-нибудь люди вырастут настолько, что несправедли-вости станут попросту стыдиться, и в первую очередь – в сфере материальной.

Ни один исторический факт не повторяется во всех деталях, именно поэтому история не бывает цикличной в строгом значении слова. И если деструктивные законы природы применимы к обществу, то понятно, почему отправной и финальной точкой общественного развития станет коммунизм. Хочется верить, что не первобытный, хотя и такой вариант возможен. Коммунизм – естественное состояние человечности, и принцип распределения благ «каждому по потребностям» невозможно реализовать без творческого отношения к труду, которое и обеспечит не атрофию или гипертрофию, а развитие потребностей в соответствии с принципом избыточности усилий. Трудиться значит преодолевать трудность, и это тоже творчество. Именно преодолеть, а не приспособиться к проблемам. Распределение по потребностям характерно для любой семьи, где есть дети. Дети вырастают и становятся эгоистами, удовлетворяя свои потребности и реализуя амбиции. Но едва заве-

дут своих детей, вновь сами вернутся к заветам коммунизма в распределении благ по потребностям.

Предполагаемые оппоненты могут возразить: дескать, похожее поведение наблюдается у многих животных (трогательная и беззаветная забота о потомстве у кошачьих, к примеру). В XIX в. бытовало мнение, что солидарность и взаимная забота полезны (П. Кропоткин, П. Лавров). При всем уважении к этим умнейшим людям позволим себе не согласиться с некоторыми их доводами. В частности, наше расхождение с Лавровым: он утверждал утилитарную ценность справедливости, но утилитарная ценность уже есть цена. Немудрено, что утилитаристы утилизировали мораль и предпочитают приторговывать оприходованной справедливостью. Устанавливать тарифы на человечность и справедливость всё равно что гордиться мизерной индексацией пенсий, не покрывающей уровня инфляции. Что же до аналогий с зоологией, в пользу людей говорит забота о стариках (с точки зрения эволюционистов, абсолютно неоправданная, с позиции менеджеров от социальной политики – неэффективная). Однако мало кому придет в голову мысль о «сокращении поголовья» старшего поколения «за ненадобностью»; подобная формулировка отдает фашизмом. Значит, помимо рациональной пользы, есть в людском сознании нечто, позволяющее человеку поступать нерационально, антиэволюционно, и благодаря этому – развиваться.

Здесь мы должны определиться с терминами и их содержанием, дабы не ввести в заблуждение доверчивых читателей и не дать лишнего повода для непродуктивных споров читателям изначально недоверчивым. Коли мы отвергаем социальную эволюцию как двигатель развития человечества, логично предположить, будто автор настоящей книги стоит на революционной мировоззренческой платформе. Так уж исторически сложилось, эволюция и революция воспринимаются как антонимы, олицетворяя соответственно постепенное и скачкообразное развитие.

Высказанное предположение представляется нам не вполне корректным. Дело в том, что применительно к социальным процессам революция не может считаться противоположностью эволюции. Хотя бы оттого, что революция есть «человеческое, слишком человеческое» отношение к ситуации; в мире природы революций не бывает. Стало быть, во-первых, революция «про-

тивно-естественная», ибо нарушает якобы последовательный ход событий. Она есть реакция на инволюцию, своего рода агония, отчаянная попытка обрести шанс на жизнь в условиях терминального состояния (то, что Ленин именовал революционной ситуацией).

Во-вторых, революция – не столько рывок вперед, сколько тотальный и масштабный отход к некоей безопасной отправной точке, откуда возможно развиваться сызнова. Следовательно, социальная революция есть некий акт, максимально ускоряющий процессы разложения, доводя их до абсолюта (смерть старого строя). А в избытке своем любое явление в своем роде очищается. Так пафос разрушения и последующий за ним катарсис вполне могут стать фундаментом новых общественных форм. Но только ли благодаря революции?

Еще со времен Робеспьера, Сен-Жюста и Бабефа бытует мнение, что революция пожирает своих детей подобно Сатурну, т. е. насилие способно породить лишь насилие и разрушение, низвести человека до скотского состояния. Происходят ли социальные революции там, где нет государства? – Скорее всего, нет. Значит, революция – это свержение, в первую очередь, государственных институтов: люди как бы ставят зарвавшуюся власть «на место», возвращая общественный строй на догосударственную стадию. А за ней, с исходной точки естественной свободы и дикости, возобновляется поиск социальной гармонии, обычно заканчиваемый формированием такого же государства (возможно, еще более жестокого и авторитарного). Когда люди устают от хаоса, они жаждут порядка любой ценой. Выходит, истории не существует, и человеческое развитие строго циклично?

Ошибка естественно-правовой теории, по нашему мнению, состоит в том, что «ближе к природе» не значит чище, культурнее, цивилизованнее. Не стоит стремиться приблизиться к природе (не зря эпитет «дитя природы» для людей оскорбителен). Требуется превзойти циничные законы приспособления и выживания, только в этом залог нового качества социальных отношений, развития и прогресса. Вот что мы назовем **суперацией**.

Поясним значение термина, вводимого нами в оборот. Если психическая сублимация (как ее понимают фрейдисты-психоана-

литики) есть защитный (регрессивный) механизм, суперация – перспективна и совпадает со смыслом жизни. *Суперация* – это акт творческого преодоления, стремление превзойти действительность. Увы, творческий потенциал (индивида, а уж тем более нации) не поддается измерению, ибо изучать можно лишь повторяемые явления, тогда как творчество всегда уникально и неповторимо. Вероятно, поэтому некоторые счетоводы-социологи признают нашу «непрактичную теорию» еще и недостаточно научной. Тем не менее, именно суперация помогает возвыситься над примитивной схемой «инволюция-революция», минуя промежуточные стадии и этапы. Значит, т. н. прогресс (новый виток исторической спирали) состоит не столько в революции, сколько в суперации. Так, феодальные общества способны построить социализм, минуя буржуазные революции, просто освобождаясь от ига (тиранического или колониального) и преодолевая последствия эксплуатации человека человеком.

Эволюция, инволюция или революция – всё это вопросы дихотомии или антагонизма. Эволюция бессознательна, инволюция и революция могут быть осознанными, суперация же представляет собой сознательный творческий подвиг, синтез нового, переход в иное качество. Человек зажат в тисках дуализма, альтернативного мышления. Альтернатива и есть несвобода, в то время как свобода простирается за пределами полярности и дуальности. С этой точки зрения, пришествие Антихриста – возможно, последнее искушение разочарованного человечества идеей двойственности и антагонизма. Кто выберет дуализм, погубит себя, замкнув на себе цикличность бытия, кто возвысится – возможно, узрит Царствие Небесное. Получается, диалектика социальных процессов блуждает в двух соснах естественного и противоестественного (фальсифицированного, искусственного). В этом ее ограниченность; она не признает *сверх*-естественного (подспудно осознаваемого каждым человеком, но осуществляемого лишь в процессе творческой суперации).

Христианская Троица – яркий пример того, что за гранью предписанного нам дуализма все же есть решение и выход («да воззрением на Святую Троицу побеждается страх ненавистной розни мира сего»). По мнению выдающегося писателя Д. Балашо-

ва, троичность отражает принцип множественности и критерий объективности истины. Если рассматривать идеи Отца и Сына как символ причинно-следственных связей, то Дух Святой, воспаривший над ними, есть суперация причин и следствий. Третья сила в споре всегда мыслится как высшая, наделенная недоступным и непостижимым качеством (промысел Божий, благодать Божия). В противном случае на звание и миссию судьи претендовал бы каждый. Именно отсюда происходит идея третьей (от слова «третий») суда. Примечательно: триада, Троица, третья сила – не только христианские конструкты. Индуисты верят в Тримурти, третий глаз (символ выхода за пределы дуальности и относительности всех терминов). В античной мифологии есть «семейные триады» богов, у древних египтян – фиванская и мемфисские триады. Наконец, буддийский «срединный путь», по сути, также основан на суперации.

Главным носителем «гена суперации», по нашему мнению, нужно признать интеллигенцию (для сравнения: самые опасные носители вируса революции – женщины). Интеллигенцию как не столько представителей интеллектуальных профессий (упрощенная трактовка), сколько исповедующих идеалы – тех, кого принято называть совестью нации. Где нет таких личностей, общество обречено на прозябание. Миссия интеллигентов как носителей идеалов и субъектов суперации во все времена одна, но функции бывают различными в рамках исторического контекста. К слову, на Западе к концу XIX в. поняли, что интеллигенцию необходимо интегрировать в пресловутый «средний класс» (жирная прослойка, уменьшающая трение между элитой и низами). Прикормить и дать ход во власть. Так суперация опошляется до оппортунизма: оппозиция вынуждена играть по правилам, навязанным правящим классом (в виде законов и прочих государственных установлений).

Отечественная интеллигенция, наоборот, не причисляла себя к среднему классу (по причине отсутствия такового, да и вообще из отвращения к обывательщине) и не играла роли посредника между властью и массами. Основная миссия русского интеллигента сродни религиозной. Православная Церковь в «петербургский период истории» находилась в составе государственного аппарата,

и интеллигенция заполнила собой «зияющие высоты» духовного убежища от официоза (изначально продолжая миссию служителей церкви: утешителей, просветителей и проповедников). Настоящий духовник критикует общество, но помогает и сочувствует каждому, официальная же церковь поступает обратным образом, формируя вокруг себя и власти духовный вакуум. Итак, на Западе интеллигенция выполняет функцию социального клапана (отдушины), а в России служила совестью нации (в прошлом времени, ибо в современной России интеллигенции как социальной группы не существует – она деморализована и истреблена чумой потребительства).

Люди, не увлеченные историей, имеют о ней поверхностное представление, полагая, будто делают ее знаменитости. Те, кто всплыл на поверхность океана времени, безусловно, заслуживают памяти (скажем, политики), куда реже – уважения. Однако по-настоящему двигают историю (и создают славу политикам) неизвестные гении. Возможно, о них даже никогда не узнают – это подвижники, аристократы духа (скромные по природе своей, как истинные аристократы).

Может быть, парадокс истории в том, что эта капризная дама не запоминает своих навязчивых поклонников и ухажеров – тех, кто идет в ногу с веком. Будучи успешными при жизни, после смерти они предаются забвению как исторический шлак. Вот почему уроки истории усвоены лишь историками – по документам и архивным материалам, в коих детально отображена жизнь известных (в свое время) и потому успешных посредственностей. Успех едва ли не целиком зависим от временного контекста. Значит, именно бездари прекрасно отражают дух и специфику эпохи, поскольку сами к творчеству малоспособны и транслируют уже существующие апробированные нравственные стандарты.

Слово «посредственность» предполагает опосредованность восприятия идеала через какой-то доступный шаблон. Масса как таковая всегда аккумулирует посредственность. И коль скоро мы анализируем историю в свете инволюции идеалов, следует признать: массовая социальная практика еще ничего не смогла улучшить – только упростить, опшлить. А потому грех упрекать ин-

теллигентов в неспособности к деятельности; они просто не хотят увидеть публичное глумление над их идеалами.

Массовое сознание априори деструктивно. Будь оно иначе, популисты лишились бы работы. Сейчас, к примеру, массы увлечены похождениями сволочковых, плохобыстиных и прочей людской ерунды и жигурды. А ведь спустя полтысячи лет о них никто не вспомнит! Однако как раз обилие смердящих отбросов тотального шоу-бизнеса вскоре, возможно, вызовет у России приступ социальной идиосинкразии – новую гражданскую войну.

Таланты, в отличие от посредственностей, вне или против историко-социального контекста. И, в отличие от забвения, история платит им либо полной безвестностью, либо посмертной славой.

Итак, одни оплодотворяют самок, другие – Вечность.

МОРАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

СТРАТИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
МОРАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ СОЦИАЛЬНОЙ

Простец – истинный герой обуздания – чтит все союзы,
но чтит не постольку, поскольку они защищают его самого,
а поскольку они ограждают от других.

М. Салтыков-Щедрин

Слабый человек не может быть моральным, сильный – не хочет.
Моральным может быть лишь слабый человек,
когда он подчиняется сильному.

М. Пришвин

Ространство творчества трансцендентно (запредел и беспредел – принципиально разнятся по понятиям), там всем хватит места. И вовсе не удивительно, что в условиях роста общего уровня культуры (а значит – непременно нравственности) одновременно снижается уровень конкуренции (опять же: базарная конкуренция и соревнование не тождественны). Земля держится на тех, в присутствии которых остальным совестно совершать безнравственные поступки. Именно совестно, а не боязно, чем полицей отличен от святого (хотя никто не отменял возможности существования нравственных законоблюстителей). Люди тянутся к светлым личностям, но разве тем придет в голову конкурировать с паствой за святость? Наоборот, истинный подвижник всегда подвинется, освободив место подвигу другого (которое, как известно, в жизни всегда есть). Более того, подвижник поможет ближнему подвизаться, став его сподвижником.

В этом благородном сотворчестве есть, увы, и темная сторона. Власть и господство появляются там, где один уступает, а другой захватывает. Сказанное объясняет феномен завоевания высокочивилизованных (чаще – просто деморализованных) народов ди-

кими, но по-своему сильными духом варварами. Таков закон человеческой природы; ареал культуры и морали не терпит пустоты, он должен быть заполнен и освоен. Действующий по умолчанию морали закон природы беспощаден: пустота скорее заполняется чем-то более примитивным – по градиенту и принципу приспособления, инволюции идеалов.

Если рядом с культурным человеком находится хам, последний всегда в выигрыше – и от уступки интеллигента, и от интеллигентской веры в то, что даже в хаме спрятан человек, который однажды одумается. Характерный пример – «комплекс оккупанта», превращающий внешне цивилизованных завоевателей в нелюдей. В частности, когда-то те, кто не стал или не смог эвакуироваться, утешали себя надеждой: «немцы – культурная нация, они не посмеют!». Что «посмели» немецкие оккупанты в годы Второй мировой, помнит мир спасенный...

Итак, в человеческой истории всё питается культурой, даже паразитирующее на интеллигентности хамство. Следовательно, культурная миссия общества и государства состоит в недопущении торжества Хама. И, конечно же, обречен тот народ, где хамы у кормила власти. Достаточно официально благословить Хама, дабы разрушить целую цивилизацию (свидетельство тому – предательская политика гласности и культ мещанских ценностей, пропагандируемый в эпоху перестройки и позже). Значит, предназначение публичной власти (как всего, что на виду) – в постоянном самоограничении и самоотвержении во имя народного блага. Государство, бредущее по ложному пути заигрывания с Хамом, с агрессивно-обывательским электоратом, способствует превращению народа в чернь. И чернь сия – тупая, безликая, прожорливая и вечно озлобленно-недовольная ватная масса – со временем непременно поглотит то государство, которое пыталось ей потворствовать (и съели коровы худые видом и тощие плотью семь коров хороших видом и тучных; Быт. 41:4). Чернь аморальна и непатриотична, для нее нет законов, для нее вообще нет ничего святого.

Отличительный признак черни – социальный паразитизм, торгашеско-потребительская психология. Тысячу раз прав М. Анчаров: уголовник – это мещанин, доведенный до абсурда, а хулиган – посредственность, желающая стать нормой. Торжествующая посредственность нуждается в посредниках, облакающих ее блея-

ние в яркие популистские лозунги. И беда, если тем посредником станет государство. Даже у страны-маргинала есть перспективы, но у страны-гопника их нет и быть не может – только деградация, поначалу прикрытая убогонькой рогожкой псевдоисторической памяти и квазипатриотической ретроспективы (возврат якобы к основам, корням, скрепам, попытки эксгумировать «былое величие»).

Исходя из упомянутых предпосылок, мы получаем животную «вертикаль власти», где сильный подавляет слабого. Почему же тогда история человечества знает и примеры более высокоорганизованных структур, чем примитивное человеческое стадо?

Фатальная двойственность людей, помимо прочего, проявляется и в потребности гармонии личного (сознательного, творческого) и общественного, массового (усредняющего, осознанного либо бессознательного). Человек, увы, не может обойтись и без того и без другого. Один ценой своей жизни возвышает всех (мыслитель, художник), другой за чужой счет возвышается над остальными (эксплуататор, чиновник). Первый ограничивает себя, второй – других. Один творит искусство, другой – порядок. Так оформляется социальная стратификация, изначально и поныне существующая за счет компенсации беспардонной агрессии одних самоотверженностью других. Причина формирования человеческих взаимоотношений, на наш взгляд, снова в творческой суперакции, стремлении превзойти биологическую заданность.

Вероятно, социальной стратификации предшествовала гендерная, а социальный пол развился из полового диморфизма и функционального разделения обязанностей. Женская миссия есть вечное олицетворение той самой заданности, запрограммированности на продолжение рода. Не зря женщины столетиями боролись за то, чтобы за ними признали право на творчество (быть учеными, художницами, поэтессами). Изначально же творчество женщины – в ее материнском самопожертвовании.

Гендерная стратификация превращается в социальную. И вновь путем, далеким от эволюционного. В человеческом племени выделяются личности, более других наделенные талантом оценивать происходящее и более озабоченные творчеством, нежели добыванием пищи. Они разговаривают с духами и вызывают мистический трепет у соплеменников, не наделенных столь выработанной способностью к образному мировосприятию. Так появ-

ляются шаманы и жрецы. Не будь их, люди оставались бы в стаде, включенном в пищевую цепь. Жрецы выступают одновременно и творцами и хранителями традиций, закрепляя существующую гендерную двойственность (хранить очаг, обеспечивать безопасность), но и возвышаясь над ней. Они эстетизируют и тем самым благословляют те формы взаимодействия, на которых зиждется авторитет вождя. Значит, и для первобытного коммунизма возможна прото-стратификация, но вряд ли основанная преимущественно на распределении материальных благ. Историей движет не управление ресурсами; ее создают безымянные герои, скрытые в слоях массы. Как говорится, каменный век завершился не оттого, что закончились камни. В нашей гипотезе исторического развития материальное вторично, первично же осознание и принятие человеком своей миссии. Кому, как не жрецам, ее провозглашать?

В условиях ежедневной борьбы за выживание вождь (альфа-самец) был более привлекателен для женщин племени, чем странный медиум, общающийся с призраками предков и расписывающий пещеры, ибо «народ не желает управляться пророками, а хочет царя» (1 Царств 8:1-22). Вполне понятно, что своего наследника уходящий жрец выбирал из числа отмеченных мистическим даром учеников (сам, как правило, потомства не имея). Соответственно, изначально закреплялся *не*-наследственный механизм духовной преемственности, передачи «статуса и полномочий» жреца. Циники-дарвинисты могут назвать это искусственным отбором и будут, в общем-то, правы. А вот материальное господство идет по другому пути – наследственному, что обеспечило перманентную нуждаемость властного принуждения в санкционировании свыше, компенсирующем и преходящий характер физического превосходства, и наследственные пороки вождей. Так уже в недрах первобытных племен оформляются три будущих основных страты-касты-сословия. Казалось бы, человеческое стадо инволюционирует, раслаиваясь на группы. Что же помогло сплотить людей в общество?

Безликое вечно алчет и вечно бунтует. Хаос безличен, и поэтому сила разрушения всегда низведена к первоначальному равенству, к неразличимости. Творчества масс как такового не существует. Их «творчество» заключается в поддержании ими образа лидера – Личности, выражающей идеалы, инстинктивно ощущаемые массами. В обществе, близком к хаосу, отделившаяся личность

ничем не обязана тому множеству, которое считает его безликой, легко заменяемой единицей. И потому вовсе не удивительно, что сия «отдельная личность» способна превзойти аморфное множество, исповедуя свои идеалы: хаос структурируется суперацией, причем та изначально имеет сугубо иррациональный характер.

С массой, как с женщиной, можно сделать что угодно в двух случаях: когда она этого хочет и (особенно) когда она не знает, чего хочет (идеальный повод для насилия). Причина в бессознательности массы. Следовательно, сдерживание хаоса может заключаться как в потакании прихотям толпы, так и в насильственном пресечении сопротивления. Но преодоление (суперация) стадных инстинктов возможно лишь путем культивирования в людях сознательности, превращающей особь – в Личность. И если стадо не более чем совокупность особей, то социум – это непременно со-общество личностей. По словам Э. Ильенкова, личность лучше и полнее других выражает «суть» всех остальных людей. Впервые создавая новое всеобщее, она выступает как индивидуально выраженное всеобщее.

Приведенная цитата способна объединить и примирить внешне якобы противоположные идеи: что нацию делает таковой ее духовная элита (этнологический конструктивизм) и что усилия элиты ничто без т. н. «народного духа» (социобиологический эссенциализм). Художники и поэты эстетизируют те сформированные столетиями черты характера, которые выработаны этносом. Лучшее доказательство роли Личности (как квинтэссенции нации) – распространенная и типичная компенсация (оправдание) национальных недостатков конкретными примерами гордости нации. «Да, мы пьем водку, но зато у нас были Гагарин, Толстой и Достоевский». Или, как выразился замечательный артист и остроумный человек В. Ливанов, «на нашем дерьме растут голубые цветы». Снова суперация и идеализация, без нее невозможно уяснить то, что именуют «народным духом». Это коллективная психология, творчески переосмысленная лучшими представителями народа.

Случаются такие пропасти безвременья, когда и ресурсов не осталось, и слова больше ничего не значат – они теряют смысл из-за того, что произносятся лживыми людьми. Изрыгают лживую правду и вещают правдивую ложь, и не во что верить. Но если не во что, стало быть, верить стоит в кого-то, и однажды приходит в мир Личность, своим жизненным примером одухотворяющая изолган-

ную и избито-опошленную идею, сообщая той новую жизнь. Та самая долгожданная Личность в истории появляется не потому, что ее пришествие детерминировано социально-экономическими предпосылками. Скорее из-за того, что предпосылки эти обостряют моральный конфликт, и туда, где люди в борьбе за выживание массово забывают о совести, вдруг приходит человек, призванный искупить грехи всех. Мглу невежества однажды просто обязан озарить костер, на котором чернь сожжет очередного святого. Не будет такой Личности – и погибнет народ.

Более творческих людей идеалы вдохновляют, менее одаренным служат методичкой для свершений (в финале – неизбежно-деструктивных, т. к. идеал в их сознании опускается до уровня догмы). Значит, чем более развит в человеке творческий потенциал, тем явственнее прогресс и тем ближе светлое будущее всего человечества. Конечно, способности у всех разные, и развитие творческого потенциала не означает, что все люди примутся сочинять духовные гимны. И то, что один склонен к искусству, другой к науке, а третий – к администрированию, не значит, будто последний безнадежен, а у первого – самая высокая планка. Дело вовсе не в том, чтобы каждый «знал свой шесток»; это примитивный подход к стратификации и потому самый практичный и осуществимый. Но стратификация возможна и в таком варианте, когда каждый будет на своем месте, ибо чувствует красоту того дела, которым занимается. Это, наверно, и называется истинным призванием.

На фундаменте социальной стратификации можно построить и государство; оно отнюдь не есть историческая неизбежность, а этап развития общества, всего лишь один из вариантов. Причем – в «эволюционном» смысле оптимальный, поскольку связан с «сохранением энергии» нравственного обеспечения идеала общеобязательными правовыми нормами. Безгосударственные формы исторически существовали в сравнительно небольших масштабах (Исландия эпохи викингов), где люди придерживались единых нравственных устоев, скрепленных солидарностью на основе родства. Увеличение масштабов (территория, состав населения) влекло за собой упрощение нравственного содержания управления при гипертрофии его механизма (формы правления). Закономерность прослеживается и сейчас: бюрократизация

временно компенсирует аморализацию, но в итоге усугубляет нравственное падение власти (ярчайший пример: бюрократизация – причина и основа коррупции). Становится понятным, отчего внутри крупных государственных образований формируются центробежные тенденции, а в недрах крупных авторитарных культур зреют деструктивные субкультуры. И если общество складывается из личностей, то, по аналогии с оркестровой музыкой, самый простой способ найти гармонию – пригласить дирижера. Применительно к роли государства это гораздо более точная ассоциация, чем, к примеру, адамо-смитовский «ночной сторож». Дирижер не должен (хоть и способен) заставлять оркестрантов играть; он призван обеспечить гармоничное взаимодействие творческих индивидуальностей. У дирижера лишь один инструмент – палочка, у государства единственный инструмент – аппарат власти (в совсем безнадежном случае – резиновая дубинка полицейского, аргумент принуждения).

Уровень социальной гармонии может быть высоким и низким; в зависимости от того, как государство воспринимает свою миссию. И развивать стоит не государственные институты, а госслужащих, повышая уровень их культуры и сознательности. Тонкое искусство постижения (и вряд ли – окончательного достижения) гармонии зависит не от совершенства выделки палочки, но от личности дирижера и культуры оркестрантов. Т. е., в первую очередь, от нравственного облика представителей верховной власти. Именно в этом мы видим миссию и идеал государства. Реальные же воплощения, как всегда, от идеала далеки.

Конечная цель государственного регулирования поведения людей – упорядочение социальных отношений посредством обеспечения баланса прав, обязанностей, гарантий и компенсаций. Для насильственного подержания антиэнтропийных тенденций хватит и юридической ответственности, но та никогда не сделает людей человечнее и сознательнее. Хотя бы потому, что отвечать надо перед лицом абстрактного государства, а не собственной совести, да и мера (прейскурант) ответственности властью рассчитана весьма умозрительно. По сути дела, установление «сетки тарифов» наказаний за преступления – уже прайс-лист. Публичное право это торговля моралью, частное – торговля совестью. Естественно, мы не будем опускаться до узколобого правового

нигилизма и отрицать ценность юридических норм. Вместе с тем справедливости ради необходимо подчеркнуть: верный признак прогрессивного развития законодательства есть сокращение в нем принудительно-запретительного элемента, т. е. стремление регулировать социальные отношения исходя из внутреннего нравственного закона (совести). И оттого расхожую фразу «друзьям всё, остальным – закон» (симптоматично: слова эти кому только не приписывают, от римских императоров до Б. Хуареса и Б. Муссолини) не обязательно трактовать строго в коррупционно-криминальном ключе, хотя чаще всего ее так и понимают. Когда социум спаян едиными ценностями, нормативно-принудительное регулирование стремится к нулю. Когда же в обществе заведутся хамы, их заставят формально придерживаться приличий под угрозой изгнания из этого общества (остракизм). Исторический прогресс должен заменить грубые механизмы контроля нравственной оценкой происходящего, которая выше законов. А для этого нужно поднимать нравственный уровень власти (первостепенно, т. к. в ее руках аппарат принуждения) и просвещать народ в духе общечеловеческих ценностей.

По словам П. Лаврова, т. н. «критически мыслящие личности» раздражены принудительностью закона. Мы же полагаем, что не столько принудительностью, сколько осознанием примитивизации, изначальной опошленности государственной модели социального регулирования, предоставляемой посредством закона. Лавров утверждает, что усиление государства может быть в лучшем случае скорее средством общественного развития (прогресса), нежели его целью. Ослабление верховной власти очень положительно сказывается на развитии культуры: регионы начинают соревноваться за лучшие условия для развития искусства и науки; у провинциальных художников и ученых появляются свои высокие покровители, и культура процветает; формируются локальные художественные и научные школы, которые тоже соревнуются между собой и взаимно обогащают друг друга. Выходит, укрепление государственной власти должно бы привести к формированию унифицировано-тоталитарной культуры. Мы считаем, не всё столь однозначно – и именно потому, что идеал государства не исчерпывается лишь декларированием юридических ограничений и другими обязательно-принудительными актами. Ответ-

ственность юридическая – ответственность социальная (моральная) – ответственность историческая (совесть): вот как, по нашему убеждению, должен выглядеть вектор возрастания уровня ответственности.

Государственная власть актуализирует и поддерживает нравственные идеалы, делая их стандартами поведения. Поэтому роль государства консервативна, что всегда снабжает новаторов поводами для критики, а деятелей культуры – поводами для управления общественным мнением. Истинно мудрая власть тщательно отслеживает актуализацию нравственных ориентиров и ориентируется по ним сама. Например, актуализация тенденции, возникшей в обществе (снизу), может расцениваться как популизм, коим власть способна снискать дешевый авторитет. В то же время актуализация нравственных стандартов сверху при отсутствии в массовом сознании предпосылок для их принятия обществом, как правило, вызывает обоснованный протест или (в лучшем случае) воспринимается пассивно, безразлично. Народ никогда не разделяет до конца пафоса господствующей правды, писал М. Бахтин. Реформы сверху потому редко поддерживаются народом, что реализуются чаще всего в целях сохранения власти и упорядочения, но не улучшения жизни простых людей. Стало быть, народ априори революционен (верните нормальную жизнь, а потом оставьте в покое!), власть же консервативна (сохранить порядок вещей!). Исторически облигатно-прогрессивной стратой является церковь и интеллигенция. Именно просветители способствуют тому, что и народ и власть возвышают сердца и поднимают голову к небу – в одном направлении. К. Победоносцев удивительно емко сформулировал: доверие массы народы к правителям основано на вере, т. е. не только на единении народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует. Государство без веры есть не что иное как утопия, невозможная к осуществлению.

Итак, партитуру «по народным мотивам» пишет церковь и интеллигенция, исполняет народ, а дирижирует власть. Партитура – идеология, образ будущего, к которому равно направляют свои усилия и народ и государство. Идеал же состоит в пресуществлении народа и государства в единую братию – сообщество людей, исповедующих гуманистические ценности.

ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИММУНОЛОГИИ

OP NΠEONOIΠHCECOKH NWWWΛHNOBIOIHN

Государственная мощь создается духом
в еще большей мере, чем материей.

Н. Устрялов

Неужели так никогда и не научимся
отличать флюгер от компаса?

Б. Павленок

Носители идеалов (священнослужители, интеллигенция) по скромности и моральной чистоплотности своей не пойдут управлять. Их миссия – не дать опуститься обоим полюсам общественных отношений (народу и власти). Они совесть нации, ее нравственный камертон. И коль скоро мы завели речь о полюсах, величайшее искушение интеллигенции – разыгрывать роль самых умных и даровитых там, где нравственный и культурный уровень власти и народа стремится к нулю. В подобной ситуации интеллигент позиционирует себя как гуманист, просветитель и (местами) мученик, эдакий пик и экстремум социальной синусоиды. Причем иной расклад (к примеру, нравственная власть и дикий народ, или наоборот) практически невозможен именно в силу того, что власть вынуждена отталкиваться от интересов народа, даже когда его угнетает. И поэтому прослойка пролетариев умственного труда, людей с рафинированными культурными потребностями, потенциально способна использовать ситуацию нравственного упадка как повод возвыситься и стать кем-то наподобие «стадионных гуру» эпохи перестройки, когда слова лидеров маргинальных рок-групп весили больше, чем официальные заявления с передовиц партийной прессы. Критика власти ради самой критики, таким образом, не только непродуктивна, но опасно влияет на общественное сознание и вполне может деморализовать народ, превратив его в перманентно недовольное «население», каковым являются, к примеру, современные россияне – обездоленные, об-

ворованные и обманутые – недостойные наследники великого советского прошлого.

Может быть, задача интеллигенции в том, чтобы спрямить синусоиду? Сие тоже невозможно, поскольку тогда интеллигенция исчезнет, и идеал опошлится до расхожих мемов: как сейчас, когда в России вместо носителей идеалов – политшуты, фрики и селебрити. Значит, в любом случае интеллигенция должна пребывать на пике общественных отношений, задавая им нравственный тон и поддерживая его. Если пик отрицательный, культура и общество обречены на вымирание и забвение; если интеллигенция тянет власть и народ вверх, общество имеет-таки шанс на развитие и процветание.

Возможно, в России власть сама не была заинтересована в политпросвещении масс, раз уж те смирились с ее изначальным несовершенством и позволили ей быть. Роль индикатора нравственности власти и одновременно катализатора духовного развития народа выполняла церковь, имевшая и моральное право и достаточное гражданское мужество брать на себя оценку проблем и поиск их решения (митрополит Алексей при Иване Красном, Филипп – при Иване Грозном, патриархи Иов и Гермоген в Смутное время). После Петра I церковь была интегрирована во власть, и «третья сила» в России исчезла, дабы воскреснуть позже в миссии русской интеллигенции.

Следовательно, церковь и/или интеллигенция образуют своего рода чистилище, в котором темнота народа и грехи власти проходят философское и эстетическое переосмысление, высветиваются (иногда даже высветляются). Место интеллигенции не займет никто, а вот место церкви может занять партия, если партийная программа соответствует идеалам стремления к добру и справедливости. В СССР, например, коммунистическая партия во многом выполняла функции, свойственные церкви. Единая идеология (образ жизни), следовательно – единая партия: всё логично, а потому модная ныне многопартийность есть, по сути, рыночный ассортимент, имитация чисто внешнего разнообразия, не имеющая ничего общего ни со свободой мнений, ни со свободой слова. Согласимся с К. Победоносцевым: величайший враг любой практической деятельности – абстрактный плюрализм. Такой плюрализм ни к чему не обязывает, не дает сосредоточиться.

Вряд ли кто станет оспаривать, что с нравственным развитием человечества появляется потребность в истине и справедливости независимо от пользы – создаются начала науки и искусства. Осмелимся перефразировать ленинские слова о материи: красота есть истина, данная нам в ощущениях. Чтобы устранить противоречия между бытием и бытом, потребно одухотворить повседневность (обыденность), придать ей культурный статус. Социализм сродни искусству, – писал М. Пришвин, – это качество социализма проявляется в стремлении моделировать подлинное бытие. Рассуждая об эстетизации как принципиальной основе формирования идеологии, мы убеждаемся в примате эстетики над этикой: красота прежде и важнее истины и добра. Вот отчего всё искусственное (в т. ч. и «противоестественный» антиэнтропийный институт государства) отчаянно нуждается в облагораживающем его искусстве. По этой причине нельзя абсолютизировать критическое начало в качестве животворящего и исторически прогрессивного (как то делает П. Лавров). Мы считаем, что тонкость исторического прогресса заключена в балансе критики и эстетизации. Да, эстетическое чувство “per se” не является нравственным, но таковым его делает восприятие человека, вдохновленного творчеством.

Идеология есть эстетизированный образ жизни граждан государства. Заметим: образ жизни и *modus vivendi* (способ жизни) – принципиально разные понятия. Образ предполагает перфекционизм, а способ – утилитаризм, активирование сил и средств для достижения рациональной цели. Осознание недостижимости совершенства делает перфекционизм личным проклятием и вечным благословением творческого человека.

Идеология (как некое эстетическое чувство) способна не только ваять эстетичный образ будущего, но также и воспитывать нетерпимость, неприятие отталкивающего, некрасивого. В первую очередь – нравственно уродливого, пошлого. Таким образом, наличие в стране идеологии означает еще и привитый гражданам идеологический иммунитет, обеспечивающий политическую и социальную стабильность. Исходя из сказанного, нетрудно догадаться, насколько разрушителен потенциал предательских мыслей об отсутствии или запрете идеологии в качестве государственной или общеобязательной.

Во-первых, подобная формулировка неправильна уже потому, что идеология, по нашему убеждению, вне государства существовать не может. Как частный случай мировоззрения, она по содержанию значительно уже религии или философской концепции и, в отличие от оных, призвана выполнять конкретную функцию цементирования населения в народ. Отсюда вывод: противоречие декларируемой властью (иной источник невозможен) идеологии той системе ценностей, которая доминирует в массах, вызовет осмеяние и отторжение идеологических штампов.

Во-вторых, коль скоро идеология есть креатура и опора государства, миссионерами-проводниками ее в массы должны быть представители власти. А значит – стать образцами идеологически правильного образа жизни. Существует распространенное мнение, будто идеологию творит интеллигенция – отнюдь! Интеллигенция формирует культуру и мировоззрение народа; здесь предназначение намного выше, чем провозглашение стандартов поведения и отправление обрядов политлояльности. Так выстраивается идеологическая стратификация, имеющая, кстати, единую нравственную основу в религии или системе мировоззренческих координат, создаваемых и эстетизируемых гордостью нации – ее поэтами, художниками и подвижниками. Власть по-своему моделирует социум, подобно тому как Бог творит мир. Вот почему «всякая власть – от Бога», у нее аналогичная миссия. Конкретная же задача госструктур несколько проще интеллигентской; она имеет негативный характер и заключается в воспрепятствовании инволюции (энтропии,) которая при попустительстве усилится естественным образом.

Идеология всегда государственная еще и потому, что представители власти обязаны хотя бы не позорить нацию, но еще лучше – служить примером ответственности и компетентности. Государство не ограда для сдерживания народа (в этом случае мы имеем тюрьму или стойло). Конечно, велик соблазн применить к людям проверенные и (главное!) абсолютно безотказные приемы животноводства, пастьбы и забоя скота. И все же миссия государства куда благороднее, она в обозначении перспективы национального развития. Когда власть никуда не ведет или упрямо тянет народ в ностальгичное ретро, люди рано или поздно почувствуют, что из граждан превратились в заложников государства. И раз за разом

будут пытаться освободиться от гнета бесперспективной, архаичной догмы.

В этом контексте небезынтересно переосмыслить ленинский тезис о «слабом звене в цепи империализма» и возможности социальной революции в отдельно взятой стране – с точки зрения развития конфликта между иррациональностью официальной доктрины и рациональной тактикой власти. Любая политическая ложь проще вышивается по канве идеологии: афористическая безапелляционность деклараций придает лжи привкус убедительности. Резкий диссонанс лозунгов и отстоявшихся жизненных устоев непременно отзовется социальным конфликтом. Исход его, впрочем, не предрешен. В худшем случае люди станут приспособляться, лицемерить и подличать («не мы такие, жизнь такая») и морально опускаться. В лучшем – отыщутся те, кто задумается об очищении идеала, который бесстыжие чинуши заплевали идеологической шелухой. Беда в другом: идеология по самой природе своей настолько срастается с государством, что очистить ее можно лишь вместе с зачисткой прогнившего властного аппарата.

Получается, что интеллигенты совершенствуют мировоззрение, массы исполняют коллективные обряды, заповеданные религией или идеологией, а государство старается уравновесить перфекционизм первых утилитаризмом вторых. Это дело крайне неблагодарное, из-за «срединной» роли государством никто никогда не доволен. В итоге мы снова получаем три страты – и очередное доказательство ограниченности созидательного потенциала государственной формы организации общества. А равно и того, что государственный путь развития человечества достиг апогея в эпоху развитого феодализма, где религия освятила существование трех сословий: священников, правителей-защитников (веры и народа) и трудящихся; а властный произвол ограничивался церковью и народным собранием (в России это было вече). Следовательно, феодализм был моментом гармонии между государственным принуждением и сословными формами социальной солидарности.

Когда статус носителя культуры (соответственно, и нравственных ценностей) есть у каждого и формально соответствует правовому статусу, государство неизбежно ослабевает. Статус носителя культуры необходимо заслужить. И поелику сформировано не

сколько уровней данной культуры, стратификация неизбежна. Тем не менее, скреплять страты (сословия) в единое общество призвана именно единая идея, цель, моральный эталон, и они не могут принципиально отличаться для разных сословий. Это объясняет, в частности, высокий объединяющий потенциал религии даже в условиях жестокой эксплуатации человека человеком.

Подчеркнем: идеологические формулы эстетизируют критерии стратификации и тем самым структурируют социум, определяя каждому его служение и его роль в общем деле. Идеология немыслима без пропагандистских лозунгов, а лозунг – без афористичности. Убедительность афоризма заключается не в количестве и не в академичности доказательств, а в красоте сказанного, за которой – оригинальность мышления и жизненный опыт. Афоризм – это слово, пропущенное через сердце, потому и идет оно непосредственно от сердца к сердцу. Афоризм даже не убеждает – он утверждает, и потому афористично изъясняющийся человек убедителен в режиме короткого замыкания (в этом, отчасти, причина непреходящей популярности цитатников: от средневековых сборников латинских фраз до высказываний Мао). И как афорист не нуждается в аргументации, тезисы идеологии должны воспринимать без критики. Они неоспоримы, ибо призваны стать своеобразным *credo*, символом веры граждан, данную идеологию исповедующих. Например, патриотизм составляет главный «державный» компонент идеологии; его нужно культивировать, но разговоры о нем, обсуждение и мероприятия по развитию патриотизма приведут к его утрате, поскольку знание убивает любовь. О любви, как известно, не говорят – ей лучше заниматься.

Важно отметить: идеология не тождественна национальной идее, которая есть не более чем тактика на основе стратегии. И потому в клептократическом государстве, построенном на лжи и маниакальном бреде самосохранения, не грех подкинуть политическому вожаку любую национальную идею – тот ее поддержит. Можно менять концепции ежегодно – ничего не произойдет, т. к. статус вождя якобы не позволяет ему ошибаться, а все ошибки и тактические промахи автоматически списываются на нерадивых или неразумных исполнителей воли непорочного лидера, олицетворяющего собой и державу и ее стратегию-идеологию. Исключительно удобная и циничная тактика.

Там, где власть не облагорожена идеалом, народ начинает видеть в политическом лидере не более чем альфа-самца. Соответственно, чей-то случайный выкрик «Акела промахнулся!» может враз решить судьбу вожака. Авторитаризм сам под гнетом случайности, оттого в художниках и святых отчаянно нуждаются равно и тираны и реформаторы. Без них господство не более чем прихоть Фортуны. В итоге мы наблюдаем, как правило, расцвет искусства в годину жестокого правления и сравнительный застой (а то и упадок) – в периоды административных послаблений и демократизаций. Покровительствуя наукам и искусствам, власть способна не только обессмертить себя. Главное здесь – уберечь творческие личности от тирании рынка. Чем выше возносится государство, тем оно сакральнее, и тем меньше установленная необходимость повиноваться давит на достоинство людей. Служить идее всегда благороднее, чем работать на конкретного хозяина. Ради этого можно стерпеть и жесткую волю власть предержащих.

На первый взгляд невероятно, но творческая самобытность человека гораздо легче уживается с суровым деспотизмом (внутренняя эмиграция – как выход), чем со всеобщим нивелирующим «демократическим» псевдо-равенством. По справедливому замечанию К. Победоносцева, равенство и одинаковость не тождество и не синонимы, и буржуазная «свобода самовыражения» имеет к творчеству весьма опосредованное отношение. Прилагая в процессе творчества избыточные усилия к решению сверхзадачи, личность трудится не только и не столько на себя (хотя и ради самоуважения), сколько на всех: в этом – смысл и избыточности, и исторической ответственности. Извращенный, вульгарный индивидуализм рвет связь личности с человечеством (циничная половица «пока работаешь за троих – трое пьют за тебя»), и творческое отношение к труду погибает, уступая место экономически оптимальному, а потому – особенно унизительному рабству. Так после перестройки выяснилось, что тирания доллара оказалась для «свободного творчества» гораздо опасней и беспощадней пресловутой советской «цензуры».

Искусство (а идея суперакции – всегда в возможности и необходимости превзойти существующее) в периоды ужесточения цензуры старается быть максимально выразительным. Выходит, автократы служат невольными катализаторами искусства. История

России знает, казалось бы, парадоксальные примеры, когда именно якобы «безлично-абстрактное» (но не безликое!) государство было ббльшим творцом, чем сами творцы-«мастера искусств». Красноречивый пример – достижения советского искусства и фатальная рыночно-голливудская деградация отечественной культуры, начиная с позорного периода перестроечной «чернухи» и до державной скрепно-патриотической заказухи наших дней. Разумеется, корень проблемы – именно в масштабе личности тех, кто стоял у кормила власти в те периоды. Потому и знаменитый сталинский вопрос «с кем вы, работники культуры?» не стоит понимать ни в угрожающем, ни в примитивно-определятельном смысле. Нам представляется, что смысл фразы Вождя народов в том, какую перспективу может обозначить для государства и для граждан советская творческая интеллигенция, способна ли воодушевить народ на лучшие свершения во имя общего исторического прогресса.

История свидетельствует: в памяти остаются, как правило, образы исторических личностей и событий. Значит, творит историю Личность, эти образы создающая. По П. Лаврову, общей идеи, коей была бы проникнута вся (от начала до конца) история какой-либо нации, не существует вовсе. Чем же тогда объяснить существование национальной специфики в культурах (и национальных культур), как не связующей ролью культуры – на основе идеи? Мы считаем, что национальная идея и национальная история начинаются с национального самосознания, как у человека – с момента самоидентификации.

Система координат (культура, этническая принадлежность) есть основа не только для самоопределения, но в первую голову – самоуважения. Вот отчего шовинизм всегда является симптомом нравственной нищеты. Подлинно духовно богатые люди не боятся делиться сокровищами сердца и мысли, ибо сами от этого не потеряют. Здоровый национализм способен окрасить иноземные заимствования в свои неповторимые тона, а вот убогая культура неизбежно будет ассимилирована более развитой. Значит, поощряемый государством бравурный охранительно-хабалистый шовинизм не может и не должен претендовать на роль национальной идеи (тем паче – идеологии). Щербатый оскал ура-патриотизма – всего лишь последняя и нелепая уловка для сокрытия нравственного банкротства, культурного вакуума. И вакуум сей неизбежно

будет заполнен, по умолчанию культура тоже распространяется по градиенту давления. Национальные различия прослеживаются только в культуре и искусстве; в невежестве все люди одинаковы.

Бытовой национализм (в форме предпочтения своего родного языка, кухни и этнически своих партнеров по браку) понятен и вполне имеет право на жизнь, но национализм как идеология и политический курс – самый верный курс на крушение страны. У народов, не имеющих собственного опыта построения государства, национализм обыкновенно выражается в инфантильном подражательстве наиболее эффективным (по мнению этно-демагогов) из уже существующих образцов государственности: «и будет у нас не хуже, чем у них». Итог подобной тактики – в гарантированной утрате той этнической самобытности, на которой сами демагоги настаивали. Парадокс заключен именно в том, что шовинизм, в конечном счете, приводит к псевдодемократическому уравнительству и стиранию индивидуальности – еще одно доказательство непродуктивности дуализма и альтернативного мышления без суперации.

Как у Владимира Святого не получилось объединить славянские племена под ретро-брендом нео-язычества, так ныне и присно опошленные концепции лишь разобщают их приверженцев, делая людей фанатично-агрессивными. Нужен тот же идеал, но в принципиально новой оболочке, которая красивее, а потому – морально выше прошлых идеологических конфликтов. Требуется то же, но незапятнанное, «с перламутровыми пуговицами». Так и образ будущего для людей, жаждущих исхода из нищеты и прозябания, не должен быть конкретным, иначе не избежать массовой миграции, передела собственности и роста преступности. Значит, пусть Небесный Иерусалим для праведников, но никак не Евро-союз для харамных беженцев!

ЗДОРОВЫЙ ПАРАДОКС ВНУТРЕННЕЙ ЭМИГРАЦИИ НА ФОНЕ ПЛЮС-ЛОГИКИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

ЗДОРОВЫЙ ПАРАДОКС ВНУТРЕННЕЙ
ЭМИГРАЦИИ НА ФОНЕ ПЛЮС-ЛОГИКИ
АЛЬТЕРНАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Как человек я могу иметь право,
но ввиду того что я больше, чем человек,
а именно – особенный Человек;
мне, как особенному, может быть, будет в этом отказано.

М. Штирнер

Странное зрелище: борьба свободного человека
с освободителями человечества.

А. Герцен

Рождаясь, каждый встает за своими предками в длинную очередь, существование которой и определяет связь поколений и формирует основы национальной культуры. Поэты и художники – вот те, кто, оберегая в себе оригинальность и индивидуальность (неразделимость, цельность личности), сохраняют культурную преемственность, создавая из нас грешных общность, человечество. Удел художников – величие (не свое – нации; любое величие ощущается со стороны), крест же чиновников – приличия, соблюдаемые во избежание дискредитации их власти. И если первым допустимо иногда нечто слишком человеческое (сколь многочисленны и популярны байки о безумстве гениев!) – возможно, как маленькое утешение за проклятие перфекционизма и муки творчества, то администраторы обязаны подавлять в себе непозволительные человеческие слабости, выдавая спесь за солидность. Там, где художник богатством своего внутреннего мира украшает мир внешний, чиновник окучивает кондовые столпы правопорядка убогим духовным содержимым. Функци-

онер оценивается по функциям, художник – по пройденному им Пути; не зря вопрос о творческих планах – самый банальный из всех задаваемых творческим личностям.

Обладатели синтетического мышления творят красоту (поэты, художники), пользователи аналитического мышления творят систему (ученые). За нежеланием иметь самостоятельное мышление становятся чиновниками, структурными элементами системы. Рычаги государственной системы имманентно безыскусны и двухпозиционны: централизация-децентрализация, деспотизм-охлократия. Т. н. совершенствование государственного управления есть не что иное, как ответ на развитие культуры, т. е. реализация в рамках властных полномочий более цивилизованной формы насилия. Градус насилия растет по нисходящей вертикали власти, и каждый вышестоящий вправе использовать власть с целью унижения нижестоящих, возвещая надлежащую волю подлежащим объектам управления. Отсюда – хамство, тирания и вообще – тирания хамства. Сознвая фактически околориминальную суть государства («отобрать и поделить»), древние славяне по преданию предпочли ограничить его функции сбором дани и военной защитой. И это не частный случай истории; по большому счету, государство изначально везде и всегда сосредоточивалось лишь на данных функциях. Бремя власти греховно и тяжело, и русские правители допетровской эпохи перед смертью принимали постриг, раскаивались в содеянном. Сие глубоко символично, гуманно и не нарушает преемственности в условиях единой для всех соотечественников веры.

Власть – это песочница, в которой даже бездарности могут слепить куличики: дворцов или тюрем – как получится. Государственное принуждение защищает народ от насилия и самосуда; власть берет на себя суровую необходимость карать и даже казнить. Но получить моральное право вершить людские судьбы может лишь тот, кто сам чист душой (как в песне о чекистах на слова Н. Доризо: «право на святую беспощадность вы любовью к людям обретали»). Постулат настолько универсален, что лежит и в основе пресловутого «воровского закона», который в принципиальной конфронтации с государственным официозом, но, как мы видим, ничуть не противоречит идее государства. Закон есть простейшее

(после физического насилия, «беспредела») средство сдерживания центробежных тенденций, поэтому детализация законодательства всегда сигнализирует о нравственном упадке общества. Как и всякий стандарт, закон (даже разрешительный) ограничивает по принципу «чтобы не стало хуже», он не предназначен для обозначения жизненной перспективы, т. к. юридическая ответственность преимущественно ретроспективна. Позволим проиллюстрировать приведенный тезис словами, которые великий Салтыков-Щедрин вкладывает в уста героя «Благонамеренных речей» Николая Батищева: «Не потому должен быть наказан преступник, что этого требует безопасность общества или величие закона, но потому, что об этом вопиет сама злая воля, служащая источником содеянного преступления. Она сама настаивает на необходимости наказания, ибо в противном случае она не совершила бы всего естественного круга, который обязана совершить».

Показать, как будет лучше – прерогатива искусства, творчества, но не порядка. Значит, законы и впрямь созданы если и не для того, чтобы их обходить, то уж точно для того, чтобы их превосходить. К примеру, моральные нормы всегда выше юридических. Удел последних – в формальном очерчивании круга внешних приличий, не более. В конце концов, нормативных исключений из морального императива может оказаться столько, что и само существование правила будет поставлено под вопрос – чем не опошление и инволюция? Увы, право не возвышает душу.

Всего два метода государственно-правового регулирования: попустительство и недопустительство (соответственно: диспозитивный и императивный), два типа политических лидеров, определенные еще Макиавелли. Фараон и жрец, два консула, король и папа, царь и патриарх, командир и комиссар, *воля* и *разум* – проявления имманентной двойственности власти. Дуализм есть родовое проклятие государственной формы организации общества, а власть как господство весьма незамысловата и потому – естественна, эволюционна (принцип «уступи хаму!»). Культурные (ограничивающие себя) индивиды создают властный вакуум (культура всегда уступает власти), неизбежно заполняемый теми, чьи усилия за скудостью творческого потенциала направлены исключительно вовне. Таким образом, господство всегда наглее там,

где больше индивидов, отгораживающих от нее пространство независимости и возможности самосовершенствования. Извечно русский сюжет: рост внутренней свободы за счет утраты внешней (максимилиано-волошинское «нам нужна не столько свобода политических действий, сколько свобода *от* политических действий»). Уходя от нормативных условностей, человек интеллигентный стремится к личной свободе в своем внутреннем мире, уже облагороженном его талантами. Причем интеллигентность следует понимать как сопричастность поиску идеала (по А. Платонову, «естественный интеллигент» – не обязательно лицо, отягощенное высшим образованием и интеллектуальными занятиями). Обрести душевную гармонию или найти родственную душу ценнее, чем проявить политлояльность. Так рождается феномен *внутренней эмиграции* – щедринское «непрерывное созерцание гармоний будущего и терпеливое перенесение бедствий настоящего». Может быть, широкий простор для нее в России оттого, что государственный произвол там по традиции был гармонизирован свободой частных комментариев и дискуссий.

Кстати, со стороны власти даже полезно поощрять подобные дискуссии. Это вовсе не стравливание противников, ибо диспутанты-теоретики сходятся в ключевых, базовых положениях религии или методологии. Возможно, в споре истина не рождается, но зачатие ее почти гарантировано. Стравливание же есть культивирование практически ориентированного антагонизма, маниакальное выкрикивание всяких «анти» для победы над конкурентом, а никак не ради общего прогресса. Поиски альтернативы никогда не будут продуктивными, ибо не способны воистину воспарить над проблемой, но отталкиваются от заданной противоположности. Когда антагонисты-прагматики совсем не понимают и не желают воспринимать друг друга, и каждый сектантски практикует свои ритуалы (к примеру, этноконфессиональные), альтернативное мышление действительно опасно смутой. М. Пришвин верно обозначил: прагматизм не теория действия; как можно действовать, зная наперед, например, что наше понятие о Боге имеет лишь рабочую ценность, и, сработав, отбрасывается в архив?

Путь к примирению пролегает за пределами альтернатив, он не в пошлой толерантности и уже тем более не в агрессивной по-

лемике. Когда мы слышим о какой-то идее, которую не принимаем – может быть, разумно предположить, что противоречия между нашими взглядами и идеей «оппонента» не столь уж велики? Что, если оппонент – не оппонент? Если попытаться оценить сказанное не с позиции абстрактно-логических безличных «размышлизмов», а с моральной точки зрения, может выясниться: «оппонент» намеревался высказать нечто хорошее, дельное. Но в силу разных ограничивающих его причин сказанул такое, что в услышанном виде нам претит. Почему бы вместо его переубеждения не попробовать вместе с ним попытаться приблизиться к истине? Не «нет», а «да, но...», – примерно так выглядит позиция интеллигентных людей, склонных многое понимать и принимать. Способность к эмпатии – отличный повод для эксплуатации интеллигента нахраписто-упёртым хамьём, ведь хаму достаточно лишь громче твердить одно и то же, дабы выиграть в споре. Чтобы не скатиться в скотство, поголовье хамов нужно методично сокращать, ликвидируя их путем просвещения (т. е. обучения + воспитания).

В России воспитание и образование всегда определялись религиозно-патриотической доминантой: спасти православную веру от нехристей, поднимать престиж молодой империи в глазах просвещенной Европы, нести в народ правду о земле и воле, доказать возможность построения социализма в отдельно взятой стране. И почти никогда просвещение не считалось средством достижения индивидуального материального успеха – не для того оно предназначено. В этой связи не вызывает сомнений, что пестуемый ныне состоятельный, успешный в бизнесе и среднеобученно-прилизанный средний (во всех отношениях) класс комплектуется массой посредственностей. Вот кого – купчиков, филистеров, деляг – призвано наплодить гражданское общество, принужденно совокупляясь с правовым государством! Жирную хамско-мещанскую прослойку, до поры снижающую трение классов угнетателей и угнетенных.

Мы уверены: только с внутренним усовершенствованием личности будут совершенствоваться и внешние, общественно-политические формы. В противном случае изменение формы правления станет не прогрессом, а переменной политических декораций. Борьба за внешние (политические) свободы отвлекает от внутреннего, нравственного совершенствования в условиях несвободы.

Русский исторический опыт внутренней эмиграции, как всегда, богат разного рода примерами, от высокой трагедии до фарса. В первом случае это жутковатый эскапизм массового добровольного самосожжения старообрядцев, не имевший аналогов в мировой истории. Во втором – *юрродство*: пожалуй, самый русский способ укрыть духовную независимость рогожкой притворства или даже симуляции душевной болезни.

Как писал М. Салтыков-Щедрин, характерной чертой русской бюрократии является ироничное отношение к самой себе. Причина этого, по нашему мнению, кроется в неверии чиновников в свою миссию. Подтверждение слов великого писателя, обреченного в России на вечную актуальность, мы найдем и в современном жириновском полит-юрродстве (как нельзя лучше отражающем амбивалентность социального бытия современной России, лишенной какого-либо идеологического или нравственного фундамента), и в плоских шутках высших представителей власти, коими те заменяют оргвыводы и настоящее решение насущных проблем.

В нашей национальной традиции принято иронично-снисходительно смотреть на власть предержажих, а к социальному активизму относиться с оттенком устало-презрительной обреченности. Видимо, от такого отношения в России не сформировались ни истинная веберовская «рациональная бюрократия», ни истовые блюстители законности. Понимая условность законов и виртуальность законности, представители власти массово проявляют оригинальный гуманизм – в форме коррупции. Русский вариант коррупции – это перверсия социального консенсуса, насмешка над лживой иерархичностью общества, где иерархия чинов не только не учитывает, но чаще всего противоречит нравственным достоинствам их обладателей.

Парадоксально, но неформальность взяточничества тоже является собой своеобразный элемент инволюционной компенсации отношений между чиновничеством и населением, в основе которых – сомнение чиновников в рациональности, справедливости и полезности реализуемой ими властной воли. Сознывая двусмысленность и лицемерность (а чаще – просто глупость) указаний свыше, бюрократы за вознаграждение склонны поступать более разумно. Отсюда и насмешка чинуш над собой, но особенно – над

начальством, эдакая фига в кармане представителей власти, втайне показываемая власти высшей. Таким образом, коррупция представляет собой низовое проявление социальной солидарности и самый примитивно (инстинктивно) осознаваемый на уровне обмена веществ гуманизм. Но примитивный – значит, наиболее жизнеспособный и самый живучий. И чем некультурнее верховная власть, тем пошлее осознание сплоченности, на уровне криминальной субкультуры и улично-пацанских понятий (типа «своих не бросаем»). Коррупционная инволюция подменяет высшую объединяющую общество идею прагматикой взаимовыгодного обмена и мотивации как стимулирования шкурного интереса.

Долготерпение русского народа происходит вовсе не оттого, что тот многие века пребывал в рабстве. Не отрицая факта дикости крепостного права и мерзости коррупции, отметим: у лично зависимых рабов сформировался бы пиетет к начальству. Ан нет: мы видим, что формальное подчинение не предполагает уважения. Наоборот, почти каждый подчиненный в России считает себя умнее и компетентнее начальника, что в большинстве случаев справедливо. Пресловутое русское долготерпение – не просто следствие внутренней эмиграции, но еще и (благодаря ей) бо́льшая резистентность к инволюции, кризисам экономическим и этноконфессиональным. Народ-богоносец способен вынести на этом пути серьезные лишения. Народ-приспособленец, озабоченный лишь бытовым комфортом, станет весьма неуживчивым и опасным, едва истощатся материальные ресурсы. Комфорт рождает предателей. Продажа собственной души и Родины за тридцать сребреников – вот куда, в конце концов, ведет идеал сытого довольства, – писал Е. Трубецкой. По замечанию М. Салтыкова-Щедрина, средний человек до болезненности чувствителен к тем благам, совокупность которых составляет жизненный комфорт. Но ведь именно в таких «средних человеках» нынешние адепты гражданского общества и видят средний класс как опору правового государства!

И коль скоро государство кровно заинтересовано в коллаборации с неким «гражданским обществом», то непременно будет развивать его в контексте реализации политических прав «средних людей», дабы, в конечном счете, те стали властным ресурсом.

И худшая, политически активная, часть их составила бы властный резерв (паретовская циркуляция элит как процесс гомогенизации фекалий, по закону физики всегда стремящихся всплыть наверх). Ни о каком нравственном воспитании и духовном совершенствовании в обозначенном формате отношений речи быть не может: с помощью гражданского активизма государственная машина лишь эгоистично продлевает гарантийный срок эксплуатации общества. Красноречивый аргумент – якобы демократические «выборы без выбора». «Выбор из...», между прочим, действительно не нужен; подлинно народная власть – не товар на рынке. «Выбор: идти или не идти на выборы» есть единственно верный и возможный вариант в данных условиях. Тем не менее, политтехнологи потешают гражданско-мещанскую прослойку иллюзией якобы участия в истории страны. Как тут не вспомнить благородных жуликов из рассказов О. Генри, увлекших «просвещенного агрария» (экс-фермера) архаичной игрой в скорлупку? В общем-то, кидалы-наперсточники тоже предлагают своим жертвам свободу выбрать, где спрячется шарик. «Пускай себе фермеры идут по пути прогресса и развлекаются высшей политикой», – подытоживает герой рассказа, мошенник-романтик Джефф Питерс.

Раз уж власть говорит о необходимости «построения гражданского общества», значит, она предполагает некий уровень «культуры политического участия» граждан. Но кто их построит, расставит в шеренги и колонны? Ответ один: сама же власть. Стало быть, вульгарный патернализм и холопская «коллаборация» в данном варианте неизбежны. Отсюда и грядущий социальный паразитизм, и расцвет потребительства и приспособленчества, а значит – инволюция в коррупционную «социальную солидарность». Другое дело творческое развитие исторически ответственных личностей. Чем больше их будет, тем меньше необходимость в административном регулировании чего-либо. Выходит, внутренняя эмиграция есть единственно нормальное (гармоничное) состояние творческого индивида и интеллигентного человека в отношениях с властью. Принятие исторически-временного характера власти и не-сотрудничество, ибо нельзя поклоняться несовершенству, не унизив себя, достоинства своего не потеряв. Следовательно, личные права человека соотносятся с политическими, как субъ-

активное и объективное, внутреннее и внешнее. И хотя грех видеть в этом очередную альтернативу, вполне понятно: приоритет внешнего обязательно обеднит внутреннее, духовное. Внутренняя эмиграция – нечто сродни граду Китежу, его нужно скрыть в себе, дабы не осквернить идеал напиральной извне пошлятиной. Именно внутренние эмигранты начинают заново строить мир, разрушенный революционными массами «до основанья, а затем...».

Государство есть не более чем средство достижения определенного уровня исторического развития. Когда средство отождествляет себя с целью, люди больше не видят пути. Они перестают чувствовать историческую перспективу, когда по милости государства упираются унылым взором в выстроенную властью глухую стену догм и запретов, за которой – ничего, край. И вот тогда встает вопрос о сносе стены, заслоняющей людям горизонт. Снова поиск альтернативы? Или, может быть, попытка возвыситься над стеной и вопреки социальной депрессии обозначить путь и перспективу развития?

В свете сказанного получается, что и борьба за права человека во многом определена дефективностью альтернативного мышления и необходимостью суперации. Первое поколение прав – ограждение личного пространства (для внутренней эмиграции) и признание ценности и достоинства личности. Второе – альтернатива первому (политические права и свобода торговли как предпосылки к моральному обнищанию). Третье – признание-таки коллективных прав, осознание человечества как целого, а творческого потенциала – как объединяющего начала.

«Сотрудничать с государством» – уже сама постановка вопроса неверна. Даже близорукие апологеты социального партнерства не в силах отрицать, что государство (в их системе координат) призвано обслуживать интересы и обеспечивать права членов гражданского общества. Значит, тех, кто «работает на государство», вполне можно уподобить незадачливым автолюбителям, предпочитающим ежечасно отмывать, протирать и всячески ублажать свою машину, вместо того чтобы ездить на ней по делам. Рано или поздно машина обязательно проржавеет (не говоря уже о функциональных, ходовых качествах), и ее придется менять. Значит, все усилия напрасны?

Жить ради блага машины – что может быть глупее? Трудиться же стоит во благо нации, человечества, своих близких, насколько широко и определенно это понимает каждый. И рабочему, и интеллигенту, и чиновнику – общее благо и общий путь, но не интересы государства и тем более – не мелкие эгоистичные интересы. А феномен «сапожника без сапог» (евангельский вариант: «Спасал других! Пусть теперь спасет Самого Себя!» (Лук. 23:35)) – не оттого ли, что истинный перфекционист, как человек несвободный в высшем смысле этого слова, задумывается о собственной пользе в последнюю очередь? Индивидуализм и коллективизм присущи людям испокон веков, причем уровень последнего тем ниже, чем выше материальный комфорт каждого. Индивидуалиста делает таковым алчность, желание собственности, поэтому в условиях сытой жизни крайне сложно привить людям живительные ростки соборности. Отсюда парадоксальная сложность жизни в мирное время, несмотря на многие трудности времени военного, когда, тем не менее, добро и зло обозначены и разграничены четче.

Давно известно, что совместно пережитые трудности объединяют гарантированно, и власть (как духовный «степлер со скрепами») зачастую искусственно скрепляет социальную солидарность путем создания этих трудностей. Но проблема в том, чтобы граждане в равной степени переживали их, включая и управленцев (снова вопрос самоотверженного служения представителей власти и их нравственного облика). Государство может само обострить противоречия, дабы потом «блестяще» их разрешать; такая игра затянет агонию аморальной власти, в том и заключен жалкий государственный менеджмент как создание и поддержание среды для потребления административных услуг. Альтернативная многопартийность и политконкуренция столь же искусственно созданы с целью поддержания жизни государства и самосохранения власти. Пока они есть, власть будет выступать и арбитром и гарантом общественного порядка. Но когда не станет многопартийной нестабильности, кому нужен гарант? Пресловутое «равенство возможностей», по сути, такой же фантом, как и «всеобщее равенство», «гражданское общество», «правовое государство». Значит, и бастард гражданского общества – государство социальное – хуже утопии; это еще один морок, мираж, обман чувств. Лживая мистификация вместо здоровой мистики.

Вспомним о суперации: есть третий вариант, стоящий над своим и общим и тем способный их примирить. Это перфекционизм, личное стремление к надличностному совершенству. К слову, государству перфекционисты выгодны еще и потому, что редко интересуются политикой (слишком грязна!) и, соответственно, не склонны к компромиссам. Да, эти люди всегда недовольны, но недовольны собой, тогда как вечная угроза власти – недовольные ею и зависящие от нее потребители «государственных услуг». Прав М. Пришвин: «Понятие “Мы” обмельчало. В споре маленьких “я”, составляющих обывательское “мы”, есть особо острое “я” – стремление во что бы то ни стало свободным. На этой почве вырастает с одной стороны “Я” Каиново – хозяйственный индивидуализм, а другой – “Я” разбойничье, хулиганское».

В душевной казарме государства внутренним эмигрантам требуется лишь возможность кухонных дискуссий. Согласимся со славянофилами, утверждавшими, что подобная свобода мнений долго удерживала самодержавие в пределах приличий, а страну – в рамках политической стабильности. Удивительно, но нарушителем спокойствия чаще становилась вовсе не интеллигенция, а сам политический режим, затевавший очередные реформы в русле парадигмы альтернативного мышления. Полагая, будто именно так мыслит оппозиция, власть старалась упредить активность оппозиционеров, реализуя преобразования во имя недопущения революции – производя «революцию сверху». И поныне многие «корифеи» общественной мысли с трудом обозначают социальную роль гражданского общества. То ли оно должно содействовать власти на партнерской основе, но сие невозможно хотя бы в силу того, что государственная власть публична, и, стало быть, не обязана и не вправе быть на равных с обществом – в этом случае обесмысливается сама идея государства. То ли гражданское общество должно быть противовесом, альтернативой власти, но ради чего тогда государству становиться правовым? Мы говорим «антинародное государство» – и получаем антагонизм, в альтернативном же варианте «народное государство» – имеем размытый конгломерат идеологем, далеких от реальности. Публичность (выделенность, отделенность от народных масс) всегда будет структурообразующим признаком государственной власти, но не обязательно в пику обществу – «анти».

Сила власти в ее концентрации, жизнеспособность общества – в его сплоченности. Значит, настаивать на разделении властей означает разлагать единство, деформировать социальную гармонию «сверху». Власть потому и властвует, что сама разделяет, но если разделять ее, то кому властвовать? Тем не менее, обшарпанный тезис о разделении властей нуждается в переосмыслении, ведь делить можно не только по функциональному (законодательная, исполнительная, судебная), но и по сущностному признаку (материальная и духовная). Духовная составляет моральный авторитет власти, материальная обеспечивает функционирование. И когда возникнет дисбаланс в материальную сторону (он чаще всего и возникает), и представители власти отождествятся с функционерами, сие будет означать ее кризис и сомнения в легитимности подобных представителей.

Простейшая классификация форм правления в современном мире показывает как «ограниченность ассортимента», так и принципиальную неважность выбора формы (а равно и неисчерпаемость каждой из форм) для реализации идеалов. И поелику все дороги ведут к Храму, высший смысл государственного управления (в любой его форме) сводится к минимизации насилия и воспитанию нравственности. На Западе обыкновенно форма прикрывает непритязательное содержимое (феномен массовой культуры), в России идейное содержание облагораживает даже самые архаичные формы (Советская Россия в первые свои годы по механизмам реализации власти отдаленно напоминала раннефеодальную монархию). Содержание (смысл) ни с кем не желает конфликтовать и спорить: «не нарушать пришел я, но исполнить» (Мф. 5:17). Внешние же формы красоты, добра и истины весьма противоречивы, вот эти противоречия и призвана превзойти гармония. Не потому ли мы говорим о гармонии применительно к формам, что «гармонии содержаний» просто не может быть? Содержание тотально, лишено альтернативы и приоритетно по отношению к форме.

Как видим, альтернативное мышление ущербно и агрессивно именно тем, что выполняет компенсаторную функцию, отталкиваясь от противоположности. У человека два глаза, но только умственно недалекий рискнет утверждать, что левый глаз аль-

тернативен правому. Назначение бинокулярного зрения – сформировать целостное представление, а фронтально расположенные зрительные анализаторы позволяют еще и определить перспективу, расстояние до предмета. Проектно-мыслящие подобны одноклазым: если и видят цель, то не чувствуют перспективы. А альтернативно-мыслящих вполне можно уподобить косоглазым – эти любой предмет способны обозревать или одним глазом (второй не видит – амблиопия) или двоично-искаженно. Дуалистическое, альтернативное мышление и проявляется столь же дуально: апогей как слоёная шизо-амбивалентность противоположных идей и чувств, перигей – в одномерной плоскости юмора шоу-унтерменшей от КВНа.

Хороший юмор – в своем роде интеллектуальная микро-революция, дискредитирующая старые ценности, после чего стоит всерьез задуматься о создании новых. В противном случае это тупое зубоскальство, стеб. Но любое высмеивание, даже утонченное, ситуативно и симптоматично, на нем не возвести гармоничную мировоззренческую конструкцию (смех это не свобода, а освобождение, заметил С. Аверинцев). Истинная гармония – не просто оптимальный математический баланс альтернатив, но плюс еще нечто (суперация), благодаря которому гармония переходит в новое качество и обретает известный потенциал развития. Гармонизация в застывшей форме продукта, результата – смертоносна, посему ее лучше воспринимать как процесс поиска, как Путь.

Вероятно, многие циклические тенденции в истории во многом детерминированы антивластным (но не обязательно антигосударственным) способом мышления. Любопытно: безвременье ментальной стагнации, как правило, приходится на периоды торжества державной «стабильности», где власть воплощает и навязывает мещанские ценности потребительства и потребления общественного порядка. А ведь потребительство и культивировать не требуется, благо то само разрастается как сорняк. Беспозвоночные выживут при любой власти (отсутствие стержня – идеологического), но вот будут ли они развиваться?

В пушкинском «душа ждала... кого-нибудь» содержится на редкость меткая характеристика того, как безнадежное прозябание рождает тягу к идеализации – чего угодно, что подвернется. Или

кого угодно: так миру являются еретики, бунтари-революционеры или самая вульгарная их ипостась – оппозиционеры. Заметим, протест (как отрицание чего-то существующего), можно сказать, естественен. Но во имя созидания нужно превзойти существующее, необходимо творчество. И если оппозиция логична и потому примитивно-альтернативна существующему порядку вещей, то революция и внутренняя эмиграция представляют собой формы суперации, причем второй вариант ценен тем, что принципиально исключает насилие и реакцию – откат общества к исходной точке, откуда развитие начнется заново.

Интересно: эпохи масштабных (и неоднозначно воспринимаемых) войн рождали странное пацифистски-наивное противодействие внутренних эмигрантов. Крестовые походы – Франциска Ассизского; исламская экспансия – суфиев; вьетнамская война – хиппи. Но возможен ли, к примеру, нео-хиппизм как реакция на ура-патриотический обскурантизм в современной России? Выходит, актуальность внутренней эмиграции есть своего рода показатель запаса прочности страны и здоровья нации. И горе той стране, где интеллигенция наконец-то решится претворить кухонно-диванные грезы в жизнь!

ПОЗЕРСТВО ОППОЗИЦИОНЕРОВ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРТОДОКСИЯ

И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРТОДОКСИЯ
ПОЗЕРСТВО ОППОЗИЦИОНЕРОВ

Если бы мне предложили в одной руке свободу, а в другой –
стремление к свободе, я выбрал бы последнее.

Г. Ибсен

Чтобы бороться против бюрократического приказного строя,
освободительное движение должно противопоставить ему
не общие интересы, а какое-нибудь другое объединяющее начало.

Е. Трубецкой

 России, наверно, никогда не было оппозиции в западном смысле этого слова – т. е. той, что сама рвалась бы к власти. Русские критики режима это преимущественно теоретики-интеллигенты, духовные лидеры (еще со времен нестяжателей), у которых идейная убежденность и нравственный максимализм соседствуют с изумительной наивностью (хотя, возможно, политическая наивность в крови всех нравственных людей, а потому органически связана с порядочностью). Множество таких романтиков стремилось усовершенствовать уже сложившуюся, существующую на тот момент политическую систему. Приведенный нами тезис подтверждает мысль М. Волошина: «бороться с монархией интеллигенция могла только в ограде крепких стен, построенных самодержавием. Строить стены и восстанавливать их она не умела: она готовилась только к тому, чтобы их расписывать и украшать».

В лучших традициях альтернативного мышления, отношение к т. н. оппозиции в России определяется отношением к правящему режиму. Любой исторгнутый властью подпитывается народным сочувствием и, соответственно, получает шанс питать народный инстинкт протеста. Так было с патриархом Никоном, коему народ

простил и раскол и жестокость, сочинив легенду, будто опальный патриарх благословил дело Степана Разина. Той же почти бессознательной бабьей жалостью объясним современный «феномен Немцова» и прочих чинуш-олигархов-кремлиардеров, отлученных от властного кормила и бюджетной кормушки. Таковы нынешние «оппозиционеры» отечественного пошиба – «страдальцы и печальники» за дело демократии, правового государства, либеральной экономики – любой абстракции, только не своего народа. Реальные люди – вот что мешает им быть гуманистами.

Оппозиционер и революционер в России суть принципиально разные социально-исторические типы. Оппозиционер здесь не тот, кто хочет прийти к власти, а кто когда-то бывал подле власти. Именно поэтому оппозиционная риторика в России всегда конкретна и ретроспективна («вот при мне такого бардака не было!»), следовательно – ущербна. Оппозиционеры не способны что-либо поменять и просто отработывают деньги тех, кто заказывает в России какофонию «управляемого хаоса». Наоборот, революционеры мыслят перспективно, им нет дела до разочарований и потому (снова парадокс!) революционеры в России – настоящие, подлинные ортодоксы и консерваторы. Говорят, хотите заполучить смертного врага – просто послушайте в исполнении друга анекдот, а потом расскажите его по-своему. Так и с революционерами: они не против власти и государства, но утверждают, что правящая верхушка и прогнившая система никуда не годятся, зато их партия знает, как лучше, и может реализовать тот же идеал, только более чистыми руками. Становится понятным, отчего в николаевские времена, например, республиканцев-западников самодержавие считало менее опасными вольнодумцами, нежели монархистов-славянофилов.

Революционная пропаганда сродни ереси, а та намного страшнее примитива оппозиционной альтернативы. Оппозиция – рациональная антитеза власти, ересь – иррациональная попытка воскресить нравственный эталон. Убедительность ереси пропорциональна соответствию ее базовых положений действующему стандарту. Большинство ересей предполагают «отход к корням», т. е. отрицание власти, извратившей изначально признаваемый обществом идеал (скажем, идея соборности и крестьянского социализма в России и грамотное использование ее большевиками

в противовес царскому правительству, стремившемуся в период своей агонии разрушить крестьянскую общину). Победа ереси в общем смысле слова обеспечивает преемственность идеала (но не конкретной власти, разумеется) в наименее травматичном варианте развития – без перемены веры (как протестантизм, например). Вот почему революции имплицитно консервативны; они неизбежно знаменуют собой некий откат в прошлое, к исторически проверенным общественным формам, ибо гармонию (особенно социальную) в каждом конкретном случае приходится выстраивать с нуля. Вспомним диктатуру пролетариата: тут и трудовая повинность военного коммунизма, напоминающая азиатский способ производства, и даже своеобразный неофеодализм с привилегиями, основанными на учете классового происхождения (почти аналогичного сословной принадлежности).

Соответственно, драматизм революции определяется скорее не величиной дисбаланса производительных сил и производственных отношений, а тем, насколько радикально-еретически будут настроены носители революционной идеологии. Иногда культуру обрезают под самый корень, возвращаясь к совершенно диким временам и обычаям. Радикал (от лат. *radix* – корень) производит травматическую обрезку веток технологии на древе культуры, чтобы то росло и цвело пышнее и разнообразнее. Нет обрезки – и от культуры останется голый ствол основных инстинктов, увитый сорняками фрейдистских комплексов.

Как правило, серьезные социальные потрясения происходят в те эпохи, когда технологический расцвет неизбежно и остро контрастирует с упадком нравов. Кризис духовного оскудения разрешался кровавыми жертвоприношениями на алтарях революций, ибо где на одном полюсе цинизм, на другом – суеверия и предрассудки. Так было в 1793 г. во Франции (в эпоху Просвещения, торжества рационализма точных наук), в 1848 г. в Европе (расцвет социальной статистики и механики), в 1881 и 1905 гг. в России (приоритет естественных наук над гуманитарными). А пожирает собственных детей революция именно потому, что лучшие ее представители – идеалисты-идеологи – пытаются остановить ими же вызванных всадников революционного Апокалипсиса и погибают в неравной борьбе с энтропией, уничтожаются в ходе «практической реализации» ими же задуманных планов.

Рыба гниет с головы, и первые мысли о перевороте посещают умы т. н. элиты. Это и декабристы (трагедия), и упитанный новорусский «креативный класс» – болотные декабристы декабря 2011 г. (фарс), выступавшие в периоды «междоцарствия». Попробуем в этой связи развить бессмертный ленинский тезис о трех этапах освободительного движения. По нашему мнению, брожение мыслей неизменно начинается с верхов: там есть время подумать о вечном (аристократическая праздность располагает к рефлексии и умствованиям) и осознать глубину нравственного падения правящей верхушки (т. е. представителей своего сословия, что особенно горько и обидно). Однако это локальный протест. Отвращение к аморальности, как правило, дополняется идеалистически-утопичной программой действий («страшно далеки они от народа»). Занятие революцией – своеобразное рискованное хобби элиты, облагороженное тем, что лучшие его представители воспитаны в духе исторической ответственности, а посему увлечение вольнодумством совершенно бескорыстно и не приносит ничего кроме опасностей. Революция для аристократов дело неблагодарное, т. к. отрицает их самих. Заговорщики-аристократы – пророки революции.

Второй этап (условно «разночинский») обусловлен проникновением просвещения в средние слои населения. Разночинцы фрустрированы невозможностью сравниться в социальном статусе с аристократами, притом что уровень образования разночинцев на тот момент едва ли не превосходит просвещенность элиты, массово погрязшей в пороках. Конфликт разрешается более драматично: приспособленцы-разночинцы делают карьеру и идут вверх (способствуя быстрейшему закрытию класса элиты), непрактичные разночинцы идут вниз, практикуя просвещение угнетенного населения. В просветителях много творческой самоотверженности. Если дворяне-революционеры несколько эгоцентрично видят в революции свою сословную миссию (кто, если не мы, рожденные править?), для разночинцев революция – в служении идеалу народа (а не идеалу Отечества, как у дворян). Образ конкретизируется. Разночинцы – апостолы и мученики революции.

Третий этап (массовый, «пролетарский») связан с распространением знаний (и агитаторов) в беднейших массах. Подобно яркому лучу, свет науки пугающе ослепляет и дезориентирует многих, привыкших жить в темноте. Отсюда агрессия масс (усугубленная

бессознательностью толпы), легкая увлекаемость и восприимчивость народа к радикальным лозунгам. Толпа неуправляема, ее можно лишь направлять – вот для чего необходима диктатура революционно-прогрессивного класса, гегемона. Протест против государства рождает господство еще более насильственное – не для того чтобы покончить с контрреволюцией (с ней расправилась бы и толпа), но дабы обезопасить народ от себя самого, пребывающего в консистенции озверевшего охлоса. Государство низвергается в хаос, из которого восстает новое – победившего класса, смертью смерть поправ. Властные институты вновь упорядочивают социальную организацию. По сути, диктатура являет собой радикальную форму преемственности власти, фактически свергнутой, но на уровне идеи не отвергнутой теоретиками революции.

Что же до масс, у каждого конкретного их представителя революция связана с реализацией своего жизненного интереса (жить лучше, свободнее, богаче). Соответственно, масса остановится, как только простейшие потребности (пища, безопасность) будут удовлетворены. Массы – движущая сила революции, но с громадным потенциалом инерции, их энергия должна быть направляема чьей-то рукой (партия, вождь, мессия). По словам Монтескье, народ либо слишком, либо недостаточно деятелен: иногда сотней тысяч рук он всё опрокидывает, а иногда сотней тысяч ног он движется как насекомое. Если и можно рассуждать о массовом сознании, придется признать за ним исключительно мифологический характер: легендой становятся именно в массовом сознании. Управление массами состоит в направлении стихийного движения в нужное вождю русло. Без стихии нет и вождей. Сама по себе масса способна лишь на инволюцию, опрощение и разрушение. Показательно, что и после победы именно массы порождают и терпят новых управленцев, дискредитирующих достижения революции. Как говорил Бисмарк, революцию задумывают гении, осуществляют герои, а пользуются ее плодами проходимцы. Круг замыкается: власть обновляется, когда правящий класс начинает видеть в идее государства источник и ресурс удовлетворения своих эгоистических потребностей вместо Служения. Снова опошление идеала.

Таким образом, на первом этапе революционеры борются с государством и формируют его концептуальную модель; они не склонны привлекать к высоким материям народ (сказывается их

сословный эгоизм). На втором – борьба со сложившимися общественными отношениями; разночинцы пытаются создать новый формат социальных интеракций. На третьем – борьба с моральным фундаментом общества и государства (новая вера, новая мифология и психология). Три этапа, с внешней стороны вольнодумство – миссионерство – массовый бунт; с внутренней (субъективной): сознание – чувство – инстинкт.

Коль скоро мы упомянули об инстинктах, удивительно, но идеальный и потому опаснейший носитель вируса революции – женщина. Биологически она воплощает мечты о стабильности и преемственности (в самом обывательском, семейно-потомственном смысле). Женщин труднее заразить идеями, распропагандировать. Но когда в массовое радикальное движение вступают женщины, это показатель необратимости революционного процесса. Никто не станет жертвовать стабильностью и возможностью вырастить потомство ради забавы. Значит, по-старому жить уже совершенно невыносимо. Словами М. Пришвина, «революция – это месть за мечту» – мечту о достойной жизни, отнятую у людей зарвавшейся властью.

Анализируя три этапа революционного движения, мы не склонны соотносить их лишь с отечественной историей. Так уж вышло, что универсальные законы инволюции идеалов острее всего проявились в России – стране, где много сотен лет было особые отношения к святыням, и благодаря этому зачастую сакральный принцип власти вырождался или сознательно подменялся непогрешимостью персоны правителя. Фатальная ошибка русского сознания в том, что всё провозглашенное священным – прекрасно. Русские не всегда чувствуют разницу между абстрактно-философской концепцией и вечно живым идеалом, склонны абсолютизировать доктрины и трепетать перед ними. Наша национальная болезнь – в предрасположенности к сакрализации, в обожествлении средств. Это приводит к снижению критики (как всякая любовь, слепая по определению), а после неизбежного разочарования – к покаянному глумлению, осмеянию и ниспровержению «неправильной» теории.

Характернейшую черту русской общественной мысли составляет идеалистический максимализм, а т. н. скифство, русский дух, духовный максимализм принципиально отвергает какую бы то

ни было трезвость жизни. Русские – фатально влюбчивый народ; наше сознание настолько пронизано религиозным чувством прекрасного, что быстро позволяет себя влюбить даже утилитарным идеям (рыночная экономика, разделение властей), а потом расплачивается за это, находясь под их гнетом и перфекционистски доводя их до абсурдного абсолюта. По пророчеству протопопы Аввакума, «выпросил у Бога светлую Россию сатана – да очервленит ее кровью мученической. Добро ты, Дьявол, выдумал – и нам то любо: ради Христа страданьем пострадати».

Вспомнив о мучениках, коснемся и темы террора, представляющего собой, как мы считаем, крайнюю форму демонстративно-насильственного отстаивания устаревшего содержимого (догмы) в условиях исчерпанности содержания. В частности, опричные казни и яacobинский террор суть свидетельства упадка нравственной силы закона и власти. Исчерпанные старые формы не в состоянии ни сцементировать общество, ни даже оправдать сам террор. В первую очередь это касается террора, инициированного государством, в меньшей степени – террора революционного. И всё же самая мысль о том, что физическое устранение одиозного чиновника – это Поступок, уже сам поступок опошляет. Многие террористы почитали наказание за содеянное мученичеством, но сие есть вопрос весьма спорный, поскольку мученичество всегда «за» идею, террор же – «против» конкретного проявления чего-либо или против конкретной персоны. Террор непременно «анти», но вот во имя чего – не всегда понятно. По большому счету, террористы – скорее мученики своего альтернативного мышления, чем собственно революции. Не отрицая самопожертвования и героизма многих из них, приведем, однако, весьма точную оценку, данную им славянофилом И. Аксаковым: «террористы – люди самого жидкого смысла, но крепкого духа».

Парадокс: в деле революции главный провокатор и террорист вовсе не агитаторы, а само государство. Поясним нашу мысль. Если вехи развития освободительного движения определяются социально-сословными критериями, то свершается революция обыкновенно там, где сословные границы размыты. Причем инициатором такого размытия (деклассирования) является власть, осуществляя очередные реформы в целях якобы демократизации. Если народ – государь, народ – правительство, тогда нет народа, утверждал

К. Аксаков. Разночинцы осознают несправедливость своей участи в сравнении с сытыми аристократами, аристократы унижены сравнением с разночинцами, а в низах общества царит невыносимая давка от желания взмыть вверх на временно открытом лифте быстрой карьеры. Механистическое понимание социальной мобильности способно уничтожить последние признаки оседлости: как заметил Пришвин, «все стали проходимцами». Деклассированные элементы – лучший запал для массового этапа революции.

Даже при единстве и общности идеала выражения его и пути к нему в разных слоях общества могут различаться, это и формирует сословные культуры (рабочая честь, честь дворянская и спесь нищего – три большие разницы, как сказали бы в Одессе). Реформируя общество по лекалам вульгарной демократии, незадачливая власть способствует механическому смешению культур, а подмена растворителя (припомним паретовские резидуи и дериваты) неизбежно вызывает мутную опалесценцию – деклассированных, не нашедших применения, не принявших миссию. По словам Ф. Ницше, наиболее безнравственен не человек без идеала, а тот, кто не может найти пути к нему. Как видим, упорядоченность и стратификация жизненно необходимы для обеспечения стабильности государства.

Следовательно, дееспособность политического режима обеспечивается не столько циркуляцией элит, сколько его нравственным наполнением, даруемым исключительно интеллигенцией. Вместе с тем, хождение во власть интеллигентов или представителей других страт лишь ускоряет процесс деклассирования, деморализации и инволюции государства. Старый (сословный, классовый) идеологический курс для обновленно-деклассированного населения и является собой тот когнитивный диссонанс, который Ленин запечатлел в знаменитой формуле «верхи не могут, а низы не хотят».

Власть обязана стремиться к самоконцентрации, в этом ее природа – преодолеть и превзойти изначально заложенную в ней двойственность. Всякий раз, когда концентрация власти разбавляется инородными включениями «из народа», потревоженное общество проявляет недовольство правящей верхушкой, ведь, с одной стороны, государство оберегает народ от проблем, а с другой – создает проблемы, да еще и призывает население решить их! Очередной парадокс: общественное участие в политике усиливает неприятие официального политического курса и тем самым подготавливает

революцию. По нашему убеждению, первый акт революции – не расстрел веры в царя (это трагичная, кровавая прелюдия), а ситуация, когда автократия вспоминает о Генеральных штатах или формирует Государственную Думу. Власть сама приближает гибель, вместо того чтобы облагородить себя своими же силами и средствами: прислушиваясь к совести нации (интеллигенция) и ни в коем случае не впитывая в свои ряды маргиналов – любителей покататься туда-сюда на социальных лифтах. Это во многом проясняет идею важности внутриведомственного контроля и своевременных партийных чисток в недрах госаппарата. Регулярная гигиена и профилактика лучше оперативного вмешательства революции, а иногда позволяет вообще его избежать.

Итак, нами установлено, что социальная эволюция невозможна, революция же – не всегда обязательна и предопределена. Будь по-другому, революции не детерминировались бы некоей ситуацией, три (снова триада!) признака которой гениально определены Лениным. Иными словами, залог успеха революции – в возможности воспользоваться конкретной ситуацией, когда правящий режим особенно уязвим и слаб. Вот откуда ленинское определение России как «слабого звена в цепи империализма» и историческая фраза «промедление смерти подобно». Действительно, революции нужен повод, в противном случае потребуются дожидаться следующего. Еще один парадокс революции заключен в том, что, рождаемая накоплением многолетних противоречий, та зависит от конкретной ситуации, когда социальные коллизии подходят к роковой черте.

Революция с большей вероятностью происходит не там, где оформились классы и сословия (любое конституирование есть основа порядка), а там, где острее всего нравственные противоречия между официально декларируемыми ценностями и убогими реалиями. В 1905 и 1917 гг. она потрясла Россию, где не было ни хрестоматийного пролетариата, ни классической буржуазии в их школьно-классовом понимании. Вне ясных идеологических установок угнетенные и угнетатели инстинктивно ищут нравственную опору и в отчаянии примеряют на себя личины классов-антагонистов – хотя бы потому, что основное противоречие здесь очевиднее и проще – экономическое, а бедные всегда ненавидели богатых. Тот же факт, что не во всех странах это нравственное про-

тиворечие дошло до антагонизма, объясняет, в частности, крах надежд большевиков на триумф мировой революции в 1917–1920 гг. – и подтверждает наш тезис о важности идеологического обеспечения как стратификации, так и государственной власти.

Отчуждение народа России от власти происходит главным образом оттого, что моральные ориентиры насаждаются безнравственной властью, в то время как большинство населения живет (точнее, выживает) по другим, архаичным канонам (типичный пример – европеизация времен Петра Великого). В XXI в. все этапы протестного процесса спрессованы в несколько десятилетий. И коль скоро в 2011 г. мы сподобились наблюдать трагикомичный креативно-«дворянский» этап болотного брожения, можно констатировать: да, и эти гламурные «революционеры» «страшно далеки от народа», но где сейчас российский народ и что он вообще такое? Наверно, в этом фарсе второй акт будет «разночинский» (офисно-планктонный), а третий, массовый – люмпен-пролетарский (обманутые дольщики, ипотечники и продажники, официанты и проч.). Режим политических карликов против толп недовольных офисных пигмеев – до чего же всё измельчал!

Не рискуем пророчествовать (парадоксально, но пророки в нынешнем отечестве как никогда востребованы: еще один извращенный тренд и показатель запредельного зазеркалья в стране). На наш взгляд, невозможность революции в современной России проистекает не столько от сознательного деклассирования ее населения, сколько от тотального отсутствия внятных моральных ориентиров, причем абсолютно у всех категорий населения, от наворовавших чинуш до желающих достичь их уровня жизни мещан. Уровень жизни – неплохой фетиш (как во время оно Золотой телец), но ему не достичь статуса идеологии, религии или образа будущего. За что сейчас бороться? – Только мстить, грабить и уничтожать богатых. Бунт – не революция, а жест отчаяния и, как итог – очередной (непрененно криминальный) передел собственности. Революция не предопределяет прогресса без суперации классового антагонизма. Победивший класс может установить альтернативную диктатуру, намного деспотичнее и грубее свергнутой им власти. Но в революции есть хотя бы надежда на возможность превзойти антагонизм. Хуже, когда бунт без революции породит кошмар гражданской войны.

ПРОГРЕСС КАК СУПЕРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА
ПРОГРЕСС КАК СУПЕРАЦИЯ

Идеалистический материализм (большевиков)
оказался во сто крат выше и труднее
материалистического идеализма (церкви).
И. Эренбург

Из общественных явлений лишь экономические нашли
свою меру в стоимости. Лишь то, что оценимо, может
быть равноценно, а где невозможно оценить равенство,
там договор всегда фиктивен и несправедлив.
П. Лавров

Икличность времени можно попробовать уничтожить
(с помощью революции), но нельзя скорректировать.
Трагедия народа, пережившего революцию и граждан-
скую войну – в возможном обрушении нравственной опоры из-за
отсутствия жизненной перспективы. Людям приходится ежечас-
но думать о физиологическом выживании, а это самый постылый
способ существования, он не предполагает развития. Жесткие ус-
ловия требуют жертв: пассионариев и мучеников, способных за-
полнить моральный вакуум, возникший в период смут.

Наоборот, там, где уже не надо заботиться о физиологическом
выживании, появляется искушение поэкспериментировать с мо-
ральными стандартами. Как у Ницше: «я счастлив, теперь мила
мне всякая судьба. Кому охота стать судьбой моею?». Идеологи-
ческий плюрализм воспринимается в таких обществах как допус-
тимая экзотика, но может стать потенциально опасным вплоть
до атомизации социума, когда вместо идеалов подсовываются
мещанские идейки (как в СССР времен перестройки), а идеолога-
ми становятся безыдейные маргиналы. Кстати, вопреки плоской

либеральной критике, особую роль личности в истории признает именно тоталитарная власть, ибо стремится персонифицировать себя, а остальных обезличить: нет человека – нет проблемы.

Может быть, точкой «примирения» марксистского и гумилевского взглядов на роль личности в истории может стать позиционирование пассионария носителем идеалов, способных изменить общество. Закономерность появления такого носителя подтверждается объективным существованием идеалов, а случайность заключена в субъективном восприятии идеалов конкретным их носителем. Л. Гумилев выделяет пассионариев и субпассионариев. Мы же склонны фигурально говорить о «художниках» и «дилетантах». Художник – фигура трагическая; он несвободен, тотально зависим от своего таланта и несет крест искусства как дар людям и проклятие себе. Это своего рода фатум, любовь-ненависть. Дилетант – персонаж скорее героический, искренне любит искусство, от общения с которым получает исключительно наслаждение. Да, возможно, он не способен воспарить до высот искусства, но его миссия – растрачивать свою любовь к нему. Дилетанты – лучшие миссионеры и просветители, в этом их счастье и предназначение. Апостолы не равны Христу, но без апостолов не было бы христианства.

Таким образом, если признать двигателем прогресса творческий потенциал человека, а значит (выражаясь физиологичнее) – высшую нервную деятельность, т. н. «вторую сигнальную систему» – то некоторые аспекты социального развития вполне ассоциируются с законами естественнонаучных дисциплин, изучающих качественные преобразования: химии, медицины (но в первую очередь – психиатрии). В конце концов, старые алхимические трактаты больше посвящены не столько преобразованиям элементов, сколько трансформации личности самого алхимика. Богословы и эзотерики упомянули бы о душе, и в данном контексте ученые вряд ли станут с ними спорить. Стадии компенсации и декомпенсации, окислители (чиновники) и восстановители (интеллигенция), уравнения электронного баланса – всё упомянутое весьма напоминает паллиативно-неточные формулы обретения динамического равновесия (или социальной гармонии).

Приведем образные аналогии. Закон Рибо (при прогрессирующей потере памяти менее всего подвержены амнезии детские

воспоминания): чем острее культурный или нравственный шок, тем сильнее люди цепляются за архаику, находя в ней утешение, а главное – самоидентичность и возможность себя уважать (устряловское «архаизация – это потуги “обновиться стариной”»). Так историческая амнезия возрождает хорошо забытые старые модели социальных отношений. У каждого человека есть свое «пространство мифа» – его детство. Оно неприкосновенно, впечатления и воспоминания детства и образуют моральный стержень, поддерживающий нас в трудные периоды и не дающий сломаться окончательно. Сказанное иллюстрирует и закон природы: чем выше развито существо, тем дольше его детство.

То же с историей – детством народов. Исторический прогресс есть попытка вернуть детство, идеализированное в воспоминаниях. Нет детства – нет истории, потому у поработанных народов колонизаторы стараются стереть историческую память. Ностальгируя, одни пытаются вернуть настроение, утраченное ощущение гармонии, другие проще – обставляют свой быт ретро-игрушками и приметам прошлого, симулируя традицию. Последний случай впадения в детство – признак исторической деменции и деградации власти и общества.

С воспоминаниями практически невозможно бороться, оттого столь сильны ретроградные тенденции в случаях, когда новые моральные стандарты по каким-то критериям противоречат устоявшимся традициям. По той же причине ради достижения общественного блага возможны прогрессивные преобразования, осуществляемые условно регрессивными методами и ориентирующиеся на укоренившийся в коллективном сознании моральный архетип.

Получается, реформы являют собой более или менее деликатную подмену растворителя (тезиса), разбавляющего установленные взгляды и традиции (стандарты). Резкая подмена растворителя расслаивает раствор и ведет к опалесценции (смута) или выпадению осадка (эмиграция, в т. ч. внутренняя). Более того, в полном соответствии с правилом Б. Дерягина (физколлоидная химия, технология лекарственных форм), оптимальным будет «растворение» идеологии в интеллектуальном меньшинстве для последующей гомогенизации ее в массах. Приведенные нами доводы органично дополняют и углубляют остроумную догадку

В. Парето о химизме социального (резидуи и дериваты). При этом мы считаем, что коллективные эмоции не могут (вопреки Парето) быть основой построения развитого общества, ибо в большинстве своем поверхностны, грубы и примитивны (страх, агрессия). Народная память, а вместе с ней и народ исчезает, когда своя история, бывшее величие народа, начинает тяготить. Это или от чрезмерной сытости, или от перманентной угнетенности и беспросветности.

Проанализируем аналогию с законом обратной индукции (из коего Б. Поршнев выводит свои понятия суггестии и контрсуггестии): в мозге вокруг источника доминантного возбуждения формируется «вал торможения». В социальной практике это воплощается в феномене подвижничества, массового героизма – необходимости жертвовать личными интересами или материальными благами во имя всеобщего блага. Такая мобилизация людского потенциала (но не мотивация человеческого ресурса, как выражаются менеджеры) проявила себя и в формировании ополчения в период Смутного времени, и в партизанской войне крепостных крестьян против «освободителя» Наполеона в 1812 г., и в СССР периодов первых пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства. Чрезвычайно показательны, что под «юрисдикцию» закона обратной индукции подпадают и душевные расстройства, однако никто (за исключением адептов нравственно увечного менеджериума) не рискнет назвать героев психически неполноценными людьми. Подвижничество нельзя «заказать» даже самой изощренной пропагандистской кампанией, оно формируется из внутренних побуждений человека. Да, подвижник живет мечтой, и строго научным языком это можно охарактеризовать «сужением сознания», но потребно ли сознание людям, у которых отняли мечту? Не в этом ли проблема современного поколения прагматиков, рожденного уже в т. н. «свободной России»? Свободной от мечты, от идеалов, а потому – от будущего. В конце концов, их обывательский прагматизм – тоже сужение сознания до формата шопинг-листа.

Используемые учеными понятия социальной фрустрации и социальной депривации – еще одна форма адекватного применения психиатрической терминологии в историко-социальном контексте. Даже упрощенные приемы психотехники и нейролингвистического программирования способны проиллюстрировать уловки

политиков и пиарщиков. К примеру, бейсбольно-психологический «эффект низкого мяча» – приобретение доверия электората путем обещаний, картинок изобилия и житейского комфорта, по которым обыватели выстраивают свои бытовые планы, ваяют ментальные конструкции. Когда обещание не выполнено, а надежды есть, многие предпочитают терпеть и ждать «сбычи мечт». Подобный популизм опасен именно тем, что необычайно эффективен («низкий мяч» бьет почти безотказно).

Истинным оптимистом и, соответственно, носителем оптимизма способен быть только мистик. Он, как фермент прогресса, переносит духовные ценности против правил житейской логики, а значит – и против градиента эволюции. Типовые же ученые, замкнутые на причинах и следствиях, обыкновенно лишены оптимистической веры, ибо творчество начинается там, где кончается простая констатация, а что есть ординарная «наука» как не накопление и констатация фактов? Цель науки – в поиске и установлении причинно-следственных связей, цель религии и искусства – их превосхождение.

Упадок экономики, как правило, влечет за собой и духовное обнищание (возврат к правилам эволюционного выживания). Однако сие не значит, будто экономический подъем или прорыв непременно гарантирует культурный подъем или квантовый «пассионарный скачок». Здесь диалектика экономического детерминизма дает сбой ввиду того, что детерминизм хорош при описании и анализе феномена эксплуатации, однако для постижения прогресса человечества его недостаточно. Потому и политэкономия социализма сложнее политэкономии капитализма. Говорить о всесии экономической предопределенности всё равно что намеренно устраняться от прогресса, ратовать за инволюцию. Ведь экономика (как и всякое человеческое творение) сама по себе способна лишь инволюционировать.

Симптоматично: и среди эволюционистов были своего рода романтики. Во времена Ренессанса М. Фичино писал: «природа – это искусство, которое изменяет сущность вещей, порождая жизнь». Припомним также антропоморфную теорию Ж. Б. Ламарка (природе свойственно творчество) или столь же трогательный социал-эволюционизм П. Лаврова. А вот более утилитарно (и потому – узко) мыслящий Г. Спенсер называл социализм грядущим

рабством. И всё же: признавая возможность социальной эволюции, мы в таком случае либо должны либо признать также и волю Провидения, либо определиться с эволюционным вектором. Однако эволюция происходит не столько в каком-либо направлении, сколько с целью – приспособиться. История человечества не знает стихийных изменений общественной структуры, они всегда определялись волей людей, даже если те в критические моменты своей жизни старались просто не умереть с голоду. Таким образом, именно людская воля определяет то, в каком направлении мы будем развиваться, и даже бездействие является волевым пассивным актом. Деградация, наоборот, может происходить и произвольно: кто падает в бездну, тот с пути не собьется.

М. Вебер считал капитализм вершиной человеческого развития. Мы тоже так полагаем (за исключением слова «вершина»): после капитализма история действительно прекращает течение свое в силу того, что моральная инволюция людей (у которых отнимают смысл жизни и веру, заменяя их на рациональное целеполагание и безотносительное к нравственности целедостижение) достигает экстремума, за которым человечество не в состоянии что-либо создать. Отсюда – внешнее разнообразие (при внутренней схожести до степени смешения) ассортимента оттенков серого вещества: от нищезанятия, фрейдизма, экзистенциализма, бихевиоризма, франкфуртского пессимизма – до мозаичного постмодерна и «последнего человека» Ф. Фукуямы. Ограниченность капитализма не в кризисе материального перепроизводства, а в дефиците нравственности, образовании морального вакуума.

Другое дело – общество коммунистическое. Учение о коммунизме во многом сродни христианству, но создавалось уже в условиях новой, капиталистической формы рабства (по Тертуллиану, каждая человеческая душа по природе своей – христианка). Опыт показывает, что переход к социализму проще осуществлять странам, еще недостаточно зараженным классическим капитализмом; там, где остались феодальные пережитки. Вместе с ними в социализм переходят понятия рабочей чести, корпоративной солидарности и социальной ответственности разных слоев общества, призванных выполнять свои функции не за страх, а за совесть. Получение прибыли и всякая рациональная мотивация хороши в дрессуре, но категорически не годятся в качестве прогрессивной стратегии или

идеологии. Тот самый «призрак коммунизма» вынуждает эксплуататоров производить ребрендинг, создавая иллюзию социального государства вместо построения государства социалистического.

Красота марксизма – в его благородной простоте и диалектической логичности. Социальные перипетии анализируются в дуалистическом ключе: два класса-антагониста, производительные силы и производственные отношения. Тем не менее, марксизм допускает присутствие вектора общественного прогресса, обычно обозначаемого вехами революций. Парад общественно-экономических формаций марксисты начинают с первобытного коммунизма, который в себе классового антагонизма не содержал. И что есть качественный переход от собирательной экономики к производящей, как не суперация? Значит, мировая история не циклична, но благодаря суперации развивается скорее по спирали: от коммунизма первобытного (объединяющего особей в род) – к коммунизму развитому, сознательному (объединяющему народы в человечество).

Марксизм блестяще трактует противоречия между трудом и капиталом, отчасти упрощая нюансы социальных коллизий более ранних эпох. Феодалные или даже рабовладельческие противоречия не всегда предполагали открытый антагонизм, они тоньше, в них больше места отведено иррациональному, религиозному компоненту. Может быть, государство появилось вследствие суперации кровной мести, а государство централизованное (национальное) – суперации феодалной раздробленности.

Капиталистический конфликт актуальнее, ярче, очевиднее и острее, т. к. в капитализме в культ возведены материальные блага. Шаблонно-американский капитализм, например, знаменует примат технологии над нравственностью, а пирамида Маслоу наглядно иллюстрирует и констатирует (ибо на высшее не способна) американо-капиталистическую систему ценностей. Пирамида потребностей – своего рода монумент потребительству, наукообразный манифест мещанства. Однако именно потребительские ценности хуже всего контролируются потребителями и имеют самую явную тенденцию к неудовлетворенности, поэтому успешные филлисты будут «самореализовываться» в сторону алчности и стяжательства. Массовое же потребительство при отсутствии интереса и способности к творчеству рождает социальное иждивенчество

(потребителей должен кто-то обслуживать). Так формируются новые элиты и сословия, т. е. в лучшем случае капитализм «эволюционирует» в неофеодальное общество, отмеченное более высоким уровнем нравственности и стабильности. В худшем – деградирует в нео-рабство, доказательством чему являются антигуманные теории Мальтуса и модная концепция «золотого миллиарда».

Сверх того, согласно А. Маслоу, потребности высших уровней якобы проявляются, буде удовлетворены низшие. Вносим коррективу: когда низшие *считаются удовлетворенными*. «Считаются» каждый раз по-разному, сообразно системе нравственных ориентиров того или иного общества. И, в конечном счете, насыщение высшими потребностями происходит не когда низшие удовлетворены, а когда о последних *не задумываются*. В частности, аристократы увлекались искусством не потому, что исчерпали потенциал обогащения – им просто не надо беспокоиться о хлебе насущном. И сие не означает, будто их потребности (например, в безопасности) были удовлетворены, иначе как же быть с воинами-поэтами? Высшие потребности актуализуются, если человек способен противодействовать своим сиюминутным влечениям и увлечься чем-то непреходящим.

По Марксу, революция возможна, когда производительные силы прогрессивнее производственных отношений. Значит, «профилактика революций» должна сводиться, по сути, к просвещению – но не в технологическом, а в миссионерском смысле. Творческое отношение к производительным силам определяет созидательный потенциал общества. Возможность качественного развития производительных сил ограничена (рабство – частичная свобода – рабство), тогда как потенциал производственных отношений неизмеримо выше. Вот почему можно менять отношение к одним и тем же производительным силам (к примеру, офисное рабство в эпоху симулякров выдается за корпоративную лояльность). Производительные силы безусловно развиваются, но они – абстракция, претензии же к политической власти всегда конкретны, почти повсеместно одинаковы и появляются тогда, когда власть не обеспечивает поддержание приемлемых моральных стандартов или вовсе не устанавливает их. Значит, инициатором перемен должно стать само государство, коль скоро заботится о самосохранении – как путем внедрения ретро-инноваций, так

и за счет сознательной архаизации отношений, дабы те гармонизировали рост производительных сил (скажем, модное в России делегирование полномочий трансформируется в нео-вассалитет).

Возведение чего-то в недостижимый культ – верная примета социального развития. Теоретик анархизма П. Кропоткин утверждал: всякое движение образованных слоев общества, направленное к благу беднейших классов, начинается с идеализации последних. Получается, едва ли не главная причина заикливания истории – повторяющееся разочарование в объектах идеализации, в то время как спиралевидное движение истории менее предсказуемо. По нашему мнению, оно сложнее и есть не что иное как наложение друг на друга систем координат: образно-эстетических (религия, искусство), идеологических (культура) и материально-технологических. Словом, совмещение вневременного, временного и временного. Именно варианты сочетаний координат и дают в итоге как разнообразие цивилизаций, так и различные противоречия: между культурой и цивилизацией (трактуемой как техно-комфорт), между производительными силами и производственными отношениями. Итак, сюжетов несколько, сценариев сотни, а исход (итог) един – в коммунизме.

Капитализм прагматичен, социализм материалистичен, анархизм абстрактен, коммунизм же во многом иррационален. Почему для перехода от социализма к коммунизму не нужна революция? Здесь ответ и выход – в гармонии социальных отношений (воспитание нового человека), а не в одном лишь совершенствовании производительных сил. Основа прогресса заключается в укреплении и распространении нравственности. Развитие технологий и способов распределения материальных благ – лишь средства достижения гармонии. На наш взгляд, социальные катаклизмы происходят в периоды опережения технологическим развитием нравственного. Получается, благодаря новым технологиям человек снова и снова испытывает искушение сделаться могущественнее, уподобиться богам. Последствия, как правило, трагичны: технологии используются для ведения войн и уничтожения людей. Решение не в запрещении техно-прогресса (это глупо и невозможно) – человек создан для того чтобы развиваться. Но наряду с технологиями общество должно совершенствоваться в нравственном отношении, превосходя предначертанность исходных установок,

данных ему в завете элементарного сохранения популяции. Безусловно, завет нужно чтить как фундамент стабильности, но и почитать за основу дальнейшего совершенствования.

Кризис общества каждый раз намечается, когда в людях обостряется инстинкт собственника: распад рабовладения, феодальная раздробленность, эпоха первоначального накопления капитала. Вирус собственности, наверно, если не наследственно предопределенный, то уж точно извечный соблазн человечества. Присвоить всегда проще, чем усвоить и тем более – освоить, а за столбить надежнее, чем сначала раствориться в мире «до основания, а затем» воспарить над ним. Мещанство распространяется от размножения в человеке вируса собственности. Алчность патологически проявляется в противоречии капитализма между декларацией разъединяющей конкуренции и стремлением к монополизму, к объединению ради обогащения. Подобное объединение означает лишь эгоистическую концентрацию богатства и господства, стало быть – снова обострение классовой ненависти.

Напротив, в самоотречении, способности поступиться личными интересами ради ближних – залог солидарности. Солидарность – суперация рабства, а любовь – суперация солидарности. Коммунизм, как в свое время христианство, исповедует универсальные принципы, пропагандируя их в русле пролетарского интернационализма. Объединяясь, трудящиеся как бы очищаются от старых грехов, и в первую очередь – от наследия былых войн и межнационально-и-межконфессиональной розни. Грехи былых раздоров списываются на эксплуататорские политические режимы, и человечество, облагоустроенное идеалом коммунизма, обретает шанс вернуть себе Золотой век.

Часть II

ТЕОРЕТИЗИРОВАННАЯ
(обобщенная)

ПРАКТИКА

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОТРИЦАНИЯ КАК ВЕКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ВЕКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОТРИЦАНИЯ

Политическая история представляет наименьший интерес
для того, кто хочет найти какой-либо смысл
в истории человечества.

П. Лаэров

Все говорят: «Искусство зашло в тупик».

А из тупика один выход – назад.

М. Анчаров

Стабильность – альфа и омега патерналистских чаяний русского народа, измученного разного рода преобразованиями: от опричнины до бессмысленного и беспощадного модернизационного «улучшайзинга», проводимого новоявленной кастой бездарных «эффективных менеджеров». И чем радикальнее навязанные властью пертурбации, тем острее ощущается жажда обычной спокойной жизни, без авралов и потрясений.

Пресловутая стабильность, возведенная ныне в культ, казалось бы, воплощает давнюю мечту о том, что вездесущее государство наконец оставит людей в покое, предоставив им процветать по своему усмотрению. Действительно, реализуемая последние двадцать лет тактика дистанцирования власти от традиционно отождествляемых с ней функций создает некую иллюзию существования в России «гражданского общества», потенциально способного к саморегулированию. Чем не демократия? Устраняясь от социальной и исторической ответственности, власти проще поддерживать условно-демократический имидж абстрактного представителя неких «равных возможностей». Однако в условиях под-

мены государственных гарантий «государственными услугами» саморегулирование тождественно самовывживанию. В силу этого общество лишено общности и являет собой рыхлую совокупность эгоистичных потребителей услуг: так в тезисе о стабильности воплощается старинный принцип *divide et impera*.

Разумеется, озабоченные физиологическим выживанием деклассированные массы с трудом поддаются ребрендингу в «гражданское общество». Т. е., кого Г. Успенский образно назвал «сердитым нищенством», давно утратили надежду на какое-либо облегчение или улучшение жизни: стабильность в их понимании – только бы не стало еще хуже. Под «хуже» подразумеваются реформы, инициируемые и осуществляемые властью. Как правило, неожиданные, неподготовленные, непредсказуемые, и потому – чрезвычайно травматичные. Политэлита России XXI века усвоила скорбные уроки краха горбачевщины и ельцинских либерализаций. Реформы сейчас если и предполагаются, то решительно консервативные, основанные на некоей преемственности (понимаемой как оплот стабильности).

Упоминания сегодняшних российских «государственников» о стабильности и матери ее – преемственности давно уже превысили допустимую концентрацию словес на единицу смысла. Громкие политические декларации (словно скроенные по самоучителю пиара «для чайников») изобилуют апелляциями к отечественной истории, якобы питающей нас примерами подлинного народовластия и самоуправления. Та же идея легла в основу печальной памяти утопий «национализации будущего» и «суверенной демократии»; она же составляет стержень модного пока тренда «консервативной модернизации». По сходному шаблону сработаны и недавние (2013–2014 гг.) предложения к проекту государственной культурной политики.

Анализ текста предложений к проекту позволяет предположить: «государственники» всерьез вознамерились смастерить нацию, коей способны эффективно и безопасно править. Подход рационален, с ним трудно спорить, ибо там, где нет нации и национальной культуры, немислимо существование государственности. Краеугольным камнем грядущей культурной политики вновь заявлена преемственность – «восприятие российской истории как непрерывного процесса – от Российской империи через СССР к со-

временной Российской Федерации... В XX веке были предприняты две мощные попытки изменить культурно-цивилизационную идентичность России: коммунистами в 1917 году и сторонниками “либерально-западного” пути развития в конце 1980-х – 1990-х годах. Как видится и отмечается всеми исследователями, российскими и иностранными – обе попытки слома традиционной идентичности не имели успеха. Определённым подтверждением этого тезиса является сам факт разработки рассматриваемого документа, и об этом следует заявить в тексте основ государственной культурной политики» (п. 4). Прочитанный фрагмент наглядно демонстрирует не только отсутствие внятного «тезиса», но и изрядную противоречивость посылок, ведь хронологический интервал 1917–1999 непрерывен, и либеральные «младореформаторы» экспериментировали на развалинах уничтоженного ими СССР. По логике создателей проекта, большевикам наследовали те самые «романтики перестройки». Неудивительно, что пункт 4 в документе не аргументирован ничем, кроме беспомощной ссылки на «всех исследователей».

В отличие от идеологов проекта, мы полагаем: острохарактерной чертой истории государства Российского (особенно – в т. н. петербургский, имперский период) является именно отсутствие преемственности в политике, отчасти компенсируемое династическим правлением и идеолого-религиозной доминантой общественной жизни. Драматизм русской истории невозможно осмыслить, не приняв данного факта.

Преемственность России даже де-юре не всегда означала передачу престола наследникам. Чтобы убедиться, достаточно вспомнить лествичную систему, раздачу ордынских ярлыков на княжение, родовой принцип наследования при Рюриковичах, петровский указ о престолонаследии, акт о престолонаследии 1797 г. и проч.

Князья и цари неоднократно пересматривали вековые устои власти, а формы правления менялись столь же динамично и в той же последовательности, как на Западе. Показательные примеры являет как средневековая Русь, так и более поздние эпохи. В частности, Андрей Боголюбский и Иван Грозный решительно расшатывали традиционно-религиозные принципы государственности, утверждая основы самовластного деспотизма. В рамках одной

только царствующей династии Романовых почти каждое новое правление отмечено резкой сменой курса. Радикальные реформы проводились в правление Петра I, Петра III, Екатерины II, Павла I, Александра I, Александра II, Александра III, Николая II – т. е. практически триста лет подряд. Романовская эпоха ознаменована двумя болезненными попытками европеизации, тремя крестьянскими войнами, чередой дворových переворотов, борьбой с терроризмом, сменой реформ и контрреформ, превративших Россию к 1917 г. в имитацию формально ограниченной монархии.

Преобразования советских лидеров также не отличаются заметной преемственностью. Самые яркие подтверждения – «великий перелом» и форсированная коллективизация вместо кооперации, развенчание сталинского культа личности, развенчание хрущевского волюнтаризма, преодоление брежневского «застоя». И весь постсоветский период прошел под знаком отмен, перемен и всегда актуальных переименований. Действующий президент, трогательно почитающий память первого президента РФ, тем не менее, объясняет неудачи проводимых реформ «наследием лихих 90-х». В конечном счете, установление «жесткой властной вертикали» – анти-ельцинский курс.

Таким образом, правление практически каждого государственного лидера в России вот уже четвертое столетие отмечено отрицанием преобразований предыдущего. Казалось бы, в подобном контексте нелепо заявлять о преемственности как структурообразующем принципе российской государственности (и тем более – культурной политики). Мы убеждены, политическая история России детерминирована преемственностью иного рода – преемственностью отрицания. В условиях патернализма и этакратии передача власти есть не просто юридический акт. Так сложилось в России, что правитель принимает на себя весь груз социальной и исторической ответственности за страну; в этом его гражданский и религиозный долг. Отречение от власти воспринимается массовым сознанием не как уход с должности («я устал, я ухожу»), но как предательство собственного народа. По той же причине кардинальная смена курса в период каждого отдельно взятого правления немислима. Высочайший уровень концентрации власти всегда предполагал и персонифицированность ее в лице правителя России. Изменение политики – измена не только себе, но

и народу. Отсюда одна из причин рождения на останках доверия к царю-Освободителю феномена русского терроризма, отсюда – и «расстрел веры в царя» 9 января 1905 г.

Историческая традиция гипертрофированной ответственности вынуждала правителей России вести охранительно-консервативную политику, первоочередная цель которой состояла в обеспечении безопасности институтов государственной власти. Улучшение жизни населения редко входило в число приоритетов (пожалуй, единственным исключением был советский период: народная власть – для народа), поэтому все реформы проводились сверху, сглаживая и (реже) упреждая вспышки народного негодования. Результат – преобразования, как правило, оказывались запоздалыми и потому малоэффективными. В такой ситуации самый дешевый механизм завоевания доверия масс – отрицание «прошлых роковых ошибок» новым правителем и перенос ответственности на предшественника либо соправителя. Истории России известны глубокие кризисы, когда подобный фокус помогал одному и тому же лидеру радикально сменить направление политики. В контексте преемственности показательна «комбинация» с Симеоном Бекбулатовичем. По мнению Р. Скрынникова, «царь и его окружение долго ломали голову над тем, как без согласия думы возродить опричный режим и в то же время сохранить видимость законности в Русском государстве, пока склонность к шуткам и мистификациям не подсказала царю нужное решение».

Как известно, если первый акт истории трагичен, во втором она смотрится абсурдом. Изощренный способ списания опричных долгов под маской преемственности позже проявился и в правительственной чехарде 1915–1917 гг., и в чехарде премьер-министров 1998–1999 гг., и в президентской интерлюдии 2008–2012 гг. Тот же механизм прослеживается в извечно популярных «акциях всеобщего прозрения» по отношению к наиболее одиозным представителям высших эшелонов власти: здесь не только казнь Алексеем Михайловичем коррупционеров Морозова и Плещеева в 1648 г., это и сталинские репрессии, и утрата доверия мэром Москвы Ю. Лужковым в 2010 г. Поскольку власть в России издавна ассоциируется с конкретным ее носителем, сам собой реализуется простой в своей гениальности сталинский тезис: нет человека – нет проблемы. И если раньше проблемы разрешались сменой

князей, то впоследствии стали менять фаворитов и министров. Неудивительно, что каждый новый кабинет министров в РФ безответственен за действия предыдущего.

С другой стороны, и народу ясно, кто из отработанных министров закроет собой провал очередных реформ. «Ритуальные жертвоприношения» чиновников ожидаемо и чаще всего совершаются в «горячих точках» внутренней политики: в сферах здравоохранения, труда, социального развития, межэтнических отношений. В итоге опошленный принцип персональной ответственности низведен до подбора «мальчиков для битья», штат коих обновляется с регулярностью свежевания правительства. Шумные разоблачения эффектно оттеняют безупречную репутацию первого лица страны: «царь хороший – бояре плохие». Важно подчеркнуть: в русской традиции персоне правителя одновременно символична (как олицетворение «государственной правды») и в то же время определена вплоть до анкетных данных. В царской России присягали в верности конкретному, на тот момент коронованному государю (кстати, именно эта деталь сорвала планы декабристов).

Многовековой опыт авторитарного правления предопределил и механизм реформирования: глава государства является их главным инициатором и единственным гарантом необратимости преобразований (вспомним насквозь лживого «гаранта перестройки»). Правитель как символ должен быть непогрешим, а значит – не отвечать за грехи прошлых лет. Но вместе с тем – поддерживать устои государственности, олицетворяя преемственность. Вот почему сакраментальный вопрос, будоражащий Семён-Семёныча Горбункова из «Бриллиантовой руки» – «А у вас есть такой же, но с перламутровыми пуговицами?» – обретает в нашей стране глубокий событийный смысл.

Амбивалентный подход к восприятию феномена власти не уникален в мировой практике, но в политической истории России сыграл поистине роковую роль. Именно им объясняются противоположные, взаимоисключающие тенденции: терпеть изжившую себя власть и одновременно нетерпеливо желать ее обновления. Показательно: в постсоветской России даже на местном уровне избиратели склонны оставлять управленцев на два срока, однако по их истечении отчаянно голосуют не столько за нового кандидата,

сколько *против* старого. Ибо, согласно неписаному правилу, принято считать первый срок «эпохой первоначального накопления» для кандидата и его приближенных, а во втором, возможно, правитель авось да и вспомнит о благе народа (как правило, этого не происходит и на втором сроке). Представитель власти дискредитирует себя и (в своем лице) государство, и народ склонен выбрать любого щедринского «помпадура» на том лишь основании, что новый просто не замешан (или не замечен) в махинациях своего предместника. Естественно, очередной «медведь на воеводстве», сиюсь укрепиться в должности и завоевать поддержку обывателей, станет жестко дистанцироваться от злоупотреблений, имевших место до него.

Подобное отрицание отрицания есть, по сути, «вечное возвращение». Неудивительно, что прогресс в России – стране с непредсказуемым прошлым – насаждался исторически устаревшими методами, воплощая «хорошо забытое старое» во имя стабильности. Формально-консервативный «регрессивный прогресс» обыкновенно равнодушен к урокам истории – он цикличен; и отечественные институты государственной власти инволюционируют, блуждая в трех соснах вожества, самодержавия и вождизма. Форма меняется, тогда как архаичное содержание воспроизводит преемственность парадигмы авторитарно-помпадурского самовластия.

Вместе с тем харизматическое господство еще не гарантирует стабильности, ибо предпочитает произвол и ситуативную целесообразность принципу справедливости (как залогом преемственности-поступательного развития). Как правило, после ухода вождей наступает безвременье дворцовых переворотов (семибоярщина, Верховный тайный Совет, Временное правительство, коллективное руководство после смерти Сталина). В свою очередь, нехарактерное для России коллегиальное правление неизбежно оказывается недееспособным, что предопределяет приход к власти нового вождя. Так воспроизводится русская авторитарная традиция. В этой особенности мы видим кардинальное отличие отечественной модели государственности от западной, почитаемой ныне за эталон.

Если некий закон и наделен высшей силой, эту силу и значимость ему придает масштаб личности политического лидера-

гаранта. Значит, закон и позитивное право, справедливость, право и закон в России – не одно и то же. Нежелание реформаторов считаться с русской дилеммой «по закону или по совести?» обернулось фатальными неудачами в построении т. н. «правового государства». Необходимо отметить: принципы правового государства, основанного на ценностях рынка, конкуренции ветвей власти и неприкосновенности частной собственности – в корне противоречат нестяжательски-соборной русской идентичности, «культурно-цивилизационному коду» (как он именуется в проекте государственной культурной политики).

Таким образом, преемственность отрицания детерминирует цикличность отечественной политической истории. Действуя как мощный дестабилизирующий фактор, преемственность отрицания подменяет управление властным произволом. Это, в свою очередь, резко повышает уязвимость государства к социальным потрясениям. Ни один харизматичный лидер не потерпит подле себя конкурента, следовательно – не взрастит достойного преемника. Тот же, кого преемником объявят, доказывая свою «неслучайность» у кормила власти, неизбежно вынужден самоутверждаться во власти, проводя ревизию прошлого. Вот почему Россия знала столько революций, авралов, «переломов», скачков, рывков и «прорывов».

Правящему режиму, в его попытке сформировать основы государственной культурной политики, следует трактовать преемственность как идеологический, а не формально-юридический феномен. Пора отходить от тактики предъявления народу ожидаемо-неожиданных лидеров – подлинная преемственность не имеет ничего общего с очередностью известных фамилий. Наследование, передача или делегирование полномочий в такой патерналистской державе, как Россия, основано на сакральном понимании власти, несущей полную ответственность за все при ней происходящее. Преемственность власти есть преемственность ответственности. Следовательно, и сама власть (в лице ее представителей: и высших и рядовых) должна стать эталоном нравственной чистоты и главным носителем незабываемых традиций русской культуры, ибо культура консервативна по самому ее предназначению. Истинная преемственность – не в имидже, а в миссии власти.

ДИХОТОМИЯ «ПРОЗРАЧНОСТИ» И САКРАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

И САКРАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ
ДИХОТОМИЯ «ПРОЗРАЧНОСТИ»

Если человека видно насквозь – значит, он пустой.
Из буддийского трактата по оптике

Присущий нашему национальному характеру максимализм заставляяет нас во всех жизненных вопросах ставить дилемму «или всё, или ничего».

Вот почему от чрезмерности возвеличения мы так легко переходим к чрезмерности отчаяния.

Е. Трубецкой

Местоность современных рукотворно-кризисных реалий способна накалить отношения населения и власти до опасного градуса. Конфликтный дискурс придает особую актуальность проблеме достижения щадящего баланса ингредиентов российской внутривнутриполитической кухни, чьи блюда (приготовленные из просроченных американских концентратов) становятся всё менее удобоваримыми. Проблема, на наш взгляд, заключается в ригидности мышления генерации «эффективных менеджеров», заботливо выпестованных в постперестроечное время за океанскими благодетелями-либералами.

Прозападные аналитики видят панацею от всех социальных зол в обеспечении некоей «прозрачности» государственного и муниципального управления. Очевидно, что употребляемый оптический термин чрезвычайно многозначен и потому исключительно сподручен для имитации чего угодно: от постановочной демократии до разнузданной борьбы с коррупцией. Подмена народного контроля «гражданским мониторингом прозрачности», честности и открытости – «информационной прозрачностью» стали обычными в нынешней России, где степень «прозрачности»

пропорциональна уровню моральной гибкости представителя власти.

Традиционно считается, что чиновники заинтересованы в сокрытии сведений о своей деятельности, воспринимая таковую информацию как изобличающую. Следовательно, культивирование прозрачности в России основано на презумпции тотальной аморальности всех чиновников – якобы коррупционеров уже по определению и в силу своего правового статуса. Возникает резонный вопрос: кто же тогда наделен моральным правом судить (осуждать) зарвавшихся «слуг государевых»? Естественно, государь. Но допустим ли «общественный мониторинг» дел государевых?

Исторический выбор вариантов ответа небогат. К примеру, в раннефеодальной Руси княжескую власть отчасти сдерживали церковные иерархи и вече. Заметим, принципиальной конфронтации церкви и государственной власти (как борьба за инвестиру или «авиньонское пленение пап») русская история почти не знает. Остается орган народного контроля – вече. Примечательно: сей исконно русский вариант демократии изживает себя сравнительно скоро (к XIV в.), «прозрачность» оборачивается интригами и скандальными обвинениями власть предержащих в злоупотреблениях. Результат – утрата суверенитета; вырождение сначала в шумную имитацию, а затем в ностальгичный архаизм, о коем приличествует вспоминать лишь в контексте быстро вышедшей из моды мертворожденной «суверенной демократии».

Второй вариант «суда над государем» – практика дворцовых переворотов, где «прозрачность» убеждает заговорщиков в неспособности главы государства обеспечивать их интересы. Итог – череда интриг, опал, казней и отставок, угроза гражданской войны.

Третий вариант – социальная революция, когда «прозрачность» выполняет органически присущую ей функцию абсолютной дискредитации власти, оправдывая уничтожение правящего режима.

Как свидетельствуют приведенные примеры, ни в одном случае пресловутая «прозрачность» не играет конструктивной (созидающей согласие, соборность) роли. Более того, в российской истории обеспечение прозрачности никогда не было сверхзадачей, но всегда – инструментом, козырем в жестокой борьбе за власть. Это

и карт-бланш на опричный террор, и расследование убийства царевича Дмитрия, и анти-распутинская речь Пуришкевича, и «разоблачение культа личности» Сталина, и, конечно же, то, что А. Зиновьев метко окрестил «катастрофкой».

Последний случай, фатальный для отечественной истории, декларировался как политика «гласности и нового мышления». Для многих уже в конце 1980-х гг. не было секретом, что гласность, по сути, есть организованная кампания по самоподрыву основ государственного строя. Народ с упоением потреблял ежедневные горячие сплетни о моральном разложении партийных и советских работников, требуя самого бескомпромиссного и сурового суда над ними. Гарантом «бескомпромиссности» вовсе не были идеалы демократии или верховенство права. Наоборот, в духе исторической традиции, им закономерно стал гарант необратимости перестройки – Горбачев. Гласности предназначалось всего лишь служить дежурным предлогом для организации акций массового прозрения с целью устранения неугодных гаранту персон.

Информационная шумиха ловко скрыла виновных в искусственно созданном дефиците продуктов, в «неожиданном» обмене денежных купюр, в кровавом «параде суверенитетов». Сообщение о полете М. Руста «развеело миф» о бдительности Советской армии, а чернобыльская катастрофа окончательно утвердила в массовом сознании мысль о том, что руководство СССР не способно выполнить главную функцию государства – обеспечение безопасности граждан. Итогом стала не только смена власти, но и наступление новой эпохи моральной инверсии и политперверсии, в которой все прежние ценности оказались перевернутыми с ног на голову. Урок гласности трагичен: после «путча» 1991 г. вновь массово прозревший народ благословил свержение и самого гаранта перестройки, заменив того очередным воплощением бескомпромиссности – Ельциным.

Гласность нового образца знаменует повторение истории в виде фарса – обязанности чиновников общаться с населением посредством социальных сетей (мотивировка – почти как в указе Ближней канцелярии от 1707 г.: «ибо сим всякого дурость явлена будет»). Вместе с тем некорректные, откровенно популистские и все чаще – экстремистские высказывания полуграмотных представителей власти вовсе не являются основанием отлучения оных

от сытной должности. Когнитивный диссонанс между рангом чиновника и примитивностью его мышления разрешается исторически проверенными средствами. Почти единственный способ добиться справедливости – напрямую апеллировать к ее верховному Гаранту. Яркие подтверждения тому – популярность т. н. «видеообращений к президенту», и это – на фоне «электронного Правительства», «Большого Правительства», «Открытого Правительства», общественных палат, легиона шоу-омбудсменов и прочих модных эрзац-контрольных структур. Парадокс, но в эпоху общедоступного интернета россияне пользуются им для подачи челобитных в форме видеороликов. Подобная тенденция есть лучшее доказательство архаичности понимания идеалов «государственной правды» в нашей стране: как писал св. Варсонофий Великий, «не хочу быть под законом, но под благодатью».

Сакральность персонифицированной власти, помноженная на паттерны харизматического господства, предъявляет к первому лицу в России особые требования. Бремя власти не столько привилегия и право творить произвол, сколько святая обязанность и колоссальная ответственность перед судом истории. Так сложилось, что коллективные решения (а особенно коллегиальные органы власти) отторгаются народной памятью: например, не «при III Государственной Думе», но «при Столыпине». Симптоматично: коллегиальные органы в русской истории чаще всего отождествляются с разбродом или предательством (семибоярщина, верховники при Екатерине I, коллективное правление после смерти И. Сталина). Таким образом, персонифицированная ответственность правителя за всё творящееся в период его правления, во многом поглощает иные формы ответственности. В частности – то, что на Западе принято именовать «социально ответственным гражданским обществом».

На наш взгляд, ключевая особенность России в данном плане – измененный вектор делегирования полномочий. В западной традиции он направлен сверху вниз и призван демократизировать управление. В России делегирование прав идет снизу вверх и призвано поддержать вертикаль власти. Порочная практика делегирования ответственности (вместо и вместе с делегированием полномочий) приводит, с одной стороны, к формированию стереотипа «царь хороший – бояре плохие». А с другой – к стрем-

лению начальников окружать себя заведомо и гарантированно бездарными и одиозными подчиненными, на фоне которых «царь» будет сиять аки звезда, что невозможно без окружающей его темноты. Так с каждым ярусом власти понижается «планка вменяемости» чиновников. На самом же деле бездарнее всех – тот правитель, кто практикует подобную схему и попустительствует ее укреплению.

К. Победоносцев, критикуя рецепцию зарубежного опыта парламентаризма, приходит к выводу, что в парламенте не депутат отказывается от своих личных интересов во имя избирателей, но избиратели отказываются от своих прав во имя самолюбия депутата; с расширением выборности происходит принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей. Мысли видного государственного деятеля времен упадка царизма сохраняют актуальность и поныне. В самом деле, «прозрачность» сейчас – прекрасный повод для политпиара и грязной конкурентной междоусобицы, той самой борьбы самолюбий. Зачастую депутаты одной и той же фракции топят друг друга в помоях компромата, даже не озаботясь достоверностью обнародуемых сведений – дескать, «прозрачность власти» всё искупает. Получается, «прозрачнее» тот, кто первым обесчестил коллегу. А поводов – множество: от бытовой коррупции до неприлично роскошного образа жизни. Удивительно, но подобные сенсации предпочитают немедленно публиковать в СМИ, вместо того чтобы соблюсти процедуры соответствующих проверок и расследований. «Прозрачность» опошлится до рыночного преимущества беззастенчивой накрутки политических рейтингов.

В этой связи важно подчеркнуть: «нео-прозрачность» (как в свое время горбачевская гласность) направлена на подрыв государственного суверенитета, который зиждется, по нашему мнению, на традиционном русском отождествлении авторитета власти с персоной ее верховного носителя. В этом – и национальное осознание роли личности в истории вопреки всем псевдоразоблачениям (незабвенное шолоховское «был культ, но была и Личность»), и своеобразное понимание справедливости скорее как морального права, чем права формально-позитивного: «закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление»

(Рим. 5:20). Отсюда и надежды на скорый и правый суд (необязательно в строгом соответствии с писаными нормами), отсюда же – ожидание именно и непременно официальной оценки важных для россиян событий.

Интуитивное понимание социальной справедливости (права) предполагает и то, что отправлять правосудие призван тот, «делать бы жизнь с кого». Нельзя не согласиться с высказыванием В. Пути-на о том, что «люди, которые борются с коррупцией, сами должны быть кристально чистыми, иначе всё это приобретает форму самопиара и политической рекламы». Значит, авторитет власти есть прежде всего вопрос не прозрачности, а доверия. Но доверие, как правило, иррационально; доказательства лишь опошляют его («доверяй, но проверяй»). Вот почему такая процедура, как увольнение или отстранение от должности в связи с утратой доверия, не требует доказательств и не может быть оспорена в суде. С формально-правовой точки зрения это нарушение конституционных прав личности, но в русле отечественной истории такая коллизия не кажется нонсенсом – наоборот, вполне закономерна и подчеркивает важность веры во власть, мыслимой как фундамент государственности (тютчевское «в Россию можно только верить»).

Учитывая вышеизложенное, вполне разумно предположить, что в сакральности власти – главная предпосылка иррационального отношения и к ней, и к официально декларируемой системе ценностей. Следовательно, когда власть иерархически отделена от народа, в то время как ее представители навязчиво и прилюдно изображают «человеческое, слишком человеческое», такая власть недееспособна и обречена на свержение. Получается, публичность и прозрачность органически несовместимы в рамках русской парадигмы государственного управления. И коли потребно выбирать из трех «П» (публичность, прозрачность, преемственность), лишним окажется именно чуждый нам фальсификат прозрачности, оскверняющий публичность (профанируя властные функции) и угрожающий преемственности (дискредитируя функционеров).

Приведенные доводы позволяют выйти на ряд суждений обобщающего характера.

Во-первых, в России до сих пор живы и крепки традиции пассивности и мессианства власти. «По умолчанию» олицетворе-

нием принципа справедливости была и остается фигура национального лидера (а отнюдь не формальный закон, коему деяния лидеров зачастую противоречили). Дух справедливости в России превалирует над буквой закона. Отсюда и интуитивный характер правосудия (психологическая теория права, примат целесообразности над законностью), но и правовой нигилизм, правовая неграмотность как идеальная почва для произвола. Значит, судьбоносный выбор между правдой и произволом напрямую зависит от политической воли конкретного лица – правителя России.

Во-вторых, практика насаждения «прозрачности» власти в системе координат харизматического господства убийственна, ибо не имеет ни достойного юридического, ни (главное) – морального обеспечения.

Прозрачность власти обнажает некомпетентность ее носителей (скандално знаменитые чинуши в соцсетях), создавая иллюзию не гражданского участия, но пустоты, вакуума властного пространства, где буквально каждый может претендовать на роль спасителя, пророка и совести нации. И вакуум сей может быть заполнен чем угодно, вот отчего мутно-болотная «оппозиция» не утруждает себя концептуальными построениями модели будущего: достаточно прокричать лозунги «Россия без...». Дешевая политическая анти-риторика есть прямое следствие культивирования прозрачности, воспринимаемой как доступный популизм, эксплуатирующий самые низменные инстинкты агрессивного электората – страх и ненависть.

Прозрачность обостряет восприятие отчуждения власти от народа, где возвышение над ним – уже не публичность, а катастрофическое расслоение в образе жизни и образе мыслей. Прозрачность особенно губительна в ситуации максимального отчуждения, поскольку еще шире открывает глаза обездоленного народа на властный произвол, плодя тем самым прослойку «сердитого нищенства» – расходного материала любых бунтов и беспорядков.

Прозрачность, заявленная в качестве цели и средства повышения эффективности управления, формирует презумпцию криминальности чиновничества как класса. Разумеется, постоянное самооправдание власти перед толпой и оппозиционными критиками истощает созидательные силы государства. В этом и за-

ключается опасность пресловутой политики гласности: власть, обрекающая себя на вечное проклятие самооправдания – демонстративно нелегитимна.

В-третьих, перманентная уязвимость «прозрачной» власти создает благоприятную почву для конфликтов самого разного рода, покушаясь тем самым на социальную стабильность. Манипулируя словесами, легко подменить административную юрисдикцию коррупционным произволом, а денежное содержание госслужащих – роскошью чиновничества. Так в эпоху реформации лживость Церкви доказывалась фактом торговли индульгенциями и открытого разврата клерикальной элиты. Одиозные факты, растиражированные заказными «прозрачными» СМИ – удобный повод подвергнуть сомнению функциональность государственного механизма в целом. Критиковать «отдельные проявления» чрезвычайно просто; сила СМИ как «четвертой власти» – в их безответственности, якобы обеспеченной т. н. «свободой слова» в самом вульгарном ее понимании (вспомним лозунги о свободе слова, провозглашаемые термидорианцами против робеспьеристов, а позже – бабувистами против термидорианцев). Следовательно, навязанная России «прозрачность» еще и вредит социальному прогрессу, вызывая у населения реакцию в виде бессознательного стремления укрыться в архаике и ностальгии по «золотым временам».

Выход из сложившегося кризиса доверия к власти, на наш взгляд, следует искать в специфическом методе решения проблем, многократно проверенном русской историей: в обеспечении прогрессивных целей традиционными, пусть даже внешне регрессивными средствами. Конкретнее – в культивировании сакральности власти и отказе от прозападных стандартов «прозрачности». Сказанное отнюдь не означает утверждения монархии или клерикализации государства. Сакральность следует пропагандировать как миссию, служение Отечеству. Не наемный труд, не выслуживание, а именно Служение в самом иррациональном, немеркантильном и подвижническом смысле. И здесь также необходимо воздержаться от вульгаризации нестяжательства и экстремистских призывов к тотальному отказу госслужащих от всех материальных благ. В то же время «прозрачная» демонстрация фотографий заграничного

отдыха министров в период всеобщего обнищания соотечественников есть верх цинизма и политический суицид власти.

Как известно, даже завоеванный многолетним трудом авторитет утрачивается молниеносно. Значит, усиление властного авторитета состоит не в «ритуальных посадках» медийно-узнаваемых коррупционеров (как правило, специально подобранных на роли зицпредседателей), а в ежедневной практике морально-нравственного облагораживания представителей власти. Это не только привлечение к ответственности, но в первую очередь привлечение к Служению (и на службу) честных принципиальных людей – носителей культуры и идейных принципов русской государственности. Архиважно возродить идеологическое обеспечение государственной и муниципальной службы, причем относиться к работе без мертвящего формализма (активистов всегда хватало, эти способны опозлить любые идеалы). В результате необходимость в «прозрачном» самооправдании власти отпадет сама собой, если на службу Отечеству придут порядочные и принципиальные люди. Как компетентные сотрудники, они оперативно выявят любые отклонения от идеологического курса еще в зародыше, в рамках внутриведомственного контроля. Таким образом, население перестанет выискивать сплетни о чиновниках, едва уверует в неотвратимость ответственности за любые факты злоупотреблений, о чем позаботятся те же уполномоченные государственные органы, а во все не падкие до сенсаций СМИ и политкритиканы.

Отказ от прозрачности в перспективе резко сократит нагрузку на законотворческие структуры, поскольку, не обеспеченная порядочностью правоприменителей, правовая упорядоченность ничего не стоит. Отметим: всё предложенное нами в большей степени зависит от непосредственной политической воли, нежели от выкрикивания очередных законопроектов или реализации модных стратегий. Государство, не желающее болтаться ветхой надстройкой над перманентно-неспокойным базисом, обязано вернуть к себе доверие лишь последовательно принципиальной политикой, в первую очередь – кадровой. Не стоит гнушаться практикой кадровых чисток (если те проводятся в интересах народа, а не смелых фаворитских кланов). Реальность России XXI века подтверждает гениальный сталинский тезис: «чисто там, где метут». Спасение власти – главным образом, дело рук самих представителей власти.

МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОТМИРАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ИСТОРИЧЕСКИЙ КРИЗИС МЕНЕДЖЕРИЗМА

МЕНЕДЖЕРИЗМА

ГОСУДАРСТВА И ИСТОРИЧЕСКИЙ КРИЗИС

МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОТМИРАНИЯ

Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня,
если нам вчерашний опыт не открыл глаза
на неправильность старых приемов.

В. Ленин

Мы одновременно склонны усложнять простые вещи, как Гамлет,
и упрощать сложные – как Отелло.

Р. Блайс

Злободневность заявленной темы подтверждается не столько обилием критиканов, вульгарно трактующих марксизм-ленинизм (как известно, пинать мертвого льва способен даже осел), сколько практикой государственного строительства в России и за рубежом, наглядно подтверждающей тенденцию «сворачивания» механизмов государственного регулирования и замены (либо подмены) их контролем со стороны институтов т. н. гражданского общества. Следовательно, даже западный опыт являет нам яркие примеры постепенного отмирания государства и правовых, особенно – императивных форм упорядочения общественных отношений. И если в условиях развитого социализма государство трансформируется из классового в общенародное, то в странах «развитого капитализма» – в то, что принято именовать правовым государством.

Подчеркнем: и «общенародное» и «правовое» суть идеологические конструкты, призванные обозначить некий этап в развитии общества. Современные сторонники концепции правового

государства полагают: будущее – в отказе от властного доминирования и в замене вертикальных, статусных отношений более гуманными – горизонтальными, ролевыми. Учитывая фактически официальный характер теории общественного договора (принцип естественного происхождения прав человека закреплен в Конституции РФ, ст. 17), разумно предположить, что вектор российской политики стабильно направлен в сторону культивирования ценностей правового государства (ст. 1 Конституции РФ).

В то же время близость рассматриваемых концепций подтверждается тем, что государство в обеих теориях мыслится как надстройка над обществом (гражданским или преодолевшим классовые различия). Таким образом, специфика роли и места чиновничества в этих доктринах состоит в постепенной редукции регулятивных функций, которые в идеале должны выполняться институтами общественного самоуправления – естественно, на основе социальных (не формально-юридических) норм. Однако именно правосубъектность чиновника, по нашему мнению, является знаковым отличием коммунистической модели будущего от буржуазного симулякра «классового мира и благоденствия».

Разумеется, в подобных условиях намеренное дистанцирование государства от изначально присущих ему рычагов власти никем не воспринимается всерьез, и не имеет ничего общего ни с «общенародным государством», ни с государством правовым. Характерная примета времени в нашем многострадальном Отечестве – не столько отмирающее, сколько умирающее государство, и агония его сопровождается мучительным приступообразным поиском виновных в тотальном политическом фиаско. В первую очередь виновных ищут среди госслужащих, вот отчего в современной России такое значение придается всевозможным законодательным запретам и ограничениям их деятельности (причем большая часть запретов нормативна лишь по форме, по содержанию же являет собой неграмотный популизм и убогую политорику). Закон в пирамидальной системе управления выдавливается вниз – туда, где им проще произвольно пользоваться (дискреционные полномочия). Ситуация усугубляется там, где в массовом сознании закон отождествляется преимущественно с запретом. Так право из общей ценности вырождается в привилегию правоприменителей: кто выше рангом, тот и прав.

Как известно, права не существовало в доклассовом обществе; не нужно оно и в деклассированном. Власть или растворяется в народе (коммунистическая точка зрения), или максимально удаляется от него, заслоняясь от народа чиновниками, прикрывая ими социальную безответственность, но временно сохраняя свой «непогрешимый» имидж. Вынужденная существовать под дамокловым мечом «неоправдания доверия» сверху, и над морем народного гнева снизу, жирная прослойка госслужащих жаждет лишь самосохранения. Суть тяжелой холопской экзистенции российского чиновничества заключается в испрашивании себе привилегий и гарантий безопасности от верховной власти в обмен на выполнение небезопасных и не всегда законных поручений вышестоящих. Это целесообразнее, чем служение народу или абстрактному Закону. Напомним: даже по Русской правде за проступки холопа отвечал его хозяин, а вот в XXI веке вектор ответственности обратный. Алчущие правовой стабильности представители власти не станут блюсти интересы общества, они сами – катализатор социальной нестабильности.

Дискуссия о векторе развития отечественной системы государственного управления является столь же актуальным «трендом», как и извечный спор о путях дальнейшего плутания России между Востоком и Западом. На смену забронзовевшей номенклатуре приходят «эффективные менеджеры», которые вновь сменяются несменяемыми «государственниками». По старинной российской традиции, государственники это, как правило, бывшие эффективные менеджеры, утратившие эффективность, но сохранившие эффективность позы и алчущие стабильности. Неспроста верхнюю палату «парламента» Николая Кровавого (1906–1917 гг.) – Государственный совет – современники окрестили кладбищем губернаторов и министров. Современность также богата примерами трансформации провалившихся реформы менеджеров в помощников, советников и координаторов очередных столь же провалющихся преобразований.

В подобной ситуации как никогда важно определиться с целью, задачами и направлением кадровой политики: стабильность или инновации, эволюция или прорыв?

Парадокс нынешней системы формирования кадров государственной и муниципальной службы заключен в эклектичном сочетании популистских «вызовов эпохи», архаичных критериев эффективности чиновников и новомодных тенденций отождест-

влять государственное управление с рыночными процессами. Основной, как и всегда в постсоветский период, служат исключительно западные концепции. Так, П. Пластрик и Д. Осборн утверждают принцип зависимости государственных институтов от клиентов и, соответственно, ориентированности госструктур на оказание услуг. Основная продукция любых государственных учреждений – различные «гражданские услуги населению»: от сугубо бытовых (обеспечение энергией или лекарствами) до защиты жизни граждан (правоохранительные, пожарные службы, оборона страны и т. п.). Органы власти также с большей или меньшей эффективностью выполняют некоторые регулятивные функции, формируя правила игры на рынках, выступая в качестве третейского судьи в спорах между общинами, фирмами.

Хрестоматийный менеджеризм реализуется в следующих направлениях:

- решение проблем, а не только предоставление услуг;
- развитие конкуренции между поставщиками гражданских услуг;
- развитие механизмов общественного контроля;
- способствование развитию гражданского общества;
- оценка работы по результатам;
- децентрализация управления;
- руководство целями, а не законами и правилами;
- превращение клиентов в потребителей, предоставление им выбора;
- частичная приватизация государственных функций;
- получение дохода от своей деятельности; использование рыночных (не бюрократических) механизмов регулирования.

В сфере государственного управления некоторые исследователи склонны выделять особую разновидность менеджеризма – социальную. Ее специфика состоит якобы в негласном обязательстве государства оказывать антикризисную помощь клиентам (гражданам) на монопольной основе, ибо страна граждан (клиентов) не выбирает. Среди принципов и технологий социального менеджеризма следует отметить:

- аутсорсинг;
- дерегулирование задач;
- управленческую децентрализацию;

- переадресацию ряда задач третичному сектору экономики;
- ориентацию на внешнюю и внутреннюю среду;
- особый статус клиента;
- социальную ответственность перед государственными служащими;
- установление обратной связи и ответственности государства и гражданина-клиента.

Упомянутые основы «нового менеджизма» ярко демонстрируют абстрактное благодушие парадигмы бесконфликтного социального государства. Авторитетный специалист в области теории управления М. Крозье полагает, что с распространением современных средств коммуникации возрастает степень прозрачности государственного управления. Эффективность детерминируется децентрализацией принятия решений, упрощением процедур и структур, большей самостоятельностью оперативных единиц и управлением «с помощью культуры».

На деле реализация государственной кадровой политики в России по лекалам менеджизма едва ли возможна. Первопричина – в социальной несправедливости, извечном дисбалансе в распределении материальных благ, порождающем как конфликт между народом и чиновниками, так и внутренний конфликт интересов в среде госслужащих. Столь же утопичен очередной наукообразный фантом – т. н. «реальная бюрократия», пришедшая на смену грешащей формализмом веберовской «рациональной бюрократии». А. Оболонский выделяет характерные черты бюрократов-«реалистов»:

- признание неустранимости политической роли бюрократии;
- поиск инновационных форм контроля чиновников, рационального соотношения политических и профессиональных задач в администрации;
- снижение роли вертикальной иерархии, развитие функциональных органов;
- уменьшение значимости традиционной административной «лестницы чинов»;
- создание культуры «государственного предпринимательства»;
- внедрение принципов менеджмента в деятельность госаппарата, перевод его части за рамки государственной службы;

- курс на сокращение и удешевление аппарата, попытки позиционировать государственную бюрократию как «прозрачную» и «отзывчивую» на общественные ожидания и требования.

Примечательно, что идеи «нового менеджизма» наиболее последовательно реализовывались различными по ориентации политическими силами: в Австралии и Новой Зеландии – лейбористами, в Великобритании – консерваторами, в США – демократами. Это лишний раз подтверждает некий «идеологический консенсус» вокруг концептуальной модели реформирования государственной службы, утвердившийся в западной политической элите. Однако идеологический консенсус и отсутствие идеологии – далеко не тождественные понятия. В условиях отрицания идеологической функции государства невозможно не только внятное определение стратегии его развития; главное – принципиально невозможно формирование т. н. «образа будущего» как мировоззренческого конструкта, перспективы и смысла жизни граждан в своей стране.

Дефицит материальных ресурсов в современной России, усугубленный явным дефицитом здоровых моральных установок, удерживающих российское чиновничество от коррупционных искушений, формируют деморализованное население и аморальную власть, но притом – исключительно структурированную коррупцию, еще более снижающую дееспособность власти. Заметим: по эффективности (а главное – оперативности) оказания услуг населению отечественные госструктуры с разгромным счетом проигрывают структурам криминализованному. Итогом является сращивание коррумпированной власти с олигархией, выполнение коррупцией многих социальных функций (в перспективе – замена социальной политики).

Коррупция может стать суррогатом гуманизма там, где власть воспринимается народом как оккупационная – безнравственная, безжалостная и ненасытная по определению. В таких условиях особо ценится умение спасать своих, налаживая лицемерное «сотрудничество», коллаборацию с оккупантами. Коррупция есть своего рода буфер между антинародной властью и народом, власть презирающим. Каждый социальный слой государственного пирога – в собственном соку, ибо озабочен лишь безопасно-

стью и личным благополучием. Чиновничья вертикаль, по сути, на удивление шаткая конструкция, где каждый этаж левитирует над нижестоящим, но все пребывают в подвешенном состоянии. Двоякую роль смазки и связующего раствора, скрепляющего вертикаль и обеспечивающего минимальное равновесие конструкции, и выполняет коррупция: она фиксирует связи между слоями власти там, где у всех интерес един – наворовать, но каждый ворует для собственного обогащения. Коррупция сохраняет иерархический status quo благодаря системе откатов и подношений – самому примитивному обмену веществ, какой только возможен в социальном организме.

Кадровый резерв будущих российских чиновников возвращается в атмосфере подмены ценностей, где главным критерием профессиональной состоятельности является успех (т. е. состоятельность материальная и медийная). Отсюда и обилие популистов, и предпочтение сиюминутных, ни к чему не обязывающих мер, модно именуемых «проектной деятельностью». Незатейливые мещанско-торгашеские приемы извлечения выгоды выдаются за рыночные рычаги управления, что окончательно размывает систему морали, в т. ч. и корпоративной чиновничьей этики. В синдроме деморализации уже деидеологизированного чиновничества, по нашему мнению, отчетливо проявляется кризис основных постулатов менеджеризма, нравственную ущербность которых не способны восполнить ни попытки нового осмысления рациональной бюрократии, ни тем более – потуги модернизировать ее до бюрократии «реальной».

Если представить функциональную эволюцию власти в историко-правовом ракурсе, можно выявить существенную разницу в социальной роли чиновничества и «партийных и советских работников». Первые проходят путь от олицетворения власти до ее представителей. Представительство понимается по-разному:

- работники, нанимаемые государством для удовлетворения нужд потребителей-граждан (американская модель);
- исполнители государственных услуг, нанимаемые обществом (британская модель);
- служащие, реализующие властные распоряжения вышестоящих органов в интересах правового государства (французская модель).

Отметим различные механизмы поддержания авторитета государственной власти: конкурентоспособность в клиентско-ориентированной системе госслужбы США; открытость и компетентность в Великобритании и детальную правовую регламентацию карьеры чиновника – во Франции. Знаменательно, что две первые модели государственной службы характеризуются преобладанием в регулировании подзаконных актов, т. е. экономией юридических ресурсов. Принцип минимизации правовых средств там, где достаточно моральных (например, корпоративных норм или даже обычаев) в принципе не противоречит даже марксистской концепции отмирания государства, извечно критикуемой за т. н. «примат целесообразности над законностью». Однако и британское прецедентное правосудие, и скандинавская нео-психологическая школа права вполне допускают дискуссии о целесообразности реализации юридических норм в качестве критерия полного и всестороннего рассмотрения обстоятельств, при которых данные нормы стоит или не стоит применять. В противном случае пустой формализм порождает властный произвол и, как следствие, недоверие к правосудию и к власти (в лице чиновников, ее представителей). Более того, приоритет норм общественных организаций (например, партийных директив) над формально-юридическими отнюдь не характерен лишь для феномена «кровавого сталинизма». Данный принцип актуализирован, к примеру, в тренде этизации чиновничества, замены административных регламентов комплексом моральных требований и нравственных стандартов.

Чрезвычайно показательно и то, что российская система власти уже около двухсот лет отталкивается от французской парадигмы, предпочитая избыточно-детальное правотворчество принципам инициативы и приоритета моральных ограничений над юридическими запретами. Тем не менее, при всем внешнем сходстве, кардинальное отличие отечественной практики от французской состоит в направленности правовой регламентации. Если во Франции та призвана в первую очередь предоставить гарантии самим госслужащим и защитить их от властного произвола, то российская практика правового обеспечения госслужбы превращает чиновничество в перманентно уязвимую скользкую прослойку в сэндвиче из довлеющей власти и раздавленного народа. Благодаря такой нехитрой и циничной полит-стряпне верховный правитель и его

приближенные снимают с себя историческую ответственность, перекладывая ее на класс вечно виновных бюрократов – мздоимцев, лихоимцев и казнокрадов. Намеренная законодательно предопределенная неопределенность правового статуса субъекта правоотношений (особенно во властной вертикали) есть лучшая основа для любых злоупотреблений и самооправданий.

Роль буфера, ценой собственной репутации снижающего градус народного напряжения, выработал у отечественных чиновников особое отношение к закону: он не имеет ценности эталона; непригоден закон и как инструмент защиты от административного произвола сверху. Но как средства произвола в отношении народа, малопонятные непосвященным многословные и безжизненно-казуистические юридические нормы приспособлены идеально.

Российский закон исторически благословлял самовластие и потому отчасти провоцировал самодурство (причина тому – в правовой неграмотности народа). По той же причине закон никогда не воспринимался массами как гарантия защиты их прав, ибо (в обыквательском представлении) судить по закону и по совести – «две большие разницы». Отсюда изначальное недоверие ко всем проводимым сверху реформам, ибо главный их проводник – российский чиновник – заведомо непорядочен. Причем декларируется сей принцип главным инициатором и гарантом реформ – верховной властью, а та держит чиновничество за полукасту, конструктивно предназначенную для ситуативного битья.

В итоге верховное руководство нарочито не доверяет рядовым исполнителям своей воли. Чиновники, лишенные законных гарантий безопасности (вспомним: начиная с Табели о рангах, госслужба в России практически исключала договорные начала – исключительно отношения власти-подчинения), предпочитают всеми силами продемонстрировать лояльность начальству, пред которым юридически беззащитны.

Мы полагаем, зло укоренилось в самом подходе к формированию кадров государственных служащих. Традиционная доктрина кадровой политики предполагает культивирование кодекса административной морали и систему компенсаций: стабильность и гарантии важнее запредельных зарплат и внезапного карьерного взлета. Менеджеризм (к тому же трактуемый и реализуе-

мый российской властью крайне вульгарно, непоследовательно и фрагментарно) не обещает стабильной карьеры, декларируя инновационность и преимущества конкурентной борьбы наемных сотрудников, но за что? Чьи интересы представляют и защищают чиновничьи кадры? Наемник не может быть патриотом, ибо он есть временщик по определению. Наемный менеджер изначально ориентирован на удовлетворение потребностей конкретного, чаще – индивидуально определенного заказчика. При ориентации на олигархов это коррупция, при ублажении т. н. «агрессивного электората» – откровенный популизм.

Порочный круг насаждения менеджериума в России превращает инновации в нечто вырванное из контекста преемственности, не связанное с общим курсом предыдущих преобразований. Антиэволюционное, но и не революционное, ибо такая «инновация» – не более чем рекламное привлечение внимания к расширению ассортимента услуг (как правило, сомнительного качества).

Практически единственным критерием, отграничивающим государственный интерес от интереса эгоистически-олигархического, служит критерий мировоззренческий. Следовательно, комплектование кадрового резерва должно производиться на основе формирования идеологического иммунитета служащих и к вопросам конфликта интересов, и к искушениям демагогии как источника дешевого политического авторитета.

Таким образом, ориентация власти на т. н. «эффективный менеджмент» в государственном управлении, по сути, деморализует российское чиновничество. Пресловутая веберовская «рациональная бюрократия» и российская практика абстрагирования госслужащего от граждан в итоге не столько обезличивает, сколько откровенно обезчеловечивает представителя власти, образуя клику наемных управленцев без исторической памяти и культурных ориентиров. Инновации мыслятся как минимизация издержек, образование как форма экономической деятельности, а страной управляют как фирмой – с целью получения максимальной прибыли. И посему страшно, но предсказуемо выглядит сценарий, где младореформаторы из числа кадрового резерва чиновников-менеджеров однажды поставят россиян перед фактом «сокращения штатов» населения ввиду ликвидации России (или ее реорганизации путем поглощения более «эффективной» страной).

КОРРУПЦИЯ КАК ИНВОЛЮЦИЯ КРИТЕРИЕВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ МОРАЛИ

АДМИНИСТРАТИВНОЙ МОРАЛИ
КОРРУПЦИЯ КАК ИНВОЛЮЦИЯ КРИТЕРИЕВ

Нельзя, плывя против течения, искать у него поддержки.

Велимир Хлебников

Государство имеет свою логику, свою нравственность,
примиряемую с нормами индивидуальной морали
лишь на известной метафизической высоте.

Н. Устрялов

Иск поиск оптимальной стратегии противодействия коррупции уже седьмой год подряд пребывает в числе «горячих трендов» научных изысканий и потому рискует превратиться в очередную народную забаву (подобно поиску новорусского Грааля – неких «духовных скреп»). В этих условиях научная новизна исследования, как правило, исчерпывается поиском очередных «жестких мер» юридической ответственности и всё более экзотичных запретов.

Национальные планы противодействия коррупции от 2008, 2012, 2014 и 2016 гг., казалось бы, намечают логичную стратегию: от формирования правовой базы – через создание основ антикоррупционной культуры – к реальным мерам борьбы, осуществляемой согласно установленным критериям коррупционности, коррупционности и проч. Однако, по старой русской традиции, «гладко было на бумаге». Заимствованные из западной практики антикоррупционные стандарты, привитые на нашей почве, дали ветвистые коррупционные всходы. Таким образом, благие намерения антикоррупционных инициатив показали на практике высочайший коррупциогенный потенциал.

Разгадку парадокса, по нашему мнению, следует искать в плоскости т. н. административной морали. Симптоматично, что недав-

но (с 2012 г.) власть озаботилась косметическим отбеливанием морального облика своих представителей, предложив разработать варианты Этического кодекса для государственных и муниципальных служащих. Важно подчеркнуть: принятие кодекса, по сути, еще один шаг к формализации антикоррупционного противодействия, и эффективность его собственно этической составляющей близка к нулю. Причина заключается в специфике отношения россиян к позитивному праву и любым официальным ограничениям. Разработка нормативных стандартов этики чиновников есть еще одно механическое перенесение западного опыта оптимизации системы государственного управления на российскую почву. За основу, как всегда, взят американский и британский варианты кодексов. Отечественная версия модельного кодекса мало того что начисто лишена какого-либо своеобразия, еще и грешит серьезными логическими и стилистическими ошибками, непростительными для нормативного материала.

Модель «этичного российского чиновника» предполагает сочетание взаимоисключающих качеств, и прежде всего – политлояльности и гражданской активности, ибо «моральный, гражданский и профессиональный долг государственного служащего – руководствоваться государственными интересами». И в то же время «государственный служащий обязан действовать в общенациональных интересах», поскольку «государственный служащий объективно выступает одновременно как должностное лицо, ... как общественный деятель, ... как наемный работник...». Следовательно, национальный идеал представителя власти воплощен в светлом образе единого в трех ипостасях чиновника, исповедующего триединый догмат лояльности, политической нейтральности и толерантности.

В упомянутом контексте справедливо вспомнить советскую практику борьбы со злоупотреблениями, которая базировалась все лишь на одном принципе – нетерпимости (интолерантности) к любым отклонениям от общечеловеческих ценностей (объективированных в т. н. «советском образе жизни»). Заметим, что и тогда существовал этический катехизис (Моральный кодекс строителя коммунизма), однако он не претендовал на формальную определенность и нормативность, выполняя, по сути, квазирелигиозную

функцию. Не секрет, что уровень коррупции в СССР был гораздо ниже современного.

Нам представляется, что морально-этическое обеспечение государственной службы принципиально невозможно создать на рациональных, технологических, и уж тем более – базарно-рыночных основах. Принципы т. н. «свободного рынка» в оценке деятельности и работы представителя власти недопустимы. В противном случае мы должны согласиться с существованием дорогих и дешевых государственных услуг, и, соответственно, чиновников подороже и подешевле. Отсюда полшага до тотальной коррупции, главный посыл ее – торговля всем и всегда, использование подкупа как наиболее простого (рационального) и эффективного средства целедостижения.

Рассмотрим естественнонаучный аспект коррупции. По нашему мнению, природный ее эквивалент – обмен веществ: тот самый вечный двигатель, благодаря которому якобы эволюционирует природа. И всё же не следует забывать, что параллельно с развитием идет и инволюция – т. е. редукция, упрощение функций с целью приспособления к условиям окружающей среды. Таковы жестокие законы естественного отбора: дольше существует то, что проще устроено. Именно эти законы объясняют живучесть паразитов-приспособленцев, чья стратегия выживания до неприличия проста – массивное размножение и неконтролируемое потребление ресурсов организма, пораженного паразитами.

Приспособленчество как *modus vivendi* ныне если и не пропагандируется открыто, то декларируется в СМИ: «адаптация к рынку», «ответ на вызовы времени». Смысл этих эвфемизмов и симулякров примитивен, как и сами лозунги – за всё надо платить, цель оправдывает средства. Подобная, почти спенсеровская, экстраполяция законов природы на механизмы человеческого взаимодействия, ярко иллюстрирует основной механизм коррупции, где размножение административных сущностей (бюрократизация) становится ключевой стратегией самосохранения чиновников, и, следовательно, главной причиной укоренения коррупции. А материальную базу составляют ресурсы, предоставляемые паразитирующему чиновничеству как дань за выполнение т. н. «государственных услуг». С такой точки зрения нет ничего более

естественного и экологичного, чем коррупция. Однако с древних времен известно: коррупция, в конечном счете, приводит к растлению общества, но прежде всего – обнажает недееспособность власти в выполнении только ей присущих задач, и в первую очередь – в сфере регулирования общественных отношений.

Среди отечественных наработок в антикоррупционной сфере встречаются довольно-таки остроумные решения. В частности, предлагается развивать субъект-субъектные отношения между властью и социумом (вместо патерналистских объект-субъектных). В то же время, по нашему убеждению, указанная субъект-субъектная стратегия требует полного перепрограммирования т. н. «культурно-цивилизационного кода». А именно – кардинального преобразования структуры и системы взаимодействия народа и власти, причем снова по заокеанским лекалам. На западно-ориентированных рецептах «этизации» госслужащих настаивает и авторитетный специалист в исследовании проблем чиновничества – А. Оболонский.

К сожалению, современная российская наука доселе не располагает собственной, учитывающей национальную специфику, методологической базой анализа коррупции. Все стратегии и планы, большинство научных трудов отталкиваются либо от структурного функционализма Р. Мертона, либо от веберовской «рациональной бюрократии» (несмотря на утверждение самого М. Вебера о неприменимости его рецептов к России). Заметим: рационализм в русской культуре никогда не пользовался особым уважением, в целеполагании всегда видится нечто мелочное, эгоистичное, сиюминутное. По мнению того же М. Вебера, целерациональные социальные действия оправдываются мотивом самосохранения и характерны для кризисных периодов в истории, когда выжить нужно любой ценой. Более того, веберовский план совершенствования общества тоже основан на этике – протестантской.

В данном контексте необходимо сфокусировать внимание на еще одном компоненте, внедряемом в этику и профессиональную практику госслужащих – конкуренции. Западное «разделение властей», трактуемое как система сдержек и противовесов, предполагает конкуренцию не только ветвей, но и представителей власти. Но за что те должны конкурировать? Очевидно, самое простое

конкурентное преимущество – внимание, медийная известность, что доказывается огромным градусом популистской активности современных российских чиновников. Ходить в политшутах сейчас не только этично, но и престижно, главное – использовать авторитет власти для ничем не подкрепленных громких заявлений. Но ведь злоупотребление авторитетом власти (служебным положением, влиянием) упоминается в Конвенции ООН против коррупции (2003 г.) в качестве криминализованных деяний (ст. ст. 18, 19). Значит, установление рыночных критериев «эффективности и конкурентоспособности» может стать мощным коррупциогенным фактором. Конкуренция, как и коррупция, разлагает общество, превращая социум в конгломерат эгоистичных, озабоченных пресловутой «самореализацией» особей (не индивидов). Особенно опасно это в тех областях, где консолидация, так сказать, является конструктивной особенностью и залогом дееспособности – в системе государственного управления. Как тут не вспомнить фразу И. Эренбурга: «Однодумье – дело, движение, жизнь. Раздумье – прекрасное и блистательное увеселение, десерт предсмертного ужина», – это ведь и о модной одержимости разделением властей! Важно подчеркнуть: конкуренция как перманентно конфликтное состояние и ныне возрождаемая в России соборность суть принципиально несочетаемые понятия. Первое предполагает рациональное целеполагание, второе основано скорее не на единстве целей, а на со-чувствии, ибо иррационально.

Излишняя рационализация этики государственных служащих никоим образом не поспособствует противодействию коррупции, т. к. упрощение, рационализация и цинизм – категории одного порядка. Осознание государственной службы как миссии – вот фундамент, на котором возможно возведение административно-моральных конструкций. К великому прискорбию, нынешняя практика этизации чиновников предпочитает идти от противоположного, не понимая, что выбор Пути всегда важнее постановки цели. В итоге мы имеем массу абсурдных запретов: от т. н. «административного кокетства» («поведение, которые может восприниматься как обещание или предложение дачи взятки», см. Национальный план противодействия коррупции, 2014 г.) до отдельных фраз и тем, категорически не рекомендованных к обсуждению в диало-

гах госслужащих с гражданами. В этой связи неудивительно, что к формальным ограничениям и принято относиться формально, трактуя нормы этического кодекса подобно юридическим нормам: по принципу «незнание закона не освобождает от ответственности – стало быть, знание – освобождает». Например, достаточно истолковать конструкцию «может восприниматься» от противного (не может восприниматься, может не восприниматься), дабы стряхнуть с себя груз моральной ответственности за возможное вымогательство взятки.

Разумеется, наши критические замечания – отнюдь не повод предать анафеме идею этизации служебного поведения. Вместе с тем не стоит абсолютизировать значение этических кодексов в антикоррупционном противодействии. Этика как научная категория по определению должна быть предметом дискуссии, мораль (как система общепризнанных стандартов) во многом зависит от преобладающих в обществе ценностей. Опору любой морали составляет нравственный стержень каждого члена общества (в варианте административной морали – нравственный облик каждого представителя власти). Итак, этика вырастает из морали, а та – из нравственности, но не наоборот.

В русской традиции харизматического правления лояльность власти зачастую подменялась (снова упрощение) личной преданностью правителю. Казалось бы, личная преданность – облигатный признак коррупции. В то же время история свидетельствует, что абсолютизм (Петр I) или тоталитаризм (И. Сталин) вовсе не были питательной почвой коррупции. С другой стороны, поставтократия в нашем Отечестве всегда оборачивалась конкуренцией (двое-трое-властием) и торговлей властью, соответственно – резким ростом коррупции. Значит ли сие, что гарантом антикоррупции будет исключительно несменяемый и безальтернативный правитель России? Разумеется – да, когда тот является носителем идеала нравственной безупречности и патриотизма. Во всех прочих случаях сам факт концентрации власти лишь обостряет проблемы злоупотреблений в среде государственного управления. Служение редуцируется до прислуживания, преданность государственным идеалам упрощается до лояльности конкретному начальнику, а служебная этика низводится до перечня верноподдан-

нических ритуалов, превращаясь из Пути в транспортное средство карьерного роста. Вот отчего включение в этические комиссии (равно как и в комиссии по урегулированию конфликта интересов) «лучших людей» может сыграть и за и против коррупции. Всё зависит от нравственных критериев, по которым они признаются лучшими: либо «рыночная эффективность» и верность барину, либо преданность делу и принципиальность. Разрешение дилеммы лежит на поверхности: модное участие в антикоррупционных кампаниях т. н. «общественных советов» при государственных органах, как правило, не более чем имитация и фарс.

Мы убеждены: только смена системы координат административной морали, возврат к истинно национальным традициям служения Отечеству (в самом иррационально-религиозном смысле) в перспективе реанимируют (буквально с лат. «вдохнут душу») в абстракцию административной морали. В конце концов, моральное осуждение (например, в виде исключения из правящей партии) – серьезная санкция, способная перечеркнуть карьеру зарвавшегося «успешного» чиновника-коррупционера, а это значит, что у нравственного регулирования противодействия коррупции в России есть огромный неисчерпанный и неиспользуемый пока потенциал.

МЕРИТОКРАТИЯ В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

ROSSIN: ISTORICHESKIE UROKI MERITOKRATIYA V KADROVOY POLITIKE

Идея избрания слишком легко вырождается
в сознание особой привилегированности,
между тем как она должна родить
обостренное чувство ответственности
и усугубляться требовательностью к себе.

С. Булгаков

– Это – не народ? Это хуже народа, это лучшие люди города!

Г. Горин

1роводимые в последнюю пятилетку реформы отечественного государственного управления осуществляются под лозунгом «достойных – во власть!». Подобная риторика заставляет нас вспомнить изрядно подгулявший в 90-е годы дух меритократизма и оценить современный потенциал меритократических основ профессиональной подготовки государственных и муниципальных служащих. Действительно, начиная с приснопамятного переименования милиции в полицию, переаттестации, конкурсы и экзамены стали хитами в шоу-кастинге чиновничьих кадров. Абсолютизация конкурентных начал во всех сферах управления позволяет даже высчитывать рейтинги эффективности чиновников, словно те – самостоятельные игроки на рынке оказания государственных услуг населению.

Неудивительно, что превратное понимание менеджмента, нездоровая конкуренция за место в рейтинге и прочие медийные преимущества сформировали меркантильное отношение чиновников к выполняемым обязанностям (которые у менеджеров принято называть функциями). Рост коррупции во всех сферах управления обострил и антиправительственную риторику: оппо-

зиционеры тоже требуют «достойных – во власть!». Казалось бы, в этом удивительном совпадении – предпосылка взаимодействия общества и государства, ключ к гражданскому согласию. Между тем, верховная власть РФ и т. н. «оппозиционеры» по-разному недовольны служилым сословием, и здесь кроется глубинное противоречие: если власть должна принадлежать достойным, чего должны быть достойны власть предержавшие?

Как считает верховная власть – в первую очередь, достойны тех «общественных форм» (по выражению П. Лаврова), уже созданных и потому незыблемых, ибо – стабильность. С позиции «оппозиции», необходимо вырвать государственное кормило у недостойных, но вот кто его достоин – «болотные» критиканы не уточняют. Таким образом, современный меритократический дискурс в России определяется, главным образом, убогим протестным популизмом, по сути, основанным на фрустрации одиозных представителей «креативного класса» и отлученных от госбюджета реформаторов ельцинского разлива.

Рассмотрим концептуальные основы меритократической утопии: даже на базовом уровне обнаруживается коллизия между формами реализации меритократии:

- предпочтением в административных назначениях пестуемым властью «талантам»;
- культивированием одаренных чиновничьих особей.

В первом случае это своего рода оправдание самого факта существования неприкосновенной элиты, во втором – либеральное позерство на тему «равных возможностей» и доступности образования. Обозначенная дилемма проявляется и в социальных следствиях меритократизма: с одной стороны, формирование некоей ГМУ-аристократии и значительное сокращение вертикальной мобильности для «остального населения»; с другой – чрезвычайно размытые критерии достоинств и достойности. Так что же есть меритократия: власть достойных или достоинство властвующих?

Как правило, меритократический фантом оживляется в условиях острого кризиса легитимности власти. Так и сейчас в России: шумные показательные антикоррупционные процессы и обилие в СМИ информации о злоупотреблениях чиновников не могут не породить желания отстранить от власти персон, ее порочащих. В 2010 г. министр внутренних дел РФ объяснял сложность полицейской

реформы тем, что ему, мол, негде набрать «инопланетян», не вооружающих и законы чтущих. Дескать, реалии Отечества вынуждают служащих опускаться до уголовщины. По нашему мнению, с данной точкой зрения невозможно согласиться. Безусловно, кадровые чистки и (особенно) обновление кадров – долгая кропотливая работа. И в этой связи особое значение придается теории и практике подготовки управленцев в сфере ГМУ.

В самом примитивном меритократическом понимании управленец уже достоин власти. Чтобы сидеть на троне, достаточно иметь зад, как говаривал Людовик XIV. Ему же принадлежит мудрая фраза о том, что, давая кому-то новую должность, король рождает одного неблагодарного и девяносто девять недовольных. Следовательно, первая проблема – отбор достойных.

Историческая практика выработала всего пару таких механизмов. Первый – выборный, понимаемый (сообразно историческому контексту) как поединок, конкурс, экзамен, тестирование. Заметим: вектор – в сторону опошления идеи до механического сопоставления вопросов и ответов в тестах. Второй – преемственный и даже наследственный, его также можно низвести до формальной рокировки в высоких креслах. Нам представляется, что русской этакратической политкультуре гораздо ближе последний вариант. По большому счету, нет ничего ужасного в наследственной предрасположенности к служению Отечеству. И коль скоро сейчас прием будущих чиновников на факультеты ГМУ идет по результатам ЕГЭ, то, возможно, более перспективным станет приоритетное зачисление на бюджетные места детей государственных и муниципальных служащих. Поясним: в подобной практике не будет коррупционной составляющей, если зачисление вне конкурса подкрепляется предъявлением к «потомственным служащим» исключительно высоких моральных требований. В рамках нелепой, административно-всезапретительной борьбы с коррупцией весьма легко с водой выплеснуть, как говорится, и ребенка – т. е. ликвидировать трудовые династии. Вполне очевидно, что дети медиков с молодых ногтей гораздо больше знают о людских страданиях, нежели прочие дети. Отпрыски военных воспитываются в традициях патриотизма и стойкости, так чем хуже потомки гражданских чиновников, которые (по идее) просто обязаны воспитываться патриотами? Мы убеждены: и для поборников запретов

в нашей модели формирования кадров госслужбы найдется поле деятельности. Например, параллельно запретить отпрыскам государственных и муниципальных служащих обучаться в зарубежных вузах. Названная мера лишь сделает родителей-чиновников не только патриотичнее, но и заставит заботиться о повышении качества и престижа отечественного образования.

Важно подчеркнуть: затянувшиеся на долгое тридцатилетие поиски парадигмы государственного развития фрустрировали россиян, лишив страну идеологии и вектора развития. А посему главной задачей образования мы считаем возрождение исконно русских традиций преобладания в образовательном процессе воспитания над информированием, возвращение уважение к Учителю, а не тьютору, спикеру или модератору. Там, где за основу берутся нравственные координаты, повысить уровень профессионализма не составит труда.

Проанализируем действующий компетентностный подход к обучению чиновников. Невозможно прописать отдельной компетенцией «способен любить Родину» или «возможность работать на благо Отчизны» – это абсурд. Получается, существующий ремесленно-технократический подход к подготовке чиновников реализуется в выпуске безликих запчастей государственной машины, где каждый знает свой функционал, но не видит своего предназначения, а потому – не чтит общей миссии. Сей конструктор государственного менеджмента удобен разве что для списания ответственности – так оно и происходит, по старинной схеме «жалует царь, да не жалуется псарь». Но «псари» воистину беспощадны, когда вместо гуманизма им внедряют одни лишь «компетенции». Это даже не узкий профессионализм, это профанация идеи профессионализма.

Критерии оценки достоинств кандидатов на госслужбу – еще один спорный момент меритократического дискурса. Там, где всеобщие выборы низведены до массовой в заранее отработанном сценарии, говорить о преимуществах избрания лучших смешно, ибо в списках уже фигурируют «лучшие из худших». Отбор по документам (дипломам, сертификатам) опошляет саму идею «хождения во власть» наиболее достойных уважения, поскольку те, как правило, не рассматривают погоню за сертификатами в числе жизненных приоритетов. Подобная практика уже наводнила государ-

ственную службу полуграмотными фигурантами из сонма активистов, чья цель – усердный сбор сертификатов как единственного доказательства их земной экзистенции.

В стране, где демократические и даже псевдодемократические процедуры суть бутафория и буффонада, остается авторитарно назначать достойных из числа доверенных. Например, в «эпоху полицейской реформы» (2010–2011 гг.) личное поручительство действующего сотрудника ОВД за неопита рассматривалось даже как антикоррупционная мера. Коррупциогенный потенциал такой методы очевиден: вместо «команды управленцев», скорее всего, возникнет клиента.

И всё же нам представляется, что потенциал подготовки чиновников из круга лиц, заслуживающих доверия, до конца не исчерпан. В первую очередь – благодаря наличию нормативно закрепленных механизмов, облегчающих отбор «из числа своих». Ключевой – процедура увольнения в связи с утратой доверия, с помощью нее власть закрепляет свое право очищаться от тех, кто доверия не заслуживает. Осталось лишь решить вопрос: чье доверие нужно заслужить? Если служить конкретному начальнику (при формальном понимании, согласно букве закона) мы имеем клиентистскую модель коррупции; если служить Отечеству (коему равно призван служить и начальник – согласно духа закона), Россия еще может пережить расцвет чиновной культуры.

Разрешение дилеммы «служить или прислуживаться?» и есть суть конфликта интересов, в то время как его зачастую подменяют обсессивно-компульсивным раздвоением между должностными обязанностями и личной заинтересованностью. При этом выгоду от службы, по общему правилу, госслужащему сулят «искусители» из числа «граждан и организаций», но отнюдь не должностные лица, в то время как любой набор команды управленцев начинается с их мотивирования. Выходит, главный «искуситель» здесь – начальник, а вовсе не граждане-просители или субъекты бизнеса. По нашему мнению, помимо технического совершенствования законодательства, на уровне антикоррупционной профилактики стоит всерьез задуматься о смещении акцентов в самой диагностике и квалификации конфликта интересов. Ликвидация зависимости от начальства есть первый шаг на пути формирования власти, достойной своего предназначения.

Итак, меритократия имеет массу недостатков. Основной из них: набор чиновных достоинств может диктовать мода. К примеру, печальный опыт перестройки и «шоковых терапий» – пребывание у власти младореформаторов из числа теоретиков. Затем пришла мода на сертификаты МВА и «эффективных менеджеров», и побочные эффекты их политики отнюдь не оздоровили ситуацию в России. Сейчас велик спрос на решительных (но ничего не решающих) государственников-младопатриотов, готовых (как писал Салтыков-Щедрин) «во всякое время и отца родного с кашей съесть, и самому себе в глаза наплевать».

При всей отрадности возрождения (пусть и в самых лубочных формах) державного патриотизма, нельзя не отметить тенденцию к проникновению во власть амбициозно-агрессивной молодежи. Многие представители «молодых, да ранних» не обогащены интеллектом и знанием родной истории, а посему мыслят и глаголют на грани экстремизма, что для представителя власти категорически недопустимо. Требуется самым жестким образом зачищать властные органы от юных популистов и ура-патриотов. Равным образом опасны и массовые молодежные движения, ставящие целью сфабриковать многотысячные орды лидеров, топ-менеджеров и успешных чиновников. Нельзя подменять вечные ценности набором эффектных приемчиков, как, к примеру, в названии селигерской смены «Технология добра». Неразумно выстраивать рейтинги государственных и муниципальных служащих, оценивая их эффективность по «продажным» показателям. Извращенная практика насаживания менеджмента на властную вертикаль приведет, в конечном счете, к окончательному структурированию новой «меритократической номенклатуры», выстроенной в зависимости от доступа к телу вышестоящего барина.

Необходимо осознать: истинной ценностью в системе подготовки кадров для госслужбы должна стать нравственная чистота власти. Не политиканское юродство, а этическая безукоризненность и человечность. Последнее условие особенно трудно соблюсти тем, кто разделяет добро на высокотехнологичное, низкотехнологичное и нано-добро (в зависимости от чиновного функционала). Безусловно, каждая должность на службе имеет свой предел полномочий, но сие не значит, будто реализуя полномочия, невозможно подходить к делу творчески. В отличие от

убогого креатива, творчество основано на избыточности усилий в отношении решаемой задачи (еще лучше – сверхзадачи). Политическая культура россиян веками формировалась в координатах этакратии, где представитель власти воспринимается если не как вождь (вождь должен быть один!), то несомненно как носитель взвешенного экспертного мнения. Вот отчего в современной напряженной ситуации столь опасны незрелые полуобразованцы-политиканы. Они составляют резерв экстремизма.

Таким образом, мы предлагаем несколько изменить иерархию качеств и ценностей, что позволит кандидатам на чиновничьи кресла быть достойными не их помпадуров-начальников, а допущенными к выполнению миссии служения Отечеству. Сознание миссии должно питать и культивировать в них конструктивно-критическое мышление: по ценному замечанию П. Лаврова, критическая мысль стремится революцию предупредить, а не вызвать. Место внешних (разумеется, более простых, дешевых и внешне эффективных) регуляторов служебного поведения (страх наказания) должны занять регуляторы внутренние, нравственные (стыд). Истинный профессионал не будет себя уважать, когда не сделал всё возможное (а порой и невозможное) для решения проблемы. Чем больше будет служащих, в присутствии которых остальным стыдно творить произвол и заниматься популизмом, тем быстрее оздоровится кадровая ситуация на государственной и муниципальной службе.

ДВУПОЛЯРНЫЙ МИР: БОРЬБА ДОБРА И ЗЛА ИЛИ СОГЛАСИЕ НА МЕНЬШЕЕ ИЗ ЗЛА?

ИЗ МЕНЬШЕЕ ИЗ ЗЛА?
БОРЬБА И ЗЛА ИЛИ СОГЛАСИЕ
ДВУПОЛЯРНЫЙ МИР: БОРЬБА

На необитаемом острове обнаружили старого еврея,
построившего там за годы одиночества две синагоги.

Его спрашивают: «А зачем две?».

Еврей отвечает: «В одну я хожу молиться,
а вторая – шоб моя нога туда не ступала!».

Одесский апокриф

Два мира – два Шапиро.

Одесская мудрость

Рост напряженности в отношениях между Россией и странами Запада (США и ЕС) вновь актуализирует споры о т. н. биполярном (или двуполярном) мире, о самой возможности и перспективах его существования. Построение модели двуполярного мира сейчас не только тема политдискуссий. Борьба за мировое господство находит отражение даже в учебных дисциплинах – в частности, в курсе «Время России», посвященном новейшей истории нашей страны. Российская Федерация мыслится многими политиками как гарант двуполярности и серьезная альтернатива глобальной американизации и шире – экспансии западных ценностей. Изучая историю вопроса, можно прийти к выводам, что громогласное кликушество о новом торжестве Третьего Рима, как минимум, несколько преждевременно. В грядущем – возможно, но, увы, не теперь.

Сама идея третьего Рима зародилась задолго до приснопамятного монаха Филофея; тот же лозунг с переменным успехом использовали Оттоны из Саксонской династии – императоры

Священной Римской империи. Примечательно: до Великой Схизмы 1054 г. тезис о христианском Риме (преемнике древнего Рима и Константинополя) как валюта в политическом торге почти ничем не обеспечивался, но позже стал идеологическим обоснованием крестовых походов – первой, по сути, попытки установить гегемонию в средневековом мире. Мы сознательно не рассматриваем древность (завоевания Александра Македонского и все древние империи). Дело в том, что противостояние двух систем язычества и последующая победа одной из них никогда не были основанием для создания стабильной «глобальной» супердержавы: вспомним тот же распад империи Александра Македонского вскоре после его смерти.

Приведенные примеры позволяют утверждать, что сам феномен однополярного или двухполярного мира следует рассматривать в нескольких системах координат (и, соответственно, историко-софских контекстах).

Во-первых, конкуренция, борьба за экономическое могущество. В данной ситуации отграничить какие-то полюса невозможно, ибо речь идет лишь о количественных критериях (обладание ресурсами). Здесь условный «второй полюс» – заведомо слабый соперник, а победитель (от соперника малоотличимый) являет собой как бы меньшее из двух зол.

Во-вторых, борьба за политическое превосходство, в основе которого – идеологическое доминирование (по нашему мнению, без идеологии не существует политики, без нее лишь набор манипулятивных клише). Такой ракурс предполагает качественные различия политических систем и цивилизаций и проясняет, отчего всякая претензия на мировое господство нуждается в идеологическом обосновании, апеллируя к религии и истории. В частности, русская концепция третьего Рима (уже как идеологический конструкт) базировалась не только и не столько на военно-политических успехах. Русь, стяхнувшая с себя монголо-татарское иго, являла живой пример торжества национального духа (неотделимого на тот момент от православия) на фоне конфликтов эпохи Реформации и военных успехов Османской империи в Центральной Европе. Именно религиозный контекст позволил Московскому государству громко заявить о себе в XVI–XVII вв. и отстоять национальный суверенитет в Смутное время.

В то же время Европа, ввергнутая в Тридцатилетнюю войну, в итоге пытается деидеологизировать политику, формируя принципы т. н. вестфальской системы баланса сил. Разительное отличие России от Европы тогда проявилось в отказе последней от концепции исторического обоснования прав, что для России неприемлемо и по сей день. В русской системе нравственных ориентиров деидеологизация тождественна деморализации (вот почему, например, большинство россиян считают перестройку предательством, и никто – построением аморфного «социализма с человеческим лицом»). В XVIII в. религиозная доктрина «Русь – оплот православия» органично дополняется мессианством власти (государь как первый из слуг Отечества), что позволяет нашей стране прочно обосноваться в первом ряду мировых держав. Следующий век закрепляет ее статус уже в качестве «оплота стабильности» (или «жандарма Европы») в противовес охваченному буржуазными революциями евро-пространству. И в этой связи очень показательно, что первая же попытка скорректировать идеологическую доминанту отечественной политики (реформы 1860–1870-х гг., своеобразная «перестройка» царизма) оборачивается терроризмом и идеологической диверсией западных социалистических учений в Россию. Первая мировая война, в сущности, не имела иных мотивов, кроме экономических, а борьба за гегемонию, лишенная идеологической составляющей, неизбежно оборачивается преступным переделом сфер влияния, захватом территорий и рынков сбыта. По этой причине ни в одной стране-участнице Первой империалистической ее (войну) нельзя считать Отечественной.

Торжество марксизма-ленинизма над империализмом приводит к появлению качественно новой системы государства и вообще – социальных отношений. Именно уверенность в исторической правоте, вера (несмотря на примат материализма, в основе своей – всё же религиозного свойства) позволяет советскому народу одержать великую Победу в битве с мировым злом – нацизмом. По большому счету, нацизм есть апофеоз циничности пост-вестфальской западной геополитики исповедования эгоистических «национальных интересов» в ущерб всему человечеству, а потому – предпочтения прагматичной выгоды в отношениях с союзниками и противниками (как Мюнхенский сговор 1938 г.).

Победа над фашизмом стала началом формирования мировой системы социализма, после чего можно всерьез говорить об истинно двуполярном мире, в котором каждая из сторон считала другую не просто конкурентом, но воплощением зла. Двуполярный мир – это противоборство добра и зла, а не зла и меньшего из зол (чем позиционируется, например, экспортный вариант демократии американского пошиба). В последнем случае противопоставление есть имитация, фарс, призванный запугать оппонента и принудить побежденного к согласию на «меньшее из зол». Такова технология управляемого хаоса, реализуемая «командой Обамы».

Настоящий двуполярный мир был в эпоху холодной войны, двух мировых систем: социализма и капитализма; свободы и рабства. Ныне же высказывания о двуполярности вымучены, т. к. Россия использует для рекламы своих «преимуществ» (некоей стабильности – фетиша, коему велено поклоняться) американские средства, устраивая хаос у своих соседей. Борьба идей вырождается в «конкурс профессионального мастерства», и лидирует в нем лучше экипированный, а не правый, ибо о правде речь не идет. Нынешние претензии российской милоновщины на альтернативу т. н. «гейропе» унижительны для нашего Отечества и его многовековой культуры. Неужели в России не осталось других ценностей, кроме как «сокровенное знание» о единственно правильном способе производства детей? Заявления бесчисленных российских политшутов и псевдо-православных популистов серьезно подрывают авторитет нашей страны, настраивая против нее прогрессивно думающих европейцев. Которые, кстати, полагали, будто грядущее принадлежит православным державам, и особенно России («Ортодоксия» Г. Честертона).

Таким образом, мир по определению не создан однополярным, но предназначен таковым стать. Когда существовала мировая система социализма, Западу она была отчасти выгодна: капиталисты демонстрировали свои преимущества в бытовом комфорте и выглядели презентабельно. После краха СССР всем странам ясно: капитализм лишен существенных преимуществ, с переходом к рынку никто лучше жить не стал. Сейчас монстры империализма специально сеют хаос в обедневших постсоциалистических стра-

Часть II. Теоретизированная (обобщенная) практика

нах, дабы как-то сохранить и оправдать «преимущества свободного мира» – на фоне нищеты, войны и разрухи сравнительно спокойная Европа и Америка кажется просто раем земным. Воистину: «в одну синагогу я хожу молиться, а вторая – шоб нога моя туда не ступала!».

К сожалению, Российская Федерация, на конституционном уровне исключившая идеологическое обеспечение государственной власти, напрасно тщится что-либо противопоставить растущей гегемонии США. Последние нелепые споры о «приватизации Победы» между странами-участницами антигитлеровской коалиции лишь обнажают нравственное истощение евро-ценностей. В связи с этим мы полагаем, что подлинный двуполярный мир сейчас это скорее не Россия и США, а останки обветшавшей «белой цивилизации» и исламизм – возможно, последний «изм» в человеческой истории человечества.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ «РУССКОГО МИРА» В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ ГЕОПОЛИТИКИ (к 85-летию М. Горбачева)

(к 82-летию М. Горбачева)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ «РУССКОГО МИРА» В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Более неприятны Богу не те, кто его отрицает,
а те, кто его компрометирует.

Н. Устрялов

Человек, обманывающий ожидания – ненавистен,
даже если дает больше, чем обещал.

М. Анчаров

В последнее время, когда россиянам наконец-то дарована национальная идея, для удобства восприятия упакованная в авоську «патриотизма», всё чаще вспоминают фразу С. Джонсона о том, что патриотизм – последнее прибежище негодяев. Не озабоченные патриотизмом и не явно не отягощенные образованием, современные т. н. либеральные оппозиционеры, а по сути – критиканы-горланы-главари акцентируют слово «негодяй», в то время как истинный смысл сего мудрого изречения заключен в слове «последнее».

Как свидетельствует история, агония цивилизации обыкновенно отмечена неудачной, глупой и позорной войной, последней попыткой умирающей державы поиграть мышцами и сплотить нацию против реального или выдуманного внешнего врага. В отечественной историографии таковыми принято считать войны Ливонскую, Крымскую и особенно – русско-японскую (ленинское «падение Порт-Артура есть пролог к падению самодержавия»). В новейшей истории перед нами сразу встает зловеющая тень афганской войны, а за ней – самое несмываемое пятно в тысяче-

летней русской истории – пятно Горбачева. Войны, как форма существования за пределами добра и зла, обостряют восприятие кризиса миропорядка. Болезненнее всего утрата властью контроля над ситуацией переживается в патерналистских государствах, где люди связывают любой внешнеполитический провал своей страны с непосредственной угрозой собственной безопасности, а потому вместо ожидаемого властью сплочения сразу дистанцируются от вождя, допустившего непростительный промах.

С Афганистаном было по-другому, афганскую кампанию сочло «неэффективной» само руководство страны в лице М. Горбачева. Так, в интервью р/с «Эхо Москвы» (15.02.2009 г.) тот вспоминал: «Когда мы встретились в Женеве с Рейганом, я сказал: «Мы будем уходить из Афганистана. Мы хотим, чтобы это была свободная нейтральная страна. И согласимся с тем режимом, который будет устраивать афганцев»». Причину Горбачев видел в возможности «увязнуть» в Афганистане по аналогии с вьетнамской войной США: «мы воюем уже шесть лет. Если не менять подходов, то будем воевать ещё 20–30 лет».

Подобное поведение последнего (во всех смыслах слова) президента СССР наглядно доказывает: роль его сводилась к функции меченого атома, внедренного в советский государственный организм, дабы разрушить его изнутри. По нашему мнению, пресловутое «предательство Горбачева» состояло не только в политическом курсе, нацеленном лишь на получение Нобелевской премии и одобрение заокеанских хозяев, ради чего президент СССР не погнушался развалить Родину, но объединить Германию. И не столько в попустительстве обвального-энтропийным процессам распада СССР, сколько в том, что именно он, Горбачев, эти фатальные процессы инициировал.

Симптоматично: за геополитикой в Советском Союзе начали признавать научный статус именно при перестройке. До этого геополитика считалась буржуазной лженаукой, оправдывающей территориальную экспансию империалистических государств и предоставляющей идеологическое обоснование агрессивной внешней политики империализма. Геополитика цинична именно потому, что «теоретическую» базу ее составляет вульгарный экономический детерминизм, завернутый политмаркетологами в привлекательный фантик «национального интереса». Нет дру-

зей и врагов, существуют лишь партнеры и конкуренты. С данной точки зрения геополитика есть не больше чем технология стравливания народов, решительно исключающая нравственную оценку происходящего. Главное – мотивация и результат, победителей не судят. Таким образом, геополитика сознательно игнорирует вопрос, доселе почитавшийся архиважным в русской цивилизации – вопрос о моральном праве поступать именно так, а не иначе.

Важно подчеркнуть: каковы бы ни были отношения власти и народа на протяжении драматичной истории нашего Отечества, в критические моменты русские люди были едины в осознании миссии Святой Руси, Третьего Рима, стержня мировой системы социализма. При горбачевщине, пожалуй, впервые за тысячу лет русских заставили каяться – а те, оказывается, этому не обучены! Покаяние устроили по западной указке, путем тотальной (а потому неразборчивой в средствах, вплоть до откровенных фальсификаций) десталинизации, а вместе с ней – признания факта угнетения нерусских народов СССР. Особый трагизм состоял в том, что до этого власть (даже самая реакционная и антинародная) никогда не позволяла подобного покаяния, утверждая принцип моральной правоты русской цивилизации и высокую миссию народа-богосца (позже – строителя коммунизма). Привыкший к патерналистской опеке, наш «социально доверчивый» (эпитет Н. Гредескула) народ даже не думал сопротивляться меченому демагогу. В результате вся «катастрофка» прошла под знаком покаяния, а по сути – вытравливания из национального сознания идеологического иммунитета. Советский человек был побежден и завоеван в результате измены того, кому больше всего доверял – вождя, а по факту – партийного иуды. Отсюда не только парад суверенитетов 1989 г., но и утрата русским народом статуса государствообразующей нации, соответственно – начало эпохи русофобии и межнациональной ненависти на постсоветском пространстве.

Сказанное, с одной стороны, подтверждает, что русских могут победить только русские (слабое утешение!), с другой – при определенных условиях предательство одного человека способно положить начало эре безвременья во всем мире. После распада мировой системы социализма ни одно из входивших в нее государств не стало более процветающим и развитым. Что и говорить о развивающихся странах, когда-то ориентировавшихся на Советский Союз?

Сформированное безвременьем отношение к «русским» (собира- тельное понятие, отождествляющее многонациональный народ и власть в РФ) как предателям идей социальной справедливости определило и современный, весьма зыбкий и неопределенный геополитический статус России – правопреемницы Союза; спрово- цировало превращение Отечества в страну-маргинала, которая вместо миссии носителя общечеловеческих ценностей предпочи- тает бить первой, когда драка неизбежна. В результате подмены понятий (вместо мессианства и миссионерства – геополитический гешефт и новое «мышление»), советские люди, ослепленные про- жектором перестройки и лишённые идеологического иммунитета (руководящей роли партии), «застыли в глубоком пардоне», остол- бенев от якобы схожести многих событий (познеровское «амери- канцы такие же, как и мы»). В частности, от сходства войны аф- ганской и войны вьетнамской. Но сие было всего лишь иллюзией; кардинальные отличия состояли в нравственном наполнении этих кампаний.

Истари Россия жила по христианским канонам соборности и жертвенности. Именно наша страна противостояла почти всей Европе в целях освобождения Европы же от мирового зла в эпоху Отечественных войн 1812 и 1941–1945 гг. Россия инициировала создание в 1815 г. Священного союза, провозгласив христианские основы внешней политики. В XX в. СССР настаивал на создании антигитлеровской коалиции, прекрасно сознавая, что борьба с на- цизмом – не просто очередной геополитический кейс. В этой связи чрезвычайно показательны изречение Н. Устрялова о том, что фа- шизм есть рецидив язычества, а в большевизме нельзя не заметить подспудного действия неиссякаемых христианских энергий. И ког- да Красная Армия начала освобождать буржуазные страны Евро- пы, там понимали: Советский Союз имел на то моральное право как держава, исповедующая гуманистические ценности свободы, истины и справедливости. С той же самоотверженностью русский народ всегда оказывал помощь братским христианским народам (русско-турецкие войны), а народ советский поддерживал народы, угнетенные западными колонизаторами (поэтому СССР был очень уважаем в арабском мире; ни о каком антисоветском джихаде тог- да и речи быть не могло). Говоря об исламском факторе, следует признать, что и здесь угодливая внешняя политика Горбачева по-

служила причиной распространения радикального ислама в Афганистане, а затем в республиках Средней Азии и в России: сначала на Северном Кавказе, далее – повсеместно.

Разумеется, были в отечественной истории и дипломатические неудачи, и невыгодные соглашения (Парижский трактат, Портсмутский мир, «похабный» Брестский мир), но указанные факты никоим образом не влияли на характер миссии нашего государства в мире, на суть декларируемых ценностей. У большевиков хватило и ума и деликатности, но главное – исторической прозорливости – не лишать русский народ их веры в богоносительство. Напротив, коммунистическая идеология сделала ее еще более значимой, пресуществляя в духе пролетарского интернационализма. Если большевики признавали ошибки и обвиняли в преступлениях предшественников (тезис «Россия – тюрьма народов»), то делали это тонко, тактично, возлагая ответственность на царский режим. Такая практика не имела ничего общего с перестроечным «покаянием» и была вполне традиционной для России, которая и при царях жила в координатах «преемственности отрицания». Но Горбачев как представитель именно народной власти впервые «делегировал ответственность» всему народу, одновременно сложив ее с себя. Возможно ли что-то более подлое?

Предательство Горбачева сродни ренегатству, тайному переходу в другую веру – веру врагов. Перестроечный идейный плюрализм вылился в появление вместо цельного мировосприятия – сомнительных конструкций для внешнего применения (геополитика – беспринципная по определению) и внутреннего употребления, где на смену неясному «социализму с человеческим лицом» пришли заигрывания с РПЦ в милосердие и, опять же, покаяние. Естественно, сей квази-идеологический сумбур способен был запутать кого угодно. Для миллионов советских людей перестройка стала пароксизмом массового отчаяния в условиях отсутствия идеологической опоры – того самого смысла жизни, ощущения, что ты и твои предки жили не зря. Светлое будущее для каждого или колбаса для себя? – вот какую дилемму предлагало разрешить «новое мышление».

Крайне важно: до рокового 1985 г. непростое и неоднозначное развитие русской цивилизации ничуть не поколебало ее альтруистического фундамента. На Западе, к примеру, после Первой миро-

вой в умах расцветает экзистенциализм (философский симулякр инстинкта самосохранения). Финал Второй мировой ознаменован появлением франкфуртского пессимизма, негативной диалектики Т. Адорно («после Освенцима поэзия уже невозможна»). А русская цивилизация в ее советской испостаси, пережившая ужасы гитлеровского нашествия, живет надеждой на возрождение (как в одноименной книге Л. Брежнева). Причем снова понимаемое помиссионерски: не только восстановление разрушенного хозяйства страны, но прежде всего – воскрешение человечности в людях всего мира. Победа в СССР праздновалась как окончание последней в истории человечества мировой войны, после которой люди непременно должны одуматься и, помня кошмар нацизма, бороться за мир во всем мире. Празднование же семидесятого юбилея Победы под негласным (распространенным в среде агрессивных обывателей) лозунгом «Можем повторить!» в корне противоречит смыслу и образу «праздника со слезами на глазах». Не оставляя планов о переделе мировых ресурсов, геополитические тузы настаивают на продолжении кровавого банкета, не понимая главного – третья мировая будет носить скорее джихадистский характер, а посему после победы исламизма история человечества прекратится: для изучения оставшихся в живых будет достаточно этнографии или даже зоологии.

В упомянутом контексте небезынтересно проанализировать идейное содержание современного геополитического концепта под названием «русский мир». Как писал Е. Трубецкой, «когда появляется на мировой арене какой-нибудь один народ-хищник, который отдает все свои силы технике истребления, все остальные в целях самообороны вынуждены ему подражать. В большей или меньшей степени все должны усвоить себе образ звериный». Стало быть, признавая геополитику наукой и отстаивая свои геополитические интересы, РФ неизбежно играет по правилам, навязанным ей США: увы, не предлагая ничего своего. Сегодня Россию не назовешь Родиной народа-богоносца, цитаделью гуманизма или оплотом солидарности прогрессивного человечества. В РФ, словно в кривом зеркале, отразились все пороки эксплуататорского общества и просчеты либеральной политики стран Запада. В данном отношении Россия после Горбачева, пожалуй, уникальный пример того государства, с кого ни в коем случае пример брать нельзя.

Постмодернистский нео-патриотизм россиян узок, мелочен, агрессивен и потому без труда помещается в нано-сознание молодежи, испившей ведьминой воды из селигерского источника. Незатейливая квинтэссенция патриотической микроцефалии кроется в реваншистских настроениях: поддержать нового «собирателя Руси», реанимировать «проект СССР». Прочим – систематически демонстрировать кузькину мать. Просто «патриотизм» – еще не национальная идея, особенно там, где те, кому и так на Руси жить хорошо, предпочитают переправлять свои семьи и средства за бугор. Идеология объективируется в образе жизни ее носителей. Да и патриотизм понимается по-разному, чаще всего – помещански хамовито, местечково. И если царскую Россию «забугорные недоброжелатели» любили сравнивать с вечно сонным, но потенциально опасным медведем, то нынешнюю уподобляют медведю-шатуну, якобы представляющему опасность для уютно-бюргерской Европы в силу своей непредсказуемости. Вместо того чтобы превзойти (в первую очередь – морально) противников, российская власть стремится их «переиграть».

Благородная идея помощи братским христианским народам выродилась в прибалтленно-пацанский слоган «своих не бросаем!». Да и кто ныне более «свои»: правоверные кадыровцы или православные милоновцы? Отсутствие внятной идеологической платформы не только мешает реализации нашей геополитической стратегии (буде таковая вообще имеется), но и деморализует россиян. В Российской империи говорили о христианском долге, в СССР – о долге интернациональном, ныне – о неких «национальных интересах». В рамках осуществления внешней политики РФ действует, не обозначая своего геополитического статуса за именем четких идеологических принципов.

Западные доктрины живут в России своей жизнью, в полном отрыве от народного духа и потому – от реальности. Они-то и создают ту малопривлекательную иллюзию, коей русские вечно будут недовольны. Население (не народ!) превращено в несчастных потребителей патологически-политологических ТВ-фарсов. Это те, кого переорал Жириновский и попутал Сатановский; это нахлебавшиеся мутного пропагандистского киселя или введенные в патриотический ступор заливчатским соловьиным агитпосвис-том. Дезориентированный россиянин существует «под собою не

чая страны». По уши в липучей пропаганде, не находя поводов к самоуважению, он инстинктивно защищает себя псевдопатриотическими обрядами и мечется между возложением цветов памятнику Сталина и очередью на В. Серова. И, вконец отчаявшись, закидывает яйцами посольство страны, в которой обитает братский ему народ – столь же нищий, растерянный и озлобленный. Когда же обряды не помогают и «где хватит на полразговорца», в ход идут проклятия: люди поминают Горбачева.

Именно с легкой руки последнего президента СССР Запад заполнил идеологический вакуум постсоветского пространства своим «продуктом». В качестве общеобязательных ценностей навязывается опошленный и легкоусваиваемый вариант «демократии для варваров», замешанный в мещанской квашне понятий потребительской корзины, технологического комфорта и пресловутой личностной самореализации. Однако именно заявления о «комфортной демократии» вкупе с цветными революциями спровоцировали новое массовое переселение народов, озабоченных лишь борьбой за выживание. Мусульмане с удовольствием пользуются благами евро-цивилизации, но интегрироваться в нее категорически не желают.

США – главный геополитический мародер планеты. Они опошлили и саму идею социальной революции, используя ее разрушительный потенциал, чтобы на обломках уничтоженных режимов присвоить и распродать оставшееся от них. В этих сложных условиях миссия России просто обязана носить мессианский характер. Тенденция к исламизации мира обозначена, «кто не понял, тот поймет»: пренебрежение иррациональной, морально-этической составляющей идеологии приводит к тому, что лидирующие цивилизации быстро утрачивают свой статус и заменяются другими, чья идеология более религиозна. Антиисламистская риторика не имеет морального веса хотя бы потому, что у лидеров Запада не хватает мужества отождествить исламизм с современным массово понимаемым исламом. Западный гедонизм – не конкурент воинствующему исламу, буддизм в этом плане индифферентен всему, а иудаизм ограничен этническим критерием. Расчеловечивание человечества способны остановить лишь ценности, декларируемые как общечеловеческие. «Русский мир», по нашему мнению, вряд ли такое осилит, а вот коммунизм в этом плане – возможно,

самый яркий образец вечно живой идеи, не противоречащей ни одной из религий.

В заключение напомним: и как Святая Русь, и как Империя, и как Советский Союз, наша страна много сотен лет была осью мировой стабильности. Горбачев и его последыши эту ось превратили в шест, вокруг которого кривляются политстриптизеры всех мастей, от партийных популистов до услужливых пропагандистов в СМИ. Учитывая преклонный возраст и лидирующие позиции юбиляра в рейтинге самых ненавистных политиков всех времен и народов, ему, скорее всего, посчастливится избежать народного суда. Однако высшего суда Истории Горбачеву не избежать, и хочется верить, что суровый приговор ему никогда не будет обжалован фальсификаторами-ревизионистами. Русскому народу не в чем каяться, а вот Михаилу Сергеевичу стоило бы задуматься о покаянии. Это не смоеет пятна и не облегчит участи, но, возможно, немного облегчит его душу (если у «геополитиков» такого масштаба она вообще есть).

РУССКИЙ МИР И ИСПАНСКИЙ СТЫД (к 70-летию В. Жириновского)

(к 70-летию В. Жириновского)
РУССКИЙ МИР И ИСПАНСКИЙ СТЫД

Российская власть должна держать свой народ
в состоянии постоянного изумления.

М. Салтыков-Щедрин

До чего довел планету этот фигляр ПэЖэ!

Из х/ф «Кин Дза Дза»

 говоримся сразу: о юбиляре упоминается лишь затем, что персона его как нельзя лучше символизирует зазеркальность происходящего в России, заполненной бесстыжими ордами политшутов, КВН-аналитиков и шоу-омбудсменов. Образ юбиляра типичен (а потому – совершенно зауряден) и вполне послужит наглядным примером для анализа шоу-бизнеса как парадигмы государственного управления в постперестроечной России. Несостоявшийся завоеватель Индийского океана и неудавшийся генерал-губернатор Константинополя – человек воистину с большой буквы Ж, каковая олицетворяет не только его гротескную шоу-Жизнь, но и ту большую Ж, в которой пребывает ныне отечественная культура и общественная мысль.

Основная черта шоу-бизнеса – иллюзорность. Нездоровое ощущение, будто всё понарошку. Виртуальность, подобно пресловутым осколкам зеркала троллей (Г. Х. Андерсен), инвертировала человеческие ценности. На смену нам идет «поколение будущего», но без будущего, ибо существует по извращенным правилам, где достоинство заменено рейтингом, доброта – позитивными смайликами, а сочувствие – лайками. Символический интеракционизм соцсетей практически из каждого способен сфабриковать модель человека – привлекательную оболочку без человечности, души и вообще какого-либо содержания, зато с контентом. Не потому

ли карьера модели сегодня для многих мыслится пределом мечтаний?

Сермяжная субстанция шоу заключена в дословном переводе с английского: show – показуха. Словом, то самое зло, с которым велась борьба в благословенные советские времена. Разумеется, не оттого что советский стиль мышления был кондово-конкретным, но именно потому, что иллюзорность показухи и образность творчества принципиально различаются.

Народ, избравший путь нравственного совершенствования (а значит, исторического прогресса), иногда просто нуждается в лидере, коему потребно печаловаться о хлебе насущном и облегчать бремя бытовых проблем своих подопечных. Когда правитель – покровитель, заботливый радетель и опекун, мы имеем идеальную модель русского патернализма. Если же говорить о развитии в русле пошловатой «самореализации», то лидер нации скорее не вождь и даже не администратор, а не более чем продюсер с амбициями Карабаса-Барабаса. Итог – вырождение патернализма в коррупционный клиентелизм.

Опираясь на сказанное, попробуем понять, как культурный и оттого наивный советский народ позволил удавить себя путами подловато-подлинного, зазеркально-показушного тоталитаризма, образовавшего квази-идеологический стержень современной системы российского государственного управления. Припомним шесть знаменитых «парадоксов социализма»:

1. Нет безработных, но никто не работает.
2. Никто не работает, но план выполняется.
3. План выполняется, но в магазинах ничего нет.
4. В магазинах ничего нет, но у всех всё есть.
5. У всех всё есть, но все недовольны.
6. Все недовольны, но голосуют «за».

Финальная (шестая) коллизия есть блестящий довод в пользу того, что недовольные «отдельными недостатками» не отрицали, тем не менее, саму идею светлого коммунистического будущего, веруя и желая его наступления. Следовательно, и не были оппонентами системе – наоборот, суперация их недовольства в остроумные «кухонные сентенции» стимулировала систему к совершенствованию. Шесть противоречий социализма – тоже по-своему

результат внутренней эмиграции, когда каждый (зачастую вопреки окружающей обстановке, но не противореча ей – вот парадокс!) старался обустроить свое личное пространство по красивее. Иначе говоря, гражданам СССР не запрещалось уходить в себя, занимаясь самообразованием и самосовершенствованием. Горбачевский призыв к покаянию, усугубленный умышленным обострением продуктового дефицита, сделали свое черное дело. Государство влезло в душу к гражданам, в их внутренний мир, и граждане вышли из себя, взыскав освобождения от назойливого государства и пустившись во все тяжкие. Стремление всегда хорошо выглядеть превратилось в навязчивое желание поразить завистливых соседей «широтой размаха». Так в 90-е годы «блистали» новые русские, по той же причине в России XXI в. стали немислимо востребованными разного рода конторы по организации праздников. И чем заразнее и уродливее политическая чума, тем пышнее закатываются пиры.

Любая реформаторско-инновационная «оттепель» провоцирует и потенцирует ускоренное гниение подмороженной власти. Наверно, бесконечные праздники и обсессивные инновации – самые явные приметы социальной депрессии, когда деморализованные люди из последних сил пытаются вернуть ощущение реальности и вкус к жизни. Тяга к инновациям сродни навязчивому желанию встряхнуться, обновить впечатления, освежить эмоции, что якобы приглушит симптомы депрессии. И ассортимент политических шоу услужливо предлагает паллиатив – пустышку, способную на время скрасить состояние тяжело больного социального организма.

Проанализируем соотношение шоу-бизнеса и государственно-го управления в контексте опошления публичности: от публичной власти – к публичным людям – и к публичным домам, где те открыто занимаются словоблудием в разного рода ежедневно-«проблемных» ток-шоу. По нашему мнению, ключевыми факторами, облегчающими подмену управления показухой, являются:

- тотальное засилье рейтингов; они повсюду (в ЕГЭ, в экономике, в показателях учености ученых и эффективности чиновников, в списках самых влиятельных, самых упоминаемых и самых проклинаемых людей года). Ради повышения рейтингов партии ангажируют политических фриков, богемных

маргиналов и просто медийно известный человеческий мусор. Причем все они (включая и членов партий) принципиально беспринципны – так легче менять партии и продюсеров. Оно и не главное, жизненно важно обеспечить заданное число мягких мест в парламенте, где избранные депутаты станут отрабатывать затраты на их избрание и думать о законах мягким местом. Оттого и абсурдные законы, принимаемые в России, не имеют отчетливой идейной или партийной окраски – в процессе думской нормотворческой стряпни все фракции равно замазаны политической опарой;

- критерии эффективности определяются показателями медийной (чаще и проще – скандальной) популярности;
- приоритет за проектной деятельностью в сфере государственного управления. Как в шоу-бизнесе, многое зависит скорее не от талантов «артистов»-исполнителей, а от коммерческого чутья продюсера, от изысков звукорежиссера, специалиста по макияжу и, конечно, от разудалой подтанцовки – в общем, от того, что принято именовать политехнологиями. «Народный артист» у нас один, есть несколько проверенных и преданных народному «заслуженных» (юбиляр, безусловно, в их числе), внизу же – куча разных одноразово-гремящих проектов. Продюсер может быть и отечественным, но сценарист и заказчик всего балагана – явно заокеанский;
- гастролы и шумные постановочные акции вместо конструктивного диалога с людьми. Менеджеры умудрились изгадить даже идею «не хлебом единым». По-торгашески сметливо усвоив советский опыт идеологической работы, в XXI в. они стали производить и продавать события – информационные поводы, стряпая их на потребу нетребовательных потребителей. В итоге – колоссальный отрыв отъезженных пропагандой людей от реальности. Многие вообще не чувствуют различий между наличным и виртуальным мирами, предпочитая прикольные опции последнего. Это как раз тот случай, когда адепты коммерчески-альтернативного мышления реализуют дилемму «естественное – протiwоестественное (искусственное)», позиционируя виртуальность как симметричный ответ реальности;

- организация PR-кампаний в соцсетях. Цель – «раскрутить» новые проекты и инициировать их обсуждение, а для этого те должны быть в лучшем случае спорными, в худшем – откровенно бредовыми, дабы каждый диванный аналитик отметился в интернете своим комментарием, повысив рейтинг «демократичной» обсуждаемости проекта. Сейчас обсуждаемость таких прожектов (проектов через Ж – символ нашего юбиляра), главным образом, законов, практически равна степени их осуждаемости в обществе. Тем не менее, сие почти никогда не было основанием корректировки или отмены резонансно-одиозных нормативных актов;
- акцентирование внимания на желаниях потребителей, отсюда все revival-акции, от пересъемки «культовых» фильмов до аттракционов с воскрешением СССР. Здесь же – возрождение ГТО, ДОСААФ и др. Развиваться и строить новое затратно, а потому незачем, главное – не разочаровать потребителя. По той же логике следует беззастенчиво давить на кнопки основных инстинктов (секса и страха), ибо те безотказны и обеспечивают почти мгновенную реакцию общественности: таковы антитеррористические и антипедофильские кампании. В плане эскалации и эксплуатации низменных инстинктов представители СМИ и шоу-бизнеса ничуть не отличаются от сексуальных маньяков и насильников. Пожалуй, даже опаснее их, т. к. потерпевших, над коими надругались шоу-пропагандисты, несравненно больше;
- формирование прослойки людей-брендов, эдаких монофункциональных и одномерных героев комиксов, олицетворяющих собой какую-то отдельно взятую государственную добродетель. К ним даже идея антикоррупционной ротации и преемственности слабо применима: бренд менять нежелательно. Так возникает шоу-номенклатура. Незаменимых у нас нет, зато несменяемых и невменяемых – в избытке и в ассортименте.

Райком давно закрыт, все ушли на шоу. Идея государственных услуг доведена в России до нелепости; политики больше напоминают диджеев, выполняя заказы слушателей и микшируя их агрессивные выкрики. Реализация сервисно-державной

парадигмы наглядно показала ее ничтожество: общественные деятели потворствуют самым низменным потребностям россиян, а политическая риторика опущена до уровня криминальных понятий и обычаев питерской подворотни. По-щедрински, когда «коллективную вонь принимают за единство духа». Всюду единство и борьба суровых политгопников и манерных политфриков. Их роль – развлекать и отвлекать, и пока с ней успешно справляются. Нынешнее политическое хамство есть не столько следствие личных пристрастий руководства, сколько его стремление угодить массам, давая им, чего те желают. А чернь, как известно, тупа и агрессивна. Таким образом, и толпа заражена комплексом Наполеона, когда лидер исповедует бонапартизм. Это ли не апофеоз стабильности и единства?

Попытаемся в аналогичном ключе выявить пагубные тенденции проникновения шоу в политический процесс. Итак, задача всякого бизнеса состоит в убажании потребителей (клиент всегда прав), а не в развитии их умственных качеств или эстетических чувств. Отсюда страсть шоуменов не только к популистским лозунгам, но и к эвфемизмам, прикрывающим бедность содержания и убогую механику политических трюков. Стагнация подается как стабильность, обскурантизм выдается за консерватизм, а безответственный авантюризм – за инноватику. В жестоком мире шоу-бизнеса требуется всячески подогревать интерес фанатов. В противоположность задачам патерналистского государства, предпочитающего не акцентировать своего господства и довлеющего характера, шоу-государство перманентно нервирует народ шокирующими новостями (как правило, негативного свойства) по простейшей логике «чтобы все дрожали, чтобы уважали». И это – согласно законам рекламы, где сначала обозначается проблема, а затем достаточно лишь огласить бренд, и потребитель машинально уверует в магическую силу брендового продукта (практика *teaser-revelation*). Государство само занимается постановкой проблем, решение которых столь же постановочно. Нет потребности – нет и потребителя. Искусственное нагнетание проблем – гарантированный путь в никуда, т. к. социально-депрессивный синдром осложняется именно благодаря образованию «порочного круга» его проявлений. Значит, вместо прогрессивного вектора россия-

нам предлагают, подобно цирковым лошадям, резво носиться по кругу истории и терпеть шенкелей от зарвавшихся чинуш – наездников и нахлебников.

Потребителя (электорат) необходимо будоражить, формируя потребность в продукте. Иначе зачем, к примеру, тематику ежегодного послания Федеральному собранию до последних дней держат в секрете? Будь социум по-настоящему стабильным, а развитие – поступательным, к чему делать интригу из ежегодных деклараций политкурса, ведь в условиях стабильности тот останется неизменно-перспективным. Напротив, шоу-бизнес чрезвычайно зыбок, лабилен и зависим от моды: каждый год Федеральное собрание узнаёт, с чем будет модно бороться в следующем сезоне. К сожалению, щедринские «помпадуры борьбы» и поныне составляют большинство среди дам и господ политического полусвета.

Примечательна трагикомичная деталь: актуализация «бабьего часа» в политике и появление курьезного агрессивно-гламурного патриотизма в духе «Порву за...» и «Не смешите мои Искандеры». За какие-то полтора десятка лет высший орган законодательной власти принял вид лежбища певичек и спортсменов. И откуда всплыло сразу столько героических фигуристок, стоических гимнасток, эпических пловчих и патетически-набожных прокурорш? Если верить Марксу, сей патриотический матриархат характерен для инволюции экономики от производящей к собирательной, ресурсодобывающей. Бездумное следование трендам – безотрадная реалья шоу-власти.

Если Россия принуждена отвечать на чьи-то вызовы, значит, она – подчиненная. Вызывать – привилегия начальства. Причем, стиснутая ошейником навязанной России концепции «ответов на вызовы», наша страна начисто лишена малейшей возможности стать хотя бы трендсеттером и, подобно измученному цыганами ярмарочному медведю, обречена лишь рефлекторно огрызаться на окружающих – на изменения обстановки, задаваемой из-за океана. Тенденции моды скоротечны, а значит, и проектно-одноразовая политика по определению не нуждается в опоре на сколь-нибудь долгосрочную стратегию. Соответственно, страна и нация лишаются перспективы развития, образа будущего. Стало быть, и само их будущее более чем гипотетично.

От перепроизводства (наводящего уныние однообразием нехитрых приемов влияния) шоу-бизнес спасается развитием конкуренции, расширением ассортимента и динамичностью смены трендов. Но как быть стране, где наверху засиделись клоуны пенсионного возраста? Разумеется, заняться продюсированием себе подобных, пестуя молодых шутов на все случаи жизни. До чего точно предвидел Салтыков-Щедрин концепцию современной молодежной политики! – «Мы все – молодые люди и урожденные консерваторы. Есть старшие молодые люди и есть младшие молодые люди». Обновление поголовья фигурантов до неприличия легко: вследствие утраты доверия, за неэффективностью и даже по обвинению в коррупции. В ход идет всё, лишь бы обеспечить пул унтер-клоунов и несменяемость обер-шуттов, но главное – стабильность положения Верховного Продюсера. Это, наверно, и есть преемственность в государственном шоу-бизнесе.

Еще одна черта – расширение жанрового ассортимента. Иными словами, надуманная детализация сфер государственного управления – синекур, где могут проявить себя или просто отдохнуть от дел вышедшие в тираж, но выслужившиеся перед Продюсером фигляры. Это прекрасно сочетается с партийно-номенклатурным принципом, обеспечившим постперестроечной России рецепцию худших моментов советской действительности при совершенной невозможности возродить лучшие ее проявления. Значит, шоу-номенклатура предполагает еще и экстенсивное раздувание штатов госаппарата, абсурдную бюрократизацию всего и вся, дабы обеспечить занятость легиона шутов, шутих и политкарликов.

При всей алчности шоу-биза тот подпитывается внешним разнообразием и пытается (в конечном счете – безуспешно) ограничить тотальный монополизм рамками бестолкового альтернативного мышления. Напротив, государственная власть стремится к концентрации, и потому, продолжая подогревать аппетиты черни, шоу-власть сама сочиняет себе шоу-оппозицию из резерва отставных паяцев, потешающих электорат якобы «сольными проектами», независимыми от поднадоевшего продюсерского официоза. Таким образом, в формате всеобщей показухи немислимо даже предположение о существовании оппозиции – есть только

мейнстрим и андеграунд (к нему примыкают неформалы, повышающие самооценку фактом увлечения альтернативой). Ну чем не тоталитаризм? Это ли не повторение истории в виде омерзительного фарса? Нам представляется, что подобное положение вещей даже гаже тоталитаризма, ибо знаменует собой триумф безысходности, зацикленности истории, безвременья безумного чаепития. Итак, смысл мельчает, маразм крепчает, а народ – дичает.

Вкусы потребителей деградируют, и шоу предлагает неизменно симметричный ответ: к чему тратиться на постановки, когда достаточно лишь активировать бесов вуайеризма, неприличного любопытства, подглядывания? Так и самую читающую когда-то нацию можно за считанные годы превратить в толпу сплетников, с равной горячностью обсуждающих предвыборные схватки политических проституток или родовые схватки проституток провинциальных (завоевательниц первопрестольной), коих часто приглашают на ток-шоу – пусть говорят! Кстати, концентрация депутатов на квадратный сантиметр там превышает таковую в законодательных органах, где избранникам и предписано служить народу.

Агрессивному большинству – сплетникам – подавай клубничку и жареное, они жаждут реалити, и чем неприличнее, тем лучше. Желательно – с реальной кровью и страданиями. И предупредительная шоу-власть провоцирует «маленькие победоносные» шоу-войны, разжигая в массах патриотическую истерию. То, что может начинаться художественной постановкой (факельные шествия), разрастается до опасных насильственных провокаций (поджог рейхстага), а завершается непременно кровавым ужасом войны – последним средством пощекотать нервы электората. Не зря французы говорят: война есть единственное развлечение королей, в котором народу тоже позволено участвовать. Правда, едва прольется кровь самих потребителей (и таким жестоким способом они вновь обретут чувство реальности), авторитет фюрера-продюсера, не обеспечившего безопасности зрителей шоу, может вмиг пошатнуться. Следовательно, шоу-бизнес как явление, индифферентное всему, кроме прибыли, обречен на самоуничтожение. Горькая правда в том, что сначала он морально (а затем и физически) уничтожит своих потребителей, и им на смену придут те, кто

наблюдал их мучения и гибель как представление, как когда-то погибшие наблюдали за мучениями других – show must go on!

От показухи бытовой (вынужденно-компенсаторной) до показухи государственной – буквально полшага. И хотя последняя не имеет своей основной причиной изображение хорошей мины при плохой игре (а потому еще более непростительна!), массы, зараженные вирусом бытовой показухи, вполне допускают, оправдывают и поощряют разрастание показухи в политике. Происходит это главным образом оттого, что россиянам уже некуда спрятаться от пропаганды. Применительно к юным жертвам ЕГЭ вообще трудно говорить о «внутреннем мире», ЕГЭ-йеху живут мемами, мыслят рекламными слоганами и изъясняются гримасами смайликов. Круг интересов большинства остальных россиян невыразимо узок и ограничен скандальными ток-шоу, бездарными сериалами и виртуальным удовлетворением тщеславия в соцсетях. Однако внутренний мир и мир виртуальный далеко не синонимичны и не аналогичны. Виртуальная реальность – не более чем иллюзия, к тому же почти не зависящая от талантов потребителей интернет-контента, т. к. навязывается создателями контента, заинтересованными в некритичном восприятии их продукта. Творческий процесс сейчас настолько чужд креативному «поколению интернета», что всякий раз случайно сталкиваясь с проявлениями фантазии или с произведениями искусства, эти нано-особи задаются вопросом «что курил автор?». Всё до неприличия просто: манипуляторы сводят идеалы к иллюзиям, наркоманы – к галлюцинациям. Первое цинично, последнее – патологично, антигуманно и пытается отрицать саму идею существования идеалов.

Идолопоклонство – это возведение условного в безусловное, а истинный тоталитаризм есть рабство перед массово принятой условностью, перед идеологически освященной догмой (не зря тоталитаризм возможен лишь в эпоху СМИ). Прискорбно, но в лучших отечественных традициях перфекционизма россияне уже перегнали США, превратив шоу-бизнес из способа извлечения прибыли в своего рода религию и смыслы жизни. Симптоматично: ныне модно говорить о смысле во множественном числе, исповедуя плюрализм самого вульгарного вкуса. Культурных русских людей подобная постановка вопроса коробит; они подсо-

знательно, на уровне архетипов ощущают – смысл должен быть един, а смысловая (идеаторная) амбивалентность шизофренична. И до чего же глупо звучит в данном контексте пафос очередного шабаша адептов молодежного активизма в России – «Территория смыслов»! К слову, смысл считывается не столько с текста, сколько с контекста, смысл не буквален и как «общезначимое мысленное содержание» (по Е. Трубецкому) есть объективное мерило действительности субъективных переживаний. Следовательно, логический смысл есть весьма поверхностное, схематичное отражение переживаний, не более чем формальная система рациональных координат. Получается, истина очень даже возможна и за пределами смысла, но такое – уже за гранью понимания шоу-власти.

Может быть, противоречия между субъективным и объективным идеализмом потому и не принципиальны, что люди, более склонные к приспособленчеству, считают окружающее условностью и живут сообразно условиям, не усложняя. Люди же более наивные и потому не чуждые творчества, окружение свое считают реальным и пытаются преобразовать. Вот отчего первые более лицемерны и формально законопослушны. Идеалы красоты, истины и справедливости для них – абстрактный предмет бесплодных умствований. Прямодушные романтики, наоборот, весьма неудобны для адептов условности, именуемой общественным спокойствием (яркий пример – Алиса в Стране чудес). Святые всегда наивны, не умеют и не хотят приспособливаться, в их светлом мире условностей не существует. Русские наивны по-художнически: тонко чувствуя и умея находить во всем красоту, они и всё представляемое склонны принимать за реальное. Отсюда – жажда выдавать желаемое за действительное, иррациональность воистину реалистически-образного мышления, освобожденного от упрощений формальной логики. Будь по-другому, Россия не смогла бы сотворить и отстоять свой мир там, где Запад отвечал на «вызовы» истории, а Восток их создавал.

По большому счету, людей можно поделить на тех, кто всё бесполезное для себя считает обременительной абстракцией (двойные стандарты), и тех, кто верит в безусловность истины и неизбежность общечеловеческих ценностей. Как писал Велимир Хлебников, «пусть Млечный путь расколется на Млечный

путь изобретателей и Млечный путь приобретателей». Беспринципными должно управлять (дабы держать в узде множасьихся запретов), принципиальные должны управлять, т. к. сознательно не обсуждают безусловное – и для себя и для тех, кем управляют. Нынешнее социальное бытие россиян, увы, пока соткано из условностей, по-прежнему принимаемых многими за чистую монету: рыночная экономика, гражданское общество, инновации и etc. Казалось бы, это должно забавлять тех, кто условностями снабжает и прельщает – заокеанские и местные устроители политбалагана не мудрствуя пичкают население России незатейливо-туповатым репертуаром. Будь оно искусством – мы бы, возможно, и уверовали, но дешевый балаган рано или поздно будет освистан, обанкротится и прогорит. Или будет сожжен обманутыми зрителями.

Казалось бы, нет ничего проще – достаточно не участвовать в шоу, и оно прекратится. В первом приближении это верно, здесь лучшее средство – та самая внутренняя эмиграция. Но если учесть инверсию ценностей современного поколения, где самоуважение основано на рейтинге и лайках, проблема не-участия осложняется. Откуда заложники соцсетей возьмут простые и наглядные поводы для самоуважения и самоидентификации? Трудиться на благо и во имя идеи они не просто не хотят – напрочь разучились или отродясь не научены. Выходит, дело снова за святыми подвижниками – теми личностями, которые своим примером, возможно, воскресят людей в населении. Или за тем невинным ребенком, что воскликнет «а король-то – голый!», и своей наивностью спасет ребенка в каждом из нас.

К сожалению, опасность осознает и паразитирующий в человеческих душах шоу-бизнес – вот откуда такая мода на бренды гуманных и благородных профессий в совещательных шоу-структурах типа общественных палат и общественных советов. Особенно востребованы врачи, эти современные мученики когнитивного диссонанса между клятвой Гиппократов и преискурантом медицинских услуг. По счастью, настоящие Люди практически не светятся в СМИ и не участвуют в ток-шоу – по данному признаку их уже можно отличить от вездесущих шоуменов.

Когда все мы вместе возводим Храм, каждый чувствует себя сопричастным Вечности, Красоте и Истории. Если вместо храма

Часть II. Теоретизированная (обобщенная) практика

(или на месте храма) мы строим еще один сервисный центр, принадлежащий очередному чинуше-коррупционеру, даже в родной стране каждый будет чувствовать себя бесправным и униженным гастарбайтером. И дабы не стать чужим у себя дома, необходимо для начала сей дом обрести. Каждый должен определиться, в храме его обитель или в балагане. Мы убеждены, что пришествие Антихриста несомненно получит широкое освещение в прессе, на ТВ и в интернете, а вот Второе Пришествие и Страшный Суд поначалу мало кто заметит – событие станет неприятным сюрпризом для заигравшихся в показуху. И отвратительная человеческая пена (активисты, гламур, шоумены, политиканы, кликуши и пиарщики), грязным пятном болтающаяся на поверхности человечества, будет вскоре смыта кровавым потоком мировой (или гражданской) войны. Не дай Бог, конечно...

Чем же поздравить фигляра, вполне состоятельного и состоявшегося в жанре политфарса? Тем не менее, даже таким персонажам есть куда стремиться: пожелаем совершенно недостижимого и абсолютно недоступного ему блага – уважения к себе. А нам грешным – как можно реже испытывать горький стыд за Отечество и русский мир.

РУССКИЙ КРЕСТ: ЖИЗНЬ КАК МИССИЯ, СВОБОДА КАК РОК

СВОБОДА КАК РОК

РУССКИЙ КРЕСТ: ЖИЗНЬ КАК МИССИЯ

В наше время о смысле жизни чаще задумываются русские.

Америка хочет разбогатеть, Азия – выжить,
Африка – проснуться, Европа – просто жить спокойно.

М. Анчаров

Русский народ не пойдет за теми людьми,
которые называют его святым только для того,
чтобы помешать ему быть справедливым.

В. Соловьев

Не любопытно ли, что страны с древней и глубокой культурой (Россия, Индия, Китай, Япония) либо имеют достаточно архаичную форму правления, либо заимствованную западную схему, мутировавшую под действием национальных традиций? Может быть, цикличность русской политической истории есть показатель того, что культурный человек задумывается о политике в последнюю очередь? Не «ленивые пассивные русские», а русские, предпочитающие развивать лишь достойное совершенствования.

По большому счету, развитие институтов власти обратно пропорционально росту морали и культуры. Власть и право реформируются обыкновенно в целях сдерживания низменных инстинктов. Государство есть суррогат совести. Внешняя сила, которой проще повиноваться. Всегда удобнее быть наказанным кем-то другим (желательно вообще кем-то конкретным, отсюда «стокгольмский синдром» привязанности заложников к террористам, а холопов – к господам), но вот муки совести могут не отпускать даже после погашения судимости. Получается, процесс отмирания государства соотнесен с возрождением в людях сове-

сти, тогда как концентрация государственных сил редуцирует, выжигает совесть у людей, декларируя достаточность соблюдения инструкции.

Вопреки модной ныне десталинизации, нам представляется, что хрестоматийные образчики классической ультраорганизованной тоталитарщины – это нацизм и даже (в некоторых аспектах) американский тейлоризм, но никак не сталинизм. Россию от тотального расчеловечивания спас, как ни удивительно, правовой нигилизм, т. е. априорное признание ущербности инструкций и нормативных указаний. В то же время упразднение законов при отсутствии в людях совести – повод для апогея самого дикого произвола.

Возможно, российское бытовое хамство происходит не столько от взаимного неуважения, сколько от всеобщего бытового «универсализма». Каждый вынужден уметь всё, стараясь добыть себе хоть каплю независимости в режиме тоталитарно-идеологического обезвоживания. А когда сверху что-то довлечет, внизу становится невыносимо тесно, а в тесноте трения между людьми случаются чаще, каждый стремится отстоять независимость. Независимость же порождает не только самодостаточность, но и пренебрежение к окружающим, «свободу от...». В России не было сословного общества в западном смысле этого слова, где каждое сословие выполняло строго свою функцию. У нас наследовался преимущественно правовой статус, что лишь усиливало презрение нуворисшей к народу, из гущи которого те всплыли наверх. А коль скоро стратификация на основе разделения труда составляет основу общественного договора и, как следствие – гражданского общества, становится понятной причина невозможности построения гражданского общества в России. Справедливости ради заметим: истинно гражданского общества нет нигде, но симпатичные мужляжи его можно было встретить в Европе до недавнего харамномигрантского коллапса.

Россия и в самом деле являет собой обитель фатальной и тотальной несвободы. Понимать сие следует не как на Западе, а по-другому, глубже и без примитивного «водочно-матрешечного» популизма. Русские осознают свободу как необходимость (свобода «для»), а не возможность (свобода «от чего-то»). Свобода в русском понимании безусловна (отсутствие всех «если бы да

кабы» – нечто подлинное, настоящее). Западная свобода в самом пошлом формате есть абстрактный, безотносительный к человечности этический вакуум.

По А. Хомякову, правильная алгебраическая формула была тем идеалом, к которому бессознательно стремилась вся жизнь европейских народов. Идеал же славянофилов – превращение общества и государства в Церковь. Знаменитая «уваровская триада» – лучшая иллюстрация того, как суперация (православие) способна превзойти потенциальный антагонизм естественного (народность) и искусственного (самодержавие). Как видим, контекст «русской свободы» глубоко архаичен в самом благородном смысле слова: он религиозен, в отличие от либеральной свободы-возможности (предполагающей альтернативу, а значит, ограничение свободы двойственностью, симулякр свободы). Оттого и поработать русских (лишить свободы) доселе не удавалось никому, разве что своим же чиновникам. История России изобилует социальными потрясениями, когда попытки обретения либеральной свободы-возможности всегда заканчивались хамством и неволей в тисках консолидированной и концентрированной власти, а свобода-необходимость помогала бороться с социальной несправедливостью. Итак, свобода в русском варианте – даже не столько осознанная необходимость (как формулируют ее марксисты), сколько сознательно воспринимаемая как Рок необходимость иррациональная.

Западная свобода – одиночество гипер-индивидуалиста, блуждающего в разреженном пространстве т. н. «личного суверенитета», что значительно упрощает «самореализацию», определяемую огораживанием личного пространства от социума и повышением собственного рейтинга (в своих же глазах) за счет принижения окружающих. Легко казаться себе великим, когда остальные далеко – вот смысл западного индивидуализма и пропагандируемой там свободы. Итог – “me-me-me generation”, амбициозно-несуразное поколение селфи.

Чрезвычайно показательно: если даже в атеистическом СССР жизнь воспринималась как дар (по Н. Островскому: «жить надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»), то на Западе жизнь является ресурсом (Carpe diem, бери

от жизни всё!). Свобода по-русски есть добровольное подвижничество, принятие на себя ответственности не только за окружающих (западный термин «социальная ответственность»), но и за всё, что происходит при нас (русский вариант – историческая ответственность), а это уже Миссия религиозного свойства. В свободе взвалить на себя груз и крест ответственности – удел немногих, судьба героев. Героизм же – из числа общечеловеческих ценностей. Тем не менее, с позиции рационально-потребительской системы координат, героизм представляет собой глупый, бесполезный для самого героя поступок, лишенный мотивации. Однако исстари подвижников почитали, ибо героизм есть высшее проявление альтруизма, не имеющего ничего общего с самореализацией. Необходимо мужество высшего порядка, чтобы пожертвовать жизнью, осознав себя расходным материалом истории.

В известном смысле Россия – страна политцеломудрия, незапятнанности убогим рационализмом. Вспомним хотя бы истинно национальный по духу роман И. Гончарова: Обломов был для Пшеницыной живым произведением искусства – вот что творит одухотворяющая и обожествляющая любовь, животворящая идеализация! Барство воспринималось не только как исключительно система угнетения, но (реже и не всеми, конечно) и как незапятнанность бытовыми заботами – залог нравственной чистоты. Припомним и очень «националистические» строки, описывающие отношения матери Штольца к немцам и их жизненным приоритетам. Личность Обломова облагораживает феномен обломовщины, эдакого смирения с уровнем комфорта и диванного масштаба мечтаний. Обломовщина – это стабильность «чтобы не было хуже» как предпосылка ее суперации. Сам образ Обломова (внутреннего эмигранта) замечателен моральной чистотой: по Е. Трубецкому, русским ближе именно христианство Обломова.

И раз уж речь зашла о русской литературе, подчеркнем знаковую особенность, о которой много кем говорено: поэт в России больше чем поэт. Его считают общественным деятелем, даже если он сам к таковым себя не причисляет, ибо в нем (творческом индивиде) общество чувствует потенциал создателя новых нравственных ориентиров, которые если не выше, то хотя бы противоречат

постыло-формальной навязанной государством канцеляршине. Вот отчего интеллигентный человек всегда (как минимум) в оппозиции власти, еще ценнее – когда он умственно и нравственно выше ее. У интеллигентов или свои идеалы, или свои понимания пути достижения этих идеалов.

Представления о целях развития у Запада и России также разнятся. Цель – представление о желаемом результате, миссия – представление о Пути. Выбрать его важнее постановки цели, поскольку кратчайший путь к цели – аморальный, циничный, упрощающий. «Чеховский интеллигент» – символ прекраснодушного, но неспособного к активной деятельности человека. Но вдруг та самая целенаправленно-целеустремленная деятельность, то самое целеполагание и есть ярчайшее и обязательное проявление гордыни? Преследовать цель: даже в дословной трактовке есть нечто неприятное, маниакально-эгоистичное. Кроме того, воплощенная мечта опошлена, не лучше ли сохранить ее в чистоте?

Особенность русского национального характера состоит в развитой фантазии и стремлении жить в лучшем, допрежь не несущем мире. Возможно, это от исторического чувства неудовлетворенности российской действительностью (по мнению И. Аксакова). Возможно, сказался трагизм истории (в России никто, нигде и никогда не жил хорошо, а уж тем более – спокойно). От стремления в мир грядущий – и обилие религиозных странников, и русская мученическая пассивность (как ожидание «прекрасного далёка»), и даже оторванные от реальности государственные реформы: еще миг, и всё должно стать на свои места, стоит лишь потерпеть! А всё из-за того, что наличная действительность понарошку и иррациональная реальность в русском сознании не тождественны.

С. Доренко как-то обозвал русских «народом-ребенком», для которого всё – впервые, и потому ушлым политикам столь легко его обмануть. Нам представляется, что слова журналиста вовсе не упрек. Да, мышление русских во многом сродни детскому: оно образное, художественное, синтетическое. Отсюда острая необходимость Образа будущего – непременно красивой идеи, в основе своей имеющей веру, т. е. *сверх*-естественной. Русские не приемлют

Часть II. *Теоретизированная (обобщенная) практика*

отвлеченного, ненастоящего, всего «кагбэ». Отсюда же и пренебрежение формальными конструкциями, симулякрами – соответственно, недоверие к юриспруденции и политике, мало чем отличными от словоблудия. Образ должен быть одухотворен, оттого в отечественном искусстве не в чести натурализм. Искренность – да, шокирующая откровенность – нет.

Русский путь – в том, чтобы *превзойти* окружающий мир, что, собственно, и составляет суть творчества и суперации. Не приспособиться, но воспарить над объективной реальностью, данной нам в ощущениях, с помощью субъективных же ощущений – это ли не вызов и ответ всемогущему Року? Русская судьба есть трагедия восхождения человеческого духа над нечеловеческими обстоятельствами.

Вместо послесловия

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Голос спрашивает строго:
– А сегодня что для завтра сделал я?
Ю. Энтин

Почему иногда так сложно ответить на детские вопросы? – В них нет заданности, связанности какой-либо умозрительной доктриной. Человек распят на осях мировоззренческих координат, как на кресте. В то же время основные идеи большей частью опошлены и лежат в умах неглубоко, вот отчего всегда находились охотники оспаривать вечные истины и общечеловеческие ценности.

Коммунизм, обесчещенный «членами партии», ныне переживает тяжелую эру кризиса учения. Пожалуй, после трагичного распада СССР только ленивый не потешается над марксизмом-ленинизмом и светлым будущим, предпочитая поклоняться чисто-конкретному Золотому тельцу в его аляповато-голливудском варианте. Однако рано или поздно человечество прозреет. Непреходящую идею коммунизма совершенствовать незачем, она универсальна и совершенна, ибо воистину христианская. Развивать потребно культуру и сознание людей, дабы приблизиться к осуществлению идеи, а потому грешно мнить культуру неким эволюционным кодом или генотипом социальной жизни: в этом определении скрыта мертвящая предопределенность, догма. Культура есть не только способ передачи жизненного опыта, но (в гораздо большей степени) опыт суперации предопределяющих обстоятельств – того самого «кода».

Прошлое всегда присутствует в настоящем как настоявшееся и потому – настоящее. Значит, социальная эволюция невозможна, и в рамках диалектики допустимо рассуждать лишь об инволюции и революции. Последняя имеет своей целью прину-

длительное возвращение общества к стабильной архаике – точке достигнутой (на самом простом уровне) гармонии. Следовательно, революция есть диалектическая противоположность социальной инволюции, а их единство должно, по логике, исключить какой бы то ни было исторический прогресс, да и обесценить саму историю.

Историческая преемственность тотальна, как наследство: или принять целиком, или от всего отказаться. Ибо сказано Пришвиным: если вы взяли не всего Христа, то остальной Христос станет против взятого вами как Антихрист. Западный, альтернативный подход приводит не к развитию, а к отрицанию отрицания. Отсюда – и «антихристы» мировой истории (Нерон, Гитлер). Любая попытка добиться прогресса путем поиска альтернативы приводит к утрате цельности мировоззрения и, как следствие – к появлению «антихристов», Смуте.

Можно ли остановить Второе Пришествие и избежать Страшного суда, если люди наконец-то опомнятся и станут хорошо себя вести? Вряд ли, да и сам вопрос на грани абсурда. Стало быть, наши моральные усилия бесполезны? – Отнюдь! Возмозжно, одумавшееся человечество создаст смягчающие вину людей обстоятельства, делая суд не таким уж Страшным, ведь суть прогресса – в не-повторении ошибок истории и разрешении проблем, ошибками порожденных.

Прогресс возможен и реален, и в основе его – *суперация*, превосхождение диалектических противоположностей творчеством, преодоление цикличности избыточностью усилий, поскольку в избытке своем каждое явление пресуществляется в нечто возвышенное, очищаясь от причинно-следственных истоков. Прогресс и будущее за художниками – в искусстве, литературе, науке, медицине. Словом, во всех сферах человеческого бытия, где Личность обретет свое призвание.

Творчество потому есть высшее проявление индивидуальности (в дословном переводе с латыни – нераздельности), что не имеет причины. «Смысл творчества» в нем самом, это абсолютная потребность. Значит, и ответственность творческой Личности не столько внешняя (социальная или юридическая), сколько внут-

*Исторический прогресс и инволюция идеалов*_____

рения – совесть. Творческий акт не ради похвалы других, а из уважения к себе, к Человеку в каждом человеке. Творчество – то сверхъестественное, что заложено в каждом из нас.

Итак, суперация – вместо фрейдистской сублимации!

Триалектика – вместо диалектического рационализма!

Креационизм – вместо социал-дарвинизма!

И, в конечном счете, перфекционизм –
вместо мещанского утилитаризма!

SURSUM CORDA, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Оглавление

К читателю	4
Часть I. НЕПРАКТИЧНАЯ ТЕОРИЯ	5
Бесконечность совершенства в прокрустовом ложе разума	6
Опошление идеалов как естественный закон социальной инволюции	17
Нравственный прогресс и историческая ответственность.....	29
Социальная инволюция и социальный креационизм	36
Моральные координаты социальной стратификации, государства и права.....	45
Об идеологической иммунологии	54
Здоровый парадокс внутренней эмиграции на фоне пато-логики альтернативного мышления	63
Позерство оппозиционеров и революционная ортодоксия	77
Прогресс как суперация экономического детерминизма	87
Часть II. ТЕОРЕТИЗИРОВАННАЯ (ОБОБЩЕННАЯ) ПРАКТИКА	97
Преимственность отрицания как вектор политической истории России.....	98
Дихотомия «прозрачности» и сакральности российской власти	106
Марксистская концепция отмирания государства и исторический кризис менеджизма.....	115
Коррупция как инволюция критериев административной морали.....	125
Меритократия в кадровой политике России: исторические уроки	132
Двуполярный мир: борьба добра и зла или согласие на меньшее из зол?	139
Идеологические границы «русского мира» в кривом зеркале геополитики (к 85-летию М. Горбачева).....	144
Русский мир и испанский стыд (к 70-летию В. Жириновского)	153
Русский крест: жизнь как миссия, свобода как рок.....	166
Вместо послесловия	172

Научно-популярное издание

Симашенков Павел Дмитриевич

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ИНВОЛЮЦИЯ ИДЕАЛОВ

Этико-философское исследование

Издается в авторской редакции

Верстка и дизайн обложки *А. В. Андреевой*

Подписано в печать 28.02.2017.
Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Cambria. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 10,23. Тираж 100. Заказ 7.

ООО «Издательство АСГАРД»
Член Ассоциации книгоиздателей России
443023, г. Самара, ул. Промышленности, 278, корп. 47
Тел.: (846) 246-97-01, 205-31-31
e-mail: knigaasgard@yandex.ru, www.asgard-samara.ru